

Америка

Иллюстрированный

журнал № 51

Цена 5 руб.

Америка

Иллюстрированный журнал № 51

На первой странице обложки: отдыхающие в маленьком курортном городке Форт-Лодердейл, шт. Флорида, часто совершают прогулки по морю в легких лодках с пестрыми парусами — развлечение, доступное каждому, ввиду умеренной платы за пользование лодками.

На второй странице обложки: на одной из железнодорожных станций Лос Анжелоса (штат Калифорния), передвижной кран поднимает комплекты колес и передает их в ремонтную мастерскую для замены изношенных вагонных колес.

На третьей странице обложки: одевая патрон нового фасона, художница-модельер, работающая в фирме Розенфельда (см. стр. 50), сметывает на манекене первый экземпляр модельного платья.

На четвертой странице обложки: долина Соленой реки в центральной Аризоне, где Адриан Риггинс и его соседи-фермеры ежегодно снимают по четыре урожая овощей и зерновых (см. стр. 30). На снимке: затопленные земли до орошения.

- стр. 1 Содержание
- 2 Арбитраж — путь к разрешению конфликтов
- 6 Горы бумаги
- 10 Наука для непосвященных
- 12 Лососи реки Колумбии
- 20 Общественные работники США за границей
- 26 Ветераны войны
- 30 Фермер в пустыне
- 33 Как работает Эндрю Уайет
- 38 Жизнь в университетском городе
- 48 Механическая стирка на дому
- 50 Два с половиной миллиона платьев в год
- 56 Пенсильванские немцы
- 58 Пять лет спустя
- 66 Сестры Пибоди из Салема

АРБИТРАЖ —

путь к разрешению конфликтов

Американцы часто читают в газетах о разногласиях общегосударственного значения между рабочими и работодателями. Сведения о ходе переговоров между обеими сторонами и условиях соглашения нередко печатаются на первой странице. Публика знает также о десятках менее важных споров, ежедневно разрешаемых обычным путем, то есть конфликтными комиссиями на фабриках, заводах, в помещениях дирекции или профсоюза во время рабочего дня.

Но в газетах мало говорится о том, что с каждым годом все большее количество трудовых конфликтов, неразрешенных обычным путем, улаживаются при помощи добровольного арбитража. Заседания происходят в залах Американской арбитражной ассоциации. Рассмотрение каждого конфликта по существу является одновременно совещанием, судебным разбирательством и, в некотором смысле, даже своего рода наглядным обучением. Дело в том, что Ассоциация ставит перед собой просветительские задачи; по ее мнению, показ работы — лучший способ пропаганды добровольного арбитража.

Ассоциация определяет добровольный арбитраж, как «судебный процесс» и решение арбитра почти всегда юридически обязательно, хотя выдвигаемый по соглашению обеих сторон судья часто не имеет специальной юридической подготовки. Обе стороны предъявляют доказательства в форме свидетельских показаний или документальных данных и в качестве своих представителей могут приглашать адвокатов. Однако, присяжные в арбитраже не участвуют, и весь процесс лишен характерного для судебных дел драматизма.

Самым примечательным является факт, что система арбитражного разрешения трудовых конфликтов оказалась вообще осуществимой. Около пятнадцати лет назад лица, которые теперь регулярно встречаются друг с другом и трезво обсуждают условия договора, находились в двух враждебных лагерях и вели между собой ожесточенную борьбу, закончившуюся созданием крупных профсоюзов. Многие предприниматели относились к профсоюзам крайне отрицательно, главным образом, потому, что не понимали их назначения и не желали сотрудничать с их лидерами. По мнению промышленников,

организаторы профсоюзов были посторонним элементом, который вторгается в личные дела предпринимателя и своими бесконечными спорами и требованиями может повредить предприятию.

В свою очередь, многие лидеры профсоюзов сомневались в возможности установления делового сотрудничества с предпринимателями, полагая, что жажда наживы заглушает в них человеческие чувства. Нельзя сказать, что эти предрассудки могли быть полностью преодолены в течение одного или двух десятилетий. Но уже к 1950 г. недавние противники научились за последнее десятилетие систематически и спокойно устранять возникающие разногласия.

Еще до 1920 года небольшие группы организованных рабочих прибегали к добровольному арбитражу; некоторые предприниматели также одобряли такой способ разрешения трудовых конфликтов. В 1926 г. предпринимателями и профсоюзными деятелями была создана Американская арбитражная ассоциация с целью содействовать распространению наиболее простого и миролюбивого разрешения вопросов трудового характера. Это частная, не заинтересованная в прибылях организация должна была существовать на членские взносы, пожертвования и плату за услуги. Своей задачей она ставила разработку техники и правил арбитражной процедуры. Ассоциация разбирала споры, рекомендуя арбитров, организовала совещания и протоколировала дебаты, взимая за это с каждой стороны по 25 долларов (100 рублей) за каждый день слушания дела.

Первое время в списки арбитров Ассоциации включали, главным образом, специалистов в области торговли, которые занимались разбором коммерческих дел. В дальнейшем последовал разбор других трудовых вопросов. Многие профсоюзы, при содействии предпринимателей, создали в каждой отрасли промышленности свои постоянные арбитражные комиссии. После второй мировой войны количество трудовых вопросов, разрешаемых путем арбитража, настолько увеличилось, что в наши дни они составляют большинство дел, рассматриваемых Ассоциацией.

Сто шестнадцать национальных и международных рабочих органи-

Сессия арбитража по разбору трудовых конфликтов между сталелитейной компанией Реблинг и союзом «Юнайтед Стилуоркерс оф Америка» под руководством Американской арбитражной ассоциации. На снимке: слева направо — арбитр-адвокат Чарльз Шорт, клерк Арбитражной ассоциации и два представителя компании Реблинг.

заций через сотни своих местных комитетов, связаны с Арбитражной ассоциацией, тысячи заключенных ими с отдельными компаниями договоров содержат пункт, предусматривающий обязательную передачу на арбитраж вопросов конфликтного порядка. «Все споры, претензии и жалобы, вытекающие из данного договора или связанные с ним, — гласит этот пункт, — будут передаваться на арбитраж и разрешаться на основе существующих правил для добровольного арбитража...», утвержденного Американской арбитражной ассоциацией. Вынесенные решения являются для обеих сторон обязательными и обжалованию не подлежат.

Профсоюз рабочих сталелитейной промышленности — «Юнайтед Стилуоркерс оф Америка», объединяющий более 1.900 местных организаций, включил в свои договоры с предпринимателями пункт о добровольном арбитраже. В г. Трентоне, шт. Нью-Джерси, находятся 2.110-я и 2.111-я секции этого профсоюза, охватывающие более 4.000 рабочих компании «Джон Реблинг и сыновья» — сталеваров и специалистов по выпуску металлических тросов; арбитражное разбирательство стало у них обычным явлением. Каждый вопрос прежде всего подробно обсуждается на основе раздела о порядке рассмотрения жалоб, включенного в двухлетний договор между местными рабочими организациями профсоюза сталелитейщиков и администрацией компании Реблинг. В первом пункте этого раздела рабочие отвергают стачку и локаут, как методы для разрешения конфликта, и обязуются на время действия договора улаживать споры, не прерывая работы предприятия. Далее следуют меры, перечисленные в порядке последовательности их применения:

1. Обсуждение жалобы рабочего группой в составе жалобщика, мастера и представителя профорганизации.

2. Вопросы, затрагивающие рабочих разных бригад, и жалобы, оставшиеся неразрешенными на первом этапе, переписываются в нескольких экземплярах соответствующим мастером или заведующим заинтересованного цеха. Они подлежат обсуждению мастерами, заведующими цехами и членами конфликтной комиссии не позже, чем через пять дней с момента вручения письменного извещения.

3. Обжалование решений, вынесенных на втором этапе, а также вопросы, затрагивающие несколько цехов, рассматриваются конфликтной комиссией, собирающейся регулярно каждые две недели. Обеим сторонам вручают протоколы заседаний.

4. Обжалование решений, принятых на третьем этапе, рассматривается комиссией в составе одного или нескольких представителей администрации (на этом этапе обязательно участие заместителя директора и одного или нескольких представителей профсоюза, а

именно — окружного комитета союза сталелитейщиков в Филадельфии); жалобщики, ответчики, свидетели и представители обеих сторон, разумеется, тоже принимают участие в дискуссии.

Если разногласия не удастся уладить и на этом этапе, компания и профсоюз должны в пятидневный срок договориться об арбитре. Если почему-либо и этого нельзя сделать, вопрос передается на разрешение Американской арбитражной ассоциации.

Недавно Ассоциация провела на заводе Реблинга двухдневную сессию, на которой было рассмотрено четырнадцать разных вопросов. Арбитражную машину привел в действие главный представитель профсоюза в г. Трентоне — Вильям К. Роббинс. Прежде всего он написал заместителю директора компании Реблинг, занимающемуся вопросами труда на производстве, письмо, приложив к нему текст того пункта договора, где речь шла об арбитраже, а также текст жалоб, направленных в Ассоциацию. Одновременно копия письма была отправлена Лоуренсу Брауну, судебному клерку Американской арбитражной ассоциации в Филадельфии. Браун просмотрел список арбитров по трудовым вопросам филадельфийского района, отобрал десять-двенадцать фамилий и предложил компании и профорганизации наметить кандидатов. Каждая сторона должна была в недельный срок вычеркнуть неприемлемых для нее лиц, проставить против остальных фамилий цифры в порядке убывающей приемлемости и отослать список обратно в Филадельфию. Получив список, Браун сложил проставленные против каждой фамилии цифры и сообщил обеим сторонам имя кандидата, оказавшегося на первом месте. В данном случае это был Дж. Чарльз Шорт, адвокат и преподаватель университета, читающий лекции о трудовых отношениях на производстве. В списке компаний перед его фамилией была поставлена цифра 1, а в списке профорганизации — цифра 2.

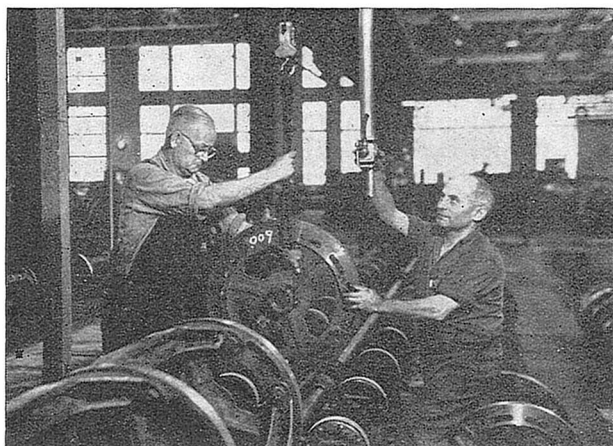
Через неделю или две после своего назначения арбитром Шорт приехал на завод компании Реблинг, находящийся близ г. Трентона. Его сопровождал Браун, в обязанность которого входило наблюдение за ходом совещаний и краткое их протоколирование; обычно по взаимному соглашению стороны отказываются от стенографирования. Для заседаний был резервирован большой зал. Обе стороны заняли места друг против друга за большим столом из красного дерева. Шорт повел заседание официально: по его требованию участники совещания, стоя, принесли торжественную присягу, что будут соблюдать правила добросовестного арбитража и давать правдивые показания. Заседание началось рассмотрением заявлений двух слесарей-монтеров — Бекера и Понзи — о вознаграждении за произведенную ими летом временную работу. Этот случай должен был стать показательным: обе стороны согласились разрешить несколько аналогичных дел по образцу первого.

За два дня заседаний, длившихся по шести часов, на сессии было рассмотрено четырнадцать жалоб. Справа: представитель профсоюза Вильям К. Роббинс (подпирающий голову рукой) внимательно слушает оратора. Слева: выступает П. Инглэнд, представитель компаний.

Слесарь-монтер разряда А (слева) — специалист по ремонту оборудования, сконструированному заводом. На снимке: он устанавливает новую машину для вития тросов, которая будет свивать проволоку в канатные пряди. Ему помогает менее квалифицированный монтер разряда С.

Дело Бекера и Понзи

Целесообразность арбитража по вопросам труда в огромной степени зависит от того, насколько каждый арбитр знаком с техническими условиями, определяющими ту или иную тарификацию в договорах, аналогичных тому, который разбирался Шорт. Споры по вопросам тарификации трудовых процессов являются, пожалуй, теми проблемами, какими, главным образом, занимаются органы арбитража. Шкала заработной платы строится на основе большой и сложной таблицы расценок всех применяемых на заводе видов труда, отличающихся большим разнообразием с точки зрения сложности и объема.

Составление шкалы зарплаты и характеристика операций — одна из самых трудных задач как для администрации, так и для профсоюзов. Каждую, проводимую на заводе операцию приходится время от времени пересматривать с учетом новых способов производства или изменившихся ставок зарплаты.

На заводе Реблинг была недавно разработана новая тарифная сетка для рабочих многих специальностей. Комиссия, состоявшая из представителей администрации и профсоюза, положила немало труда на разбивку слесарей-монтеров по разрядам. Подобно плотникам и электротехникам, которые считаются специалистами, слесарей-монтеров разделили по степени квалификации на три разряда — А, В и С, от которых зависел размер их зарплаты.

Слесари-ремонтники отдела эксплуатации производят ремонт и смену частей всех машин, участвующих в производственном процессе. В большинстве случаев заведующий механическим цехом направляет слесарей-монтеров по мере надобности, в разные производственные секторы. Но в некоторых секторах имеется свой постоянный слесарь-монтер, работающий там полный рабочий день. Бекер и Понзи — слесари разряда В и С — нередко помогали двум рабочим разряда А. Во время отпуска последних Бекер и Понзи временно заменяли их. На этом основании, за соответствующий период, они требовали зарплаты, получаемой рабочими разряда А.

Представитель профсоюза Роббинс поддержал их требование, ссылаясь на раздел 10 статьи 3 договора, согласно которой при переводе работника из одного разряда в другой, он должен получать вознаграждение по ставке высшего разряда.

Компания возражала на том основании, что размер платы слесарям-монтерам зависит не от занимаемой ими должности, а от их квалификации. Поскольку Бекер и Понзи принадлежат к разряду В и С и лишь временно замещали работников разряда А, никто не требует от них выполнения обязанностей, которые несли эти последние.

Бекер и Понзи заявили, что их обязанности на это время значительно увеличились, хотя это отрицал заведующий отделом эксплуатации. Обе стороны предъявили в качестве вещественных доказательств ряд документов, — в частности протоколы заседаний конфликтной комиссии.

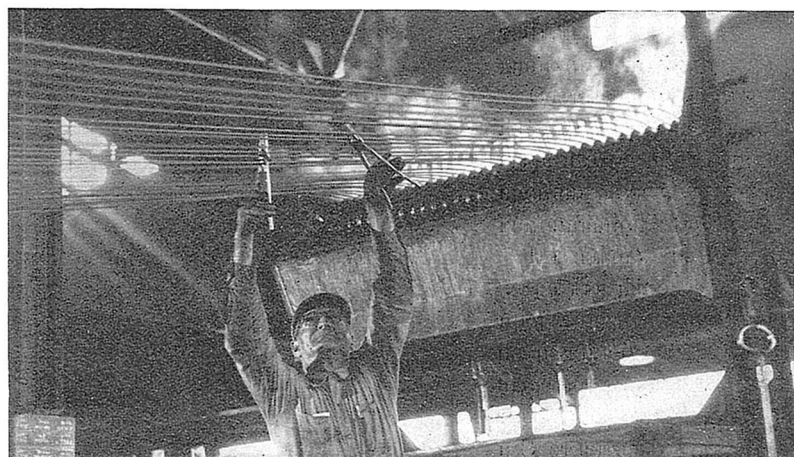
После перекрестного допроса свидетелей и многократных ссылок противной стороны на текст отпечатанного в виде брошюры договора, рассмотрение данного дела было закончено. Шорт предложил перейти к следующему вопросу: жалобе Т. Уэллса о понижении его по службе.

Дело Томаса Уэллса

Томас Уэллс работал несколько лет в группе рабочих, обслуживающих закалочную печь, где (согласно точным спецификациям) подвергается закалке на твердость, жесткость, сопротивляемость и разрыв проволоочная катанка. Заменяя иногда старшего мастера, ему приходилось работать у разного типа печей. Два года назад Уэллс был назначен на постоянную должность старшего у свинцово-закалочной печи № 20. Заведующий цехом сильно сомневался, достаточно ли он квалифицирован для такой работы, но повышение было произведено в строгом соответствии с правилами замещения должностей, предусмотренными договором. При отсутствии препятствий, в виде явной недостаточности квалификации или физической непригодности, назначение получает претендент с большим стажем. Проработав два года старшим, Уэллс был снова сделан рядовым рабочим, так как в течение двух дней допустил две серьезные ошибки.

В своей жалобе Уэллс писал следующее: «Я признаю себя виновным. Но за два года моей работы у этой печи не раз происходили ошибки, и хотя я был не при чем — вину все же приписывали мне. Прошу дать мне возможность доказать, что я пригоден для этой работы». С другой стороны, заведующий цехом заявил, что, по его мнению, другие ошибки в процессе работы закалочной печи № 20 случались также по вине Уэллса, хотя это невозможно доказать.

Путем показаний и перекрестного допроса свидетелей было установлено, что за время работы горновым Уэллс только три раза был уличен в ошибках, достаточно серьезных для того, чтобы быть изложенными в письменном рапорте, который является официальным предупреждением перед наложением взысканий. Между первым и

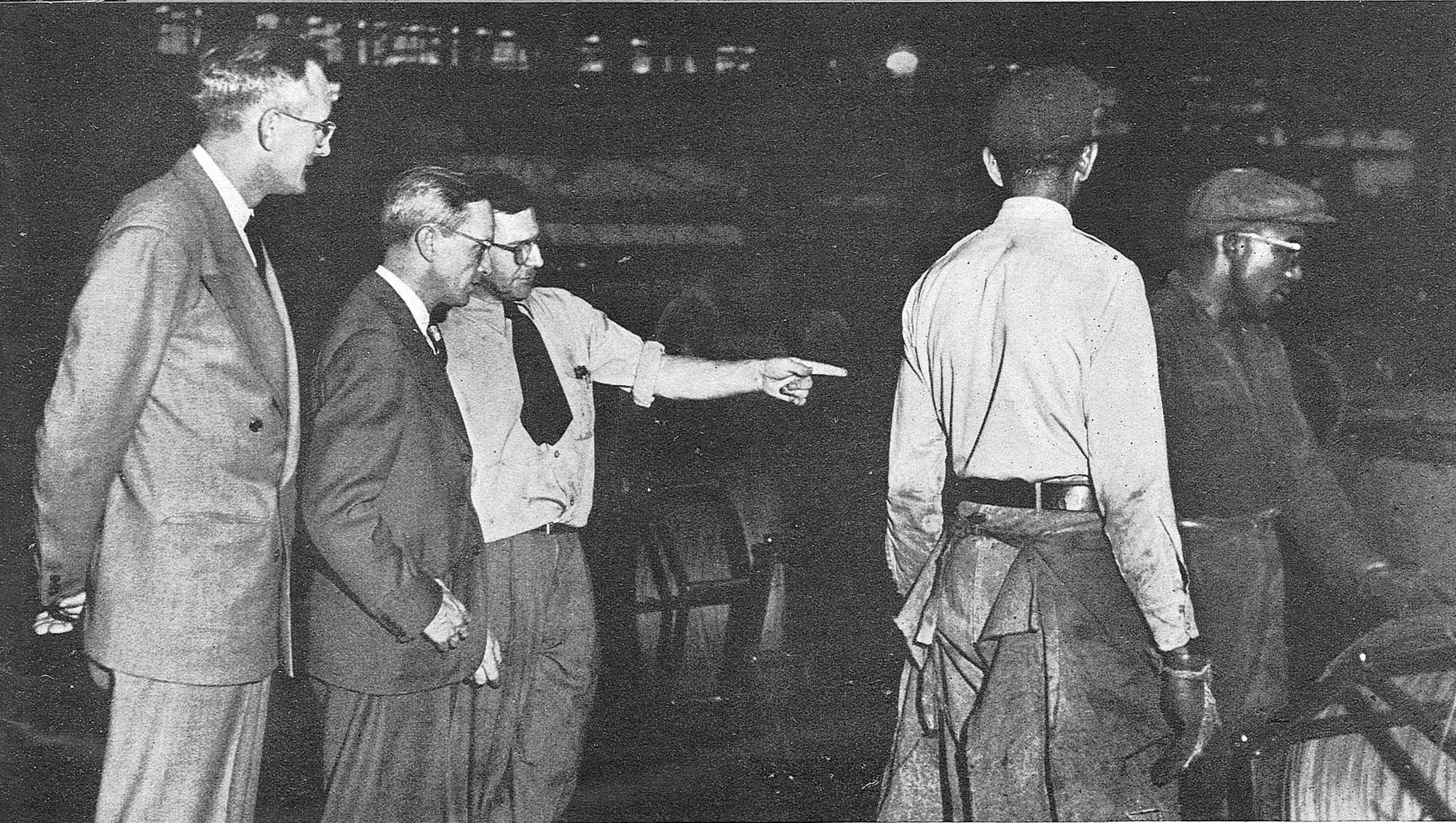

Старший из группы рабочих, обслуживающий закалочную печь, раздвигает спутавшиеся проволоочные катанки, постепенно по мере их выхода из горячей свинцовой ванны.

вторым рапортом прошел год пять месяцев. Вторая ошибка Уэллса заключалась в том, что он прикрепил не те ярлыки к двум партиям катанок. В третьем рапорте, поданном на следующий день, он обвинялся в том, что две партии катанок оказались недостаточно прочными, после чего Уэллс был переведен на прежнюю должность рядового рабочего. Компания пыталась доказать Уэллсу, что он делал и другие промахи, но профсоюз не принял во внимание эти доказательства, как не имеющие отношения к обсуждаемому вопросу. Главный аргумент профсоюза в защиту Уэллса заключался в том, что за время работы в должности старшего, Уэллс на 98 процентов выполнял предъявленные к нему требования, и что у каждого работника бывают «неудачные дни». Профсоюз настаивал, чтобы Уэллсу была дана возможность доказать, насколько он пригоден для работы горнового, и чтобы ему был возмещен материальный ущерб, причиненный в связи с понижением по службе.

В шесть часов вечера Шорт прервал заседание до следующего дня и отправился читать лекцию на вечерние курсы. К концу второго дня был закончен разбор остальных жалоб. Шорт обещал передать свое заключение Брауну не позже, чем через месяц, в соответствии с правилами Ассоциации. Документ был получен в положенный срок: из четырнадцати вопросов девять были решены в пользу компании и один снят с обсуждения по соглашению сторон, достигнутому на самом заседании. Шорт подробно обосновал свои заключения в приложенной к делу записке.

В некоторых случаях характер рассматриваемой жалобы требует от арбитра и свидетелей посещения цеха и проверки фактов на месте. На снимке: клерк Арбитражной ассоциации (слева) и арбитр Чарльз Шорт детально знакомятся с работой свинцово-закалочной печи № 20. Объяснения дает главный мастер и заведующий цехом Бентл. Справа: двое заводских рабочих.

Решение арбитра. По поводу жалобы Понзи и Бекера Шорт писал: «Несомненно, все три разряда слесарей-монтеров, занятые на одном участке, выполняют разную работу. Иначе профсоюз, конечно, настаивал бы на одинаковой зарплате. Компания не требует от слесаря-монтера разряда С, чтобы он оказывал помощь и давал советы другим слесарям-монтерам, как это делает слесарь-монтер разряда А. Учитывая столь резкую разницу между ними, нельзя утверждать, что речь идет об одной и той же работе. В данном случае разногласия основаны на произвольном понимании терминов. Как понимали обе стороны термин «работа», когда устанавливали правила, согласно которым служащий, переведенный по желанию компании с одной работы на другую, должен получать более высокий оклад? В настоящее время претензии профсоюза находятся в полном соответствии с тем пониманием термина «работа», из которого исходили в прошлом обе стороны, когда речь шла о данном цехе... Хотя точку зрения компании нельзя считать не обоснованной, арбитр, после тщательного рассмотрения доказательств и доводов сторон, пришел к выводу, что жалоба подлежит удовлетворению».

По делу Уэллса Шорт высказался следующим образом: «Довод профсоюза, что первую ошибку от второй отделяет период в один год пять месяцев, следует признать существенным... Однако, арбитр не может не принять во внимание, что непосредственным поводом к понижению в должности явились две ошибки, сделанные в течение двух дней подряд. Наличие этих двух ошибок, так быстро последовавших одна за другой, заставляет подойти к вопросу с максимальной осторожностью... По мнению профсоюза, арбитр поступил бы справедливо по отношению к Уэллсу, решив дело в его пользу, то есть, если бы дал ему возможность доказать случайность ошибок... При всем сочувствии к нему арбитр не может, однако, требовать официального предоставления служащему такой возможности... Точка зрения профсоюза могла бы быть принята во внимание администрацией при непосредственных переговорах; но, поскольку вопрос перенесен в арбитраж, он должен быть решен не на основании сочувствия, а исключительно на основе объективных фактов...

К счастью, в данном деле взыскание — не суровое; речь идет не об увольнении; работник при условии повышения своей квалификации сможет добиться нового продвижения по службе. Арбитр вынужден заявить, что жалоба должна быть оставлена без последствий».

Заведующий цехом — инициатор понижения по службе Томаса Уэллса — сильно волновался в ожидании решения. «Я долго ничего не предпринимал, желая вполне убедиться в безусловной необходимости этой меры, — объяснил он. — Если бы его восстановили, в цехе создалась бы невыносимая обстановка».

Для большинства должностных лиц и свидетелей разбор четырнадцати жалоб представлял обычное, заурядное явление. Но человеку постороннему, мало разбирающемуся в отношениях между профсоюзом и администрацией, было бы интересно послушать разбирательство дела. Перед ним предстали бы две крупные организации, связанные друг с другом длинным, технически сложным и, в некоторых пунктах, не вполне ясным временным договором, определяющим их деловые взаимоотношения, которые должны быть достаточно гибкими, чтобы, руководствуясь ими, рассматривать любой индивидуальный случай. Обнаружилось бы также, что практика, установившаяся в одном цехе, распространяется на другие цехи и превращается со временем в правило для всей отрасли промышленности.

Профсоюзные лидеры США, — в частности лица, участвовавшие в заседаниях на заводе Реблинг, — смогли доказать своим противникам, что бдительность в деле защиты прав членов профсоюза и стремление расширить эти права вполне совместимы с чувством ответственности за высокую производительность труда, которое возникает у них, если им дается возможность принимать участие в общем руководстве предприятием. При двух противоположных точках зрения, при наличии закона, обязывающего к примирению, представители двух сторон, за какой-нибудь десяток лет, разработали систему для всей страны в целом, благодаря которой рабочие и администрация решают совместно, на равных правах, все вопросы, связанные с зарплатой и условиями труда в главнейших отраслях массового производства, добываясь в то же время рекордного выпуска продукции.

ГОРЫ БУМАГИ

Роджер Берлингейм

От редакции:

*Эта статья впервые была
опубликована в юбилейном номере
журнала «Харперс мэгэзин», праздновавшего
осенью 1950 года столетие
со дня своего основания. Автор
статьи — постоянный сотрудник журнала.*

Европеец, впервые приезжающий в Соединенные Штаты, изумляется колоссальному количеству бумаги, потребляемой в стране. Проходя мимо киосков, он видит груды журналов, юмористических еженедельников, книг в бумажных обложках и т. д. Почти все, что он покупает в магазинах, завертывается в двойную пеструю бумагу; сигары и сорочки отпускаются в целлофановой упаковке; даже при покупке обыкновенной пары носков продавец непременно вложит в сверток выписанный чек. Если в воскресное утро остановившийся в гостинице турист пошлет коридорного за газетами, тот принесет ему полтора-два килограмма разнообразного печатного текста с приложениями — один или несколько журналов и целую энциклопедию различной информации: как печь печенье, какую соблюдать диету, чтобы похудеть, как шить детские штанишки, статьи о детской психологии, гормонах, о дебатах в Конгрессе, полетах со скоростью, превышающей скорость звука, о бетховенских симфониях, гробнице св. Петра, новых медикаментах, иранской археологии, садоводстве, религии, химических реактивах и, наконец, он найдет целую повесть и полдюжины страниц с юмористическими иллюстрациями.

В библиотеках и других учреждениях Америки находится невероятное количество печатного материала. В Вашингтонском государственном архиве и в его филиалах и бюро, разбросанных по всей стране, хранятся 560.000 кубических метров официальных документов. В Библиотеку Конгресса ежегодно поступает семь с половиной миллионов ящиков с книгами, периодическими изданиями, газетами, фото пленками, и половина этого материала сохраняется. Если поговорить с архивариусами, научными библиотечными работниками и другими специалистами книжного дела, становится ясно, что они с тревогой смотрят в будущее. В виде примера можно привести одно замечание: если библиотека Йельского университета будет продолжать пополняться обычным порядком, то в 2040 году ей потребуется около 10.000 километров книжных полок и штат в 6.000 служащих лишь для того, чтобы каталогизировать новые книги.

II.

Теперь, когда мы вступаем во вторую половину века, интересно установить начало бумажного наводнения. Не тронулась ли эта бумажная лавина в 1850 году? Если это не случилось сто лет назад,

то когда именно началось это «наступление бумаги?»

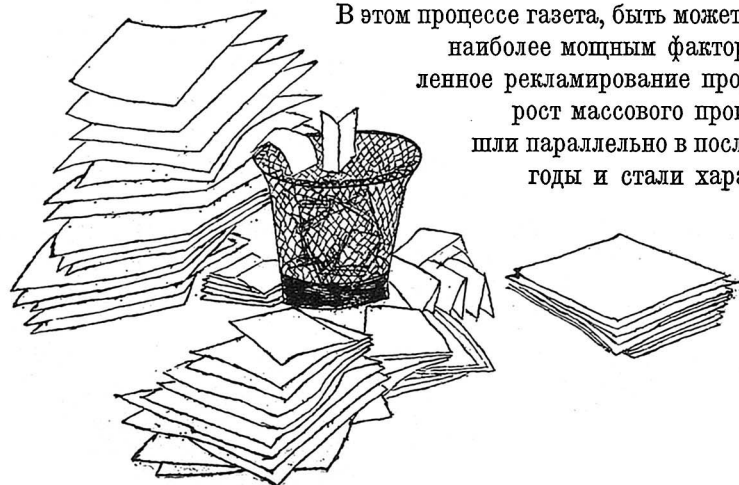
В нашем представлении 1850 год кажется бесконечно далеким. Это была беспокойная эпоха колонизации страны, когда условия вряд ли содействовали интеллектуальному развитию населения, но все же именно тогда дешевая «Газета-пенни» завоевала прочное место в восточных районах. Роберт Хо запатентовал четырехцилиндровую ротационную печатную машину, а на многих бумажных фабриках работали машины Фурдринье или их усовершенствованные американские варианты, выпускавшие сплошные полосы бумаги.

В 1849 году 430 бумажных фабрик США выпустили 78.000 тонн бумаги всех сортов, а сто лет спустя выпуск бумажной продукции увеличился в 250 раз. Но даже тогда иностранцев-путешественников изумляло количество печатного материала, какое им приходилось видеть в городах, селениях и даже на одиноких фермах. Английские путешественники Д. В. Митчелл и В. Е. Бакстер подсчитали, что в начале пятидесятих годов прошлого столетия в США издавалось от 2.400 до 2.800 газет, выходивших ежедневно, еженедельно или два-три раза в месяц, общим тиражом в пять миллионов экземпляров. Таким образом, на четыре человека приходился один номер. В 1857 г. лондонский издатель Вильям Чэмберс писал: «Газета в США не прихоть и не роскошь, а жизненная необходимость».

В начале шестидесятих годов английский романист Антони Троллоп, бывший невысокого мнения об американском журнализме, поражаюсь широкому распространению газет среди всех слоев американского населения. «Извозчики на улицах, чистильщики сапог в вестибюлях отелей, молодые женщины и дети постоянно читают газеты», — писал он. Сэр Сэмюэль Пето, приехавший в Америку в конце шестидесятих годов, насчитал 3.666 газет с общим тиражом в десять миллионов экземпляров (вдвое больше, чем десять лет назад), то есть — «по одному экземпляру на каждого третьего человека». Сэр Сэмюэль добавил, что бумага в то время вырабатывалась не только из тряпья, как прежде, но также из хлопковых отходов, соломы, сена, сенной трухи, хвоя, кукурузной шелухи, листьев тутовых деревьев, древесной коры, сахарного тростника и камыша.

Подобные высказывания о широком распространении американской периодической печати того времени указывают на новые тенденции, намечавшиеся в промышленности, в том числе на тенденцию к массовой продукции. В Европе печатные издания считались роскошью даже в половине девятнадцатого столетия. В Америке, где перед каждым человеком открывались одинаковые возможности, и каждый батрак на ферме или механик на фабрике могли в один прекрасный день стать богачами, газеты были общим достоянием. Когда дешевые газеты рекламировали предметы роскоши, недоступные в данное время их читателям, они как бы заключали сделки с будущими богачами. В Европе господствовало мнение, что небогатые люди должны довольствоваться простыми вещами. Но в Америке, благодаря системе покупок в рассрочку, открылся столь широкий рынок сбыта, что это дало толчок массовой продукции. Предметы роскоши подешевели, и, в конце концов, даже автомобиль стал считаться предметом первой необходимости.

В этом процессе газета, быть может, явилась наиболее мощным фактором. Усиленное рекламирование продукции и рост массового производства шли параллельно в последующие годы и стали характерным

явлением американской жизни. Резкое увеличение потребления газетной бумаги, начавшееся с 1890 года, когда на человека расходовалось 2,7 килограмма, увеличилось в 1920 г. до 18,5 кг. Это было время, когда такие предметы роскоши, как велосипед, фотоаппарат, швейная машина, карманные часы, домашнее электрооборудование, телефон и, наконец, автомобиль стали предметами широкого потребления.

Чем больше эти изделия проникали в быт «рядового человека», тем больше бумаги расходовалось на их рекламу.

Хотя газеты играют очень важную роль в общественной жизни страны, они составляют лишь одну из глав в повести о горах бумаги. Возвращаясь к пятидесятым годам прошлого столетия, мы найдем у историка Аллана Нэвинса указание, что в тот период издательское дело в США процветало, как нигде в мире. Книги, как и газеты, читали все, независимо от социального и материального положения. «Книги можно найти в самой бедной хижине, сколоченной пионером Запада», — писал граф де Гасперин в 1860 году. «Не помню, чтобы, осматривая квартиру какого-либо американца, я не находил в ней книг или журналов», — писал в 1862 году Троллоп, детально изучавший жизнь трудовых слоев населения США. «Английский возчик или рабочий», — добавлял Троллоп, — гордился тем, что он умеет читать; американец же считает это в порядке вещей».

В 1856 г. в Америке имелось 300 книжных издательств, большей частью в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и Балтиморе. Книгоноши, путешествуя на поездах, лодках или лошадях, доставляли книги на фермы и в поселки пионеров, разбросанные в отдаленных районах страны. Эти замечательные комивояжеры были уважаемыми и желанными гостями в лесной глуши, куда, вместе с томиками Шекспира, антологиями и энциклопедией, романами Диккенса и Дюма, Купера, Ирвинга и Лонгфелло, они приносили из центров культуры всевозможные слухи и новые веяния.

Уже сто лет назад журналы наводняли бумажные фабрики заказами. Все же до 1890 г. тиражи периодических изданий были сравнительно невелики. В 1900 г. «Журнал для домашних хозяек», издававшийся Э. Боком, расходился миллионным тиражом по 10 цент за номер. Массовый тираж открыл путь к широкому использованию реклам. Хотя в литературном мире к этому явлению относились неодобрительно, авторы, печатавшиеся в журнале, впервые получили возможность существовать на свои литературные заработки.

За десятилетие, от 1890 до 1899 г., тоннаж «книжной продукции» увеличился вдвое. Впрочем, были и другие факторы, способствовавшие росту производства бумаги. Так называемая «книжная бумага» шла не только на книги и журналы. Все отрасли торговли с каждым годом все больше и больше нуждались в печатном материале. Было время, когда массовая продажа товаров широкого потребления зависела от таланта комивояжера, выгодных условий кредита или доверия к покупателю, дававшему обещание в срок произвести расчеты и, как правило, выполнявшему обязательства. К сожалению, американские историки и писатели упускали из виду эту важную

фазу экономического развития страны, а тысячи разъезжавших продавцов жаток и сноповязалок Маккормика, швейных машин Зингера и часов Сета Томаса не вели никаких записей. Хотя эти комивояжеры были более грамотны, чем их предшественники-книгоноши, все же они мало пользовались бумагой для переписки, так как нельзя было рассчитывать на медленную и ненадежную почту.

В 1872 году предприимчивый делец Аарон Монтгомери Уард разработал новый план сбыта товара: в течение двух лет он рассылал

фермерам, проживающим в отдаленных районах, каталоги в восемь страниц.

В последующие два года объем каталогов увеличился до 150 страниц с иллюстрациями; в 1888 году ежегодный оборот «торговли по почте» достиг миллиона долларов.

В 1900 г. последователи Уарда — Сирс и Робак — разослали 425.000 каталогов размером с городскую телефонную книгу. Получив новый каталог, фермер ставил его на полку

рядом с Библией. Благодаря Уарду «торговля по почте» распространилась подобно эпидемии, — особенно среди торговцев семенами и москательными товарами.

Это подтверждается данными почтовой статистики о товарах, проданных и купленных по почте, общее количество которых за период 1890-1913 гг. выросло с 4 до 18,5 миллиардов в год.

III.

Большая часть бумаги, выработанной за последние сто лет, шла в макулатуру; ею растапливали печи или собирали и снова перерабатывали в бумажную массу. Ненужная бумага доставляла немало беспокойства пожарным, метельщикам улиц и другим работникам санитарного управления. Однако, более сложная проблема возникла в связи с необходимостью хранения части печатных материалов.

Вследствие закона, принятого в 1913 году правительством Соединенных Штатов, государственные архивы пополнились новыми материалами, поступавшими от населения. Внеся соответствующую поправку в Конституцию, правительство потребовало от граждан представления анкет со сведениями о размере годового дохода. Вначале это коснулось лиц, имевших значительные доходы, но затем действие закона распространилось на более широкие слои населения.

Таким образом в домашнем быту американцев впервые возникла необходимость вести сравнительно сложную бухгалтерию. Записи, которые прежде выбрасывались, как ненужные, теперь превратились в «вещественные доказательства» статей расхода.

Требования, возникшие в связи с подоходным налогом, принятым Федеральным правительством (а позднее правительством штатов), заставили предприятия организовать отделы особой отчетности.

Первая мировая война вызвала новый поток правительственных бланков и анкет. Усилия поднять экономику после кризиса тридцатых годов сопровождались небывалым бумажным наводнением. Правительственные канцелярии и отделы стали интересоваться вопросом, как долго должны они хранить эти документы.

В течение почти сорока лет проблема хранения бумаг еще больше обострилась. Многие материалы, требовавшиеся для текущих дел, могли быть уничтожены через некоторое время. Но что делать с громадной массой военных архивов? Не будут ли детали сухопутных или морских боевых операций ценны для историка? Как ветеран войны сможет получить пенсию без послужного списка? С другой стороны, нужно ли сохранять в трех экземплярах заявки на одеяла и шерстяные носки?

В 1934 году Конгресс принял закон об учреждении «Государственного архива», и с тех пор хранение документов было поручено архивариусам. Здание государственного архива в Вашингтоне — центр, куда поступает федеральная отчетность, измеряемая кубическими метрами. В многочисленных филиалах архива, разбросанных по всей стране, хранятся 560.000 кубометров печатного материала, фильмов, звукозаписей, но преимущественно документов. Эту феде-

ральную отчетность постоянно пересматривают, ненужные материалы выбрасывают, а имеющие временное значение сортируют и хранят в филиалах. Ценные документы отправляют в Вашингтон для постоянного хранения. В здании Вашингтонского государственного архива они занимают площадь в 25.200 кубометров.

Государственный архив — Мекка для американских историков. Сюда приходят также лица, разыскивающие искивые заявления против правительства или документы на земельные участки, военные и дипломатические эксперты, юристы, исследователи, ученые и т. д. Предполагается, что в архиве должна храниться отчетность о каждой совершенной правительством торговой или промышленной сделке, о каждом судебном процессе, каждая официальная, не потерявшая своего значения запись, однако в первые полтора века истории Америки было затеряно много всевозможных документов. В эпоху движения на Запад американцы относились беспечно к хранению бумаг. Катастрофические пожары нередко уничтожали ценнейшие записи. Все же, количество и разнообразие материала, хранимого в настоящее время в Государственном архиве, необычайно велико и в связи с этим возникает новая проблема на будущее.

IV.

В пятидесятых годах прошлого столетия в Америке широко развернулось движение за организацию бесплатных библиотек для массового читателя. Открытие библиотеки Астора в Нью-Йорке, Публичной библиотеки в Бостоне и библиотеки Пибоди в Балтиморе было началом своего рода «эпидемии», быстро распространившейся в последующем десятилетии на Запад и охватившей штаты Иллинойс, Индиана, Мичиган и даже часть Канзаса. Уже в 1860 г. библиотеки, содержащие приблизительно 8 миллионов томов, бесплатно выдавали книги для чтения всем желающим.

Пятнадцать лет спустя промышленник Эндрю Карнеги пришел к заключению, что чтение не должно являться привилегией одних состоятельных людей. По общему мнению, именно Карнеги был «инициатором» бесплатных общественных библиотек, но это не совсем так. У него был иной подход. Карнеги предоставлял какому-либо городу или поселку лишь пустые помещения, но ставил предварительным условием, чтобы население отчисляло ежегодно сумму равную 10 процентам ассигнованных им сумм на покупку книг и содержание библиотеки. Карнеги и его последователи пожертвовали 36 миллионов долларов на устройство публичных библиотек, число которых, благодаря поддержке городских и сельских общин, к 1900 году превысило девять тысяч. В настоящее время Американская библиотечная ассоциация насчитывает 11.300 библиотек.

Среди библиотек имеются публичные и научно-исследовательские, хотя различие между ними не вполне ясно. Например, Библиотека Конгресса, Нью-йоркская, Бостонская и библиотеки других больших городов объединяют оба типа. Маленькие бесплатные библиотеки только случайно используются для научно-исследовательской работы, хотя библиотекари и стремятся приспособить их для этой цели. С другой стороны, школьные и университетские библиотеки предназначены преимущественно для научно-исследовательских работ.

Как правило, библиотеки, относящиеся к последней категории, не должны уничтожать какие бы то ни было материалы. Меню обеда, данного старинным и почетным Орденом буфетчиков в 1867 году, или каталог москательных товаров, выпущенный неизвестной лавкой в раннюю эпоху заселения Америки, могут потребоваться для справок раз или два в столетие; в таких случаях они будут ценным материалом для историка или автора докторской диссертации. Исследователю, изучающему литературные тенденции прошлого, потребуются старые десятицентовые романы давно ушедшей эпохи. Генеалогам нужны будут дневники, письма в подлинниках, завещания. Экономисты заинтересуются старыми счетами, накладными, фактурами, бухгалтерскими книгами и газетами. Для политических деятелей важное значение имеют записи речей или листовки, выпущенные в прошлые избирательные кампании каким-нибудь кандидатом с его биографией и описанием его заслуг. Таким образом, прямая обязанность библиотекаря состоит в том, чтобы найти место каждому, даже незначительному документу, занести его в каталог, переплести вместе с другими документами, сложить в ящик или сохранить в архиве, то есть «обработать» материал так, чтобы его сразу можно было найти.

Подобно государственному архиву, Библиотека Конгресса, сов-

мещающая все библиотечные функции, приводит наиболее показательные данные о своей работе. За один год, с 30 июня 1947 по 30 июня 1948 г., Библиотека Конгресса приобрела — путем покупок, подарков, обмена, непосредственно от авторов и другими способами — 7.606.576 названий, то есть на миллион больше, чем в предыдущем году. Из этого количества 3.705.468 названий, в том числе газеты и периодические издания, пополнили основной фонд библиотеки. Более половины поступившего материала, куда входили дубликаты и ненужные экземпляры, было отсортировано и выброшено. В основной фонд библиотеки вошло на полмиллиона названий больше, чем в предыдущем году. Это не был исключительный прирост; к 1949 году в фонде имелось 27.000.000 томов.

Библиотека Конгресса занимает исключительное положение; многие материалы поступают в нее автоматически, как например, правительственные издания и авторские экземпляры. Сотрудники должны обрабатывать ежедневно от трех до пяти тысяч периодических изданий, кроме газет. ООН присылает от пяти до семи тысяч разнообразных брошюр, отчетов и т. д. в неделю.

Фремонт Райдер, библиотекарь Везлеанского университета, в своей книге «Ученый и научно-исследовательские библиотеки будущего», приводит некоторые интересные данные; каждая университетская библиотека в США, со времени ее возникновения, увеличивается вдвое каждые 16 лет. Это относится как к библиотеке Гарвардского университета, основанной в 1636 году, так и к библиотеке, просуществовавшей 16 лет и впервые «удвоившей свой фонд». «Если библиотека не увеличивается систематически каждые 16 лет, — говорит Фремонт Райдер, — это значит, что университет, которому она при-

надлежит, начинает приходить в упадок. Хорошая библиотека служит показателем хорошей постановки дела в учебном заведении».

Библиотека, имеющая тысячу томов, может пережить много шестнадцатилетних периодов «удвоения», не испытывая особых трудностей. Но если библиотечный фонд содержит 4,5 миллионов томов (как Гарвардский, по данным 1944 года, приведенным Райдером), то следует ожидать, что в 1960 г. она будет иметь 9 миллионов томов, в 1976 — 18 миллионов, в 1992 — 36 миллионов и т. д.

Фремонт Райдер и другие библиотечные работники намечают пути к разрешению проблемы хранения книжных материалов. Библиотекари экспериментируют с микрофильмами и микрокарточками, уменьшая печать до предела, и таким образом экономят место. Но ученые, работающие с книгами и документами, предпочитают чувствовать в руках бумагу. В дальнейшем — в «послебумажной эре» — они должны будут приспособиться к новым условиям.

Разработаны также планы взаимного сотрудничества библиотек. Недавно, например, в одном из штатов Среднего Запада был организован новый библиотечный центр. Он приобретает книги, нумерует их и составляет каталоги одновременно для девятнадцати библиотек. Центр этот служит также местом хранения малоиспользуемого научно-исследовательского материала, присылаемого другими библиотеками и возвращаемого им по первому требованию. Таким образом, сберегаются огромные количества документов и печатных изданий.

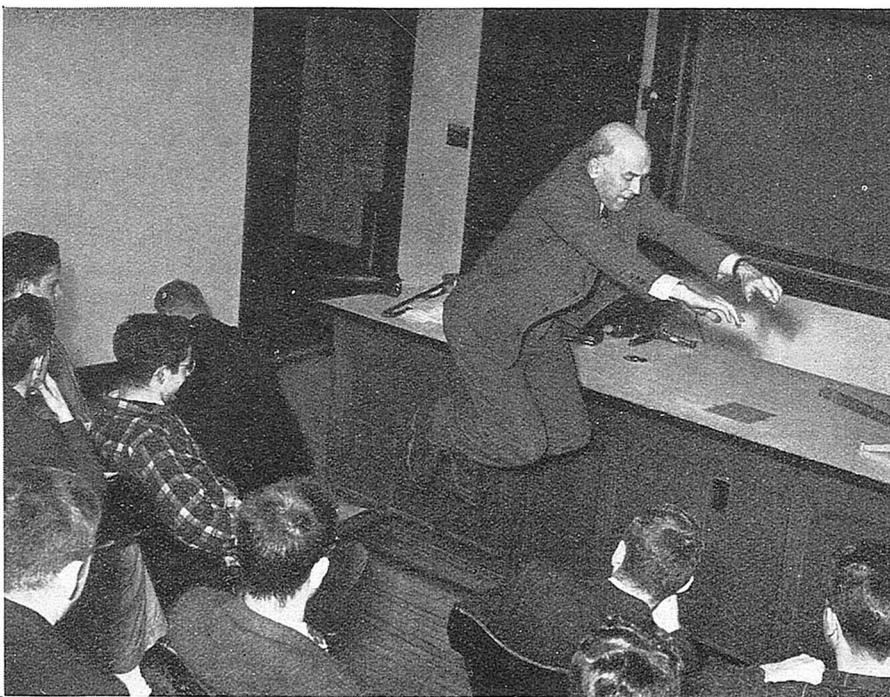
«Кажется, — говорит он, — мы быстро приближаемся к дню, когда перед цивилизацией встанет опасность задохнуться от чрезмерного обилия печатных материалов, если библиотечное дело не будет радикально усовершенствовано».

Harper's Magazine

Справа: пользуясь простыми методами для объяснения основных законов физики, д-р Сэттон демонстрирует принцип действия и реакции, прыгнув с маленькой тележки на колесах. Тележка после прыжка откатывается в обратном направлении вместе с сидящим на ней студентом. Действие, производимое прыжком вперед, равно противодействию откатывающейся назад тележки.

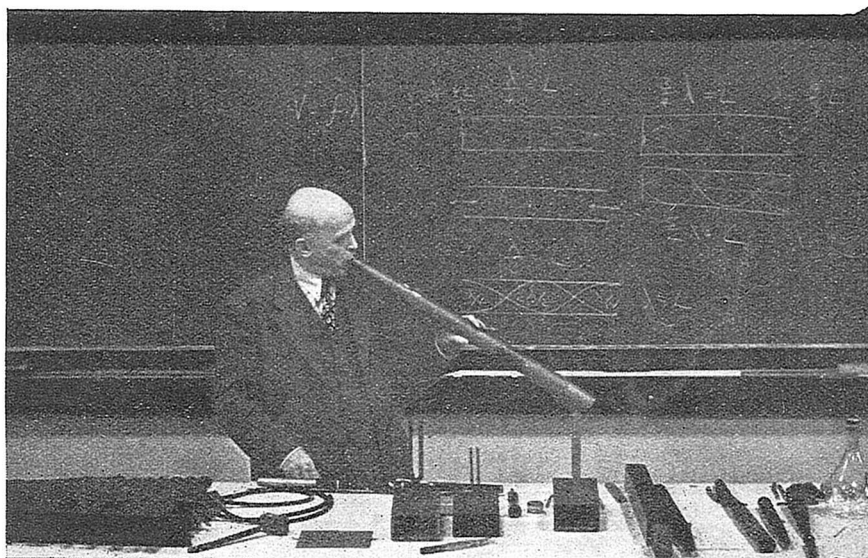

Хотя вес резинового мяча составляет 25-ую часть веса железного груза, он поднимает этот груз на определенную высоту с помощью центробежной силы. Мяч соединен с грузом нитью, пропущенной через трубочку. Чтобы показать принцип действия центробежной силы, д-р Сэттон вращает мяч с такой скоростью, при которой тяга мяча равна силе сопротивления груза на нитке.

Внизу: доктор Сэттон буквально «вбивает знания в голову студента». Демонстрируя действие принципов инерции движения и реакции силы удара, он вбивает гвоздь в деревянный брус, помещенный на предмете, находящемся на голове студента; хотя скорость движения молотка достаточно велика, его масса мала по сравнению с массой предмета на голове студента. Поэтому сила удара поглощается предметом, не вызывая у студента почти никаких ощущений.

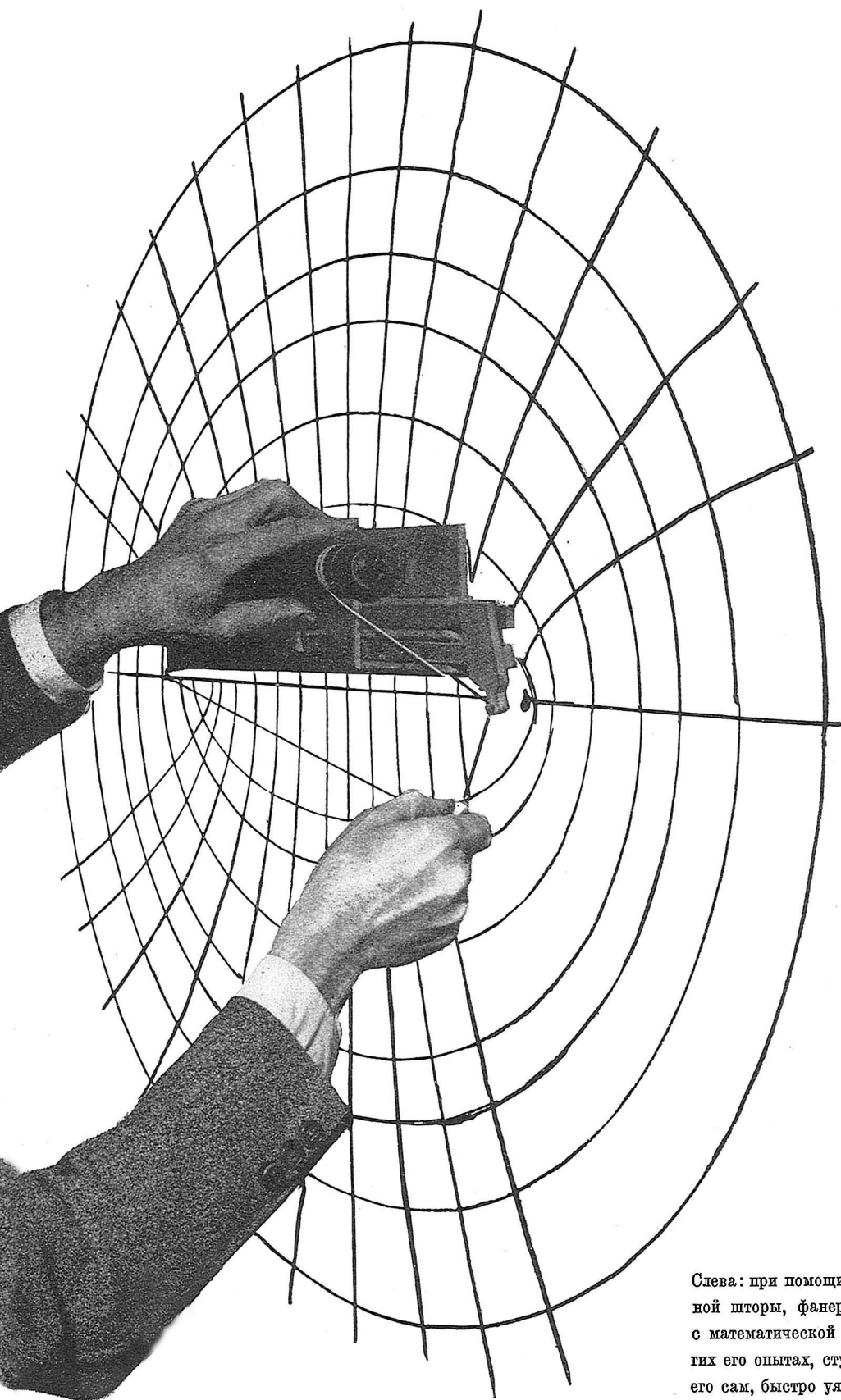

Справа: доктор Сэттон дует в органную трубку, чтобы объяснить свойство звука и его тона. Согласно законам физики, длина открытой трубы равна половине длины звуковых волн, которые она производит. При укорочении трубы уменьшается длина звуковой волны и увеличивается ее частота, а длина и частота волны обуславливают скорость звука, составляющую 340 м. в секунду. Так определяют зависимость между длиной трубы и высотой тона звуковой волны. Короткие трубы дают более высокие тона.

Наука для «непосвященных»

Слева: при помощи прибора, сделанного из пружинного ролика от оконной шторы, фанеры и лески длиной в $2\frac{1}{2}$ метра, д-р Сэттон чертит с математической точностью ряд эллипсов и гипербол. Как и во многих его опытах, студент, наблюдая за действием прибора или применяя его сам, быстро уясняет математические или физические принципы, на которых он основан. В данном опыте разница между длиной двух отрезков лески, по мере того как она разворачивается, остается постоянной, вследствие чего, этим прибором, соблюдающим математические условия гиперболы, можно с предельной точностью вычерчивать ее на доске.

Обучать математике и физике «ньютонов» завтрашнего дня или музыке будущих «рахманиновых» — высшее наслаждение для педагогов. Многие студенты, чувствующие склонность к той или иной отрасли знания, легко и быстро усваивают относящиеся к ней дисциплины. Но заинтересовать студента произведениями Шекспира, когда он не имеет ни малейшего влечения к поэзии, или преподавать математику тем, кто считает ее какими-то дебрями — трудное дело, от которого у преподавателя нередко появляются лишние седые волосы.

Д-р Ричард М. Сэттон из Хаверфордского колледжа в Пенсильвании разработал новый метод преподавания точных наук студентам, интересующимся совершенно другими дисциплинами. Здесь д-р Сэттон показан в классе, где он преподаёт элементарную физику учащимся, не имеющим намерения специализироваться в области точных наук, но обязанным иметь о них общее представление. В наглядные пособия, которыми пользуется д-р Сэттон, входят такие обычные предметы, как мышеловка, резиновый мячик и т. д. С этими и многими другими несложными объектами он проводит эксперименты, иллюстрирующие основные законы физики с такой ясностью, что они прекрасно запоминаются студентами. Некоторые из его простых, но эффективных по результатам и изобретательности опытов, показаны на приведенных здесь снимках.

Лососи реки Колумбии

Блестящие спины лососей, инстинктивно пробивающих себе путь вверх по реке к местам нереста, были зрелищем, наполнившим трепетом сердца американских пионеров, впервые увидевших могучую реку Колумбию. Это явление было одним из многих чудес природы Тихоокеанского Северо-Запада, которое заставило переселенцев почувствовать, что они не даром проделали длинный и тяжелый путь через континент. Здесь, в величавых девственных лесах, в горах, богатых полезными ископаемыми, в плодородной земле, в море и реках лежали невиданные сокровища. Но прошло немного времени и началась неизбежная борьба человека с природой. Пытаясь сохранить и приумножить естественные богатства, он начал создавать искусственные условия, соответствующие многовековым привычкам лососей. Эти попытки составляют примечательную главу в истории охраны рыбных запасов страны.

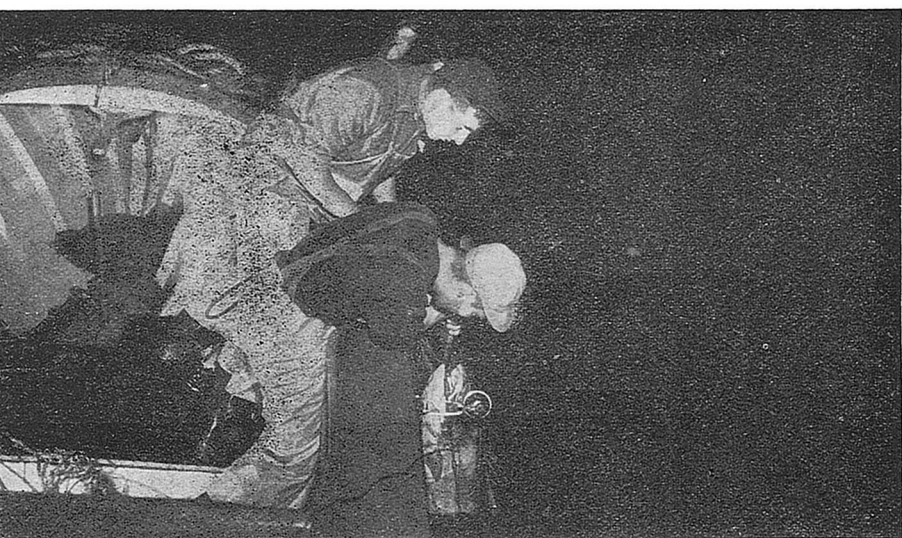
С того момента, как лосось выводится, вся его жизнь, повидимому, вступает в столкновение с обычаями и законами человека. Жизненный цикл лосося начинается весной, когда он выводится из икринки на каменистом дне горной речки. Через несколько месяцев, достаточно окрепнув, он начинает двигаться вниз по реке к морю и проплывает расстояние в несколько сот или даже тысяч километров. Дойдя до плотины, возведенной человеком поперек реки, лосось должен переплыть через ее гребень, в противном случае он будет унесен сквозь шлюзы к турбинам электростанции. Если лопасти турбины поставлены широко и медленно вращаются, как например, на Бонвилльской плотине на реке Колумбии, лосось может свободно пройти сквозь них, но если он заплывет в оросительные каналы, его отнесет на обработанные поля, где он неминуемо погибнет. Для устранения таких явлений на ирригационных каналах обычно устанавливают вращающиеся щиты из тонкой сетки, соединенные шестерней и валом с водяным колесом, которое медленным вращением предупреждает засорение их илом. Не меньшую опасность для молодых лососей представляет загрязненная вода. Некоторые города еще не имеют новейших очистительных установок; кроме того, многие деревообделочные, бумажные и другие фабрики спускают отходы в реки.

Молодые лососи, которым удастся доплыть до океана, живут там несколько лет. Чинук, самый крупный из пяти наиболее известных разновидностей, остается в море от трех до пяти лет. Когда наступает время нереста, какой-то необъяснимый инстинкт заставляет чинука вернуться в ту реку, где он вывелся. С момента, когда чинук выходит из моря, он ничего не ест, а живет исключительно за счет своих жировых запасов. Это самый крупный и упитанный из лососей, так как ему требуется много жира, чтобы проплыть весь путь от моря до далеких горных потоков, где он появился на свет. Крупный чинук иногда весит до сорока пяти килограммов, но средний его вес колеблется между одиннадцатью и двадцатью тремя килограммами.

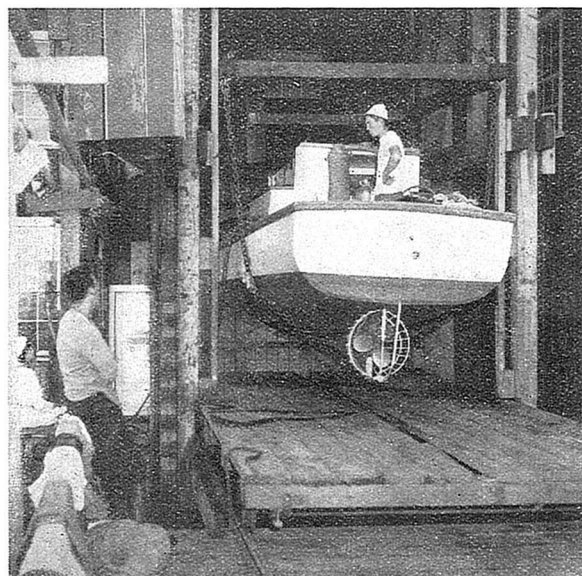

В полдень Эльдон Кортала и его молодой помощник Альбин Айхандер вытаскивают улов. Кроме ворота, нужны исключительная ловкость и сноровка, чтобы вытащить сеть, так как лососи часто сильно бьют своими хвостами.

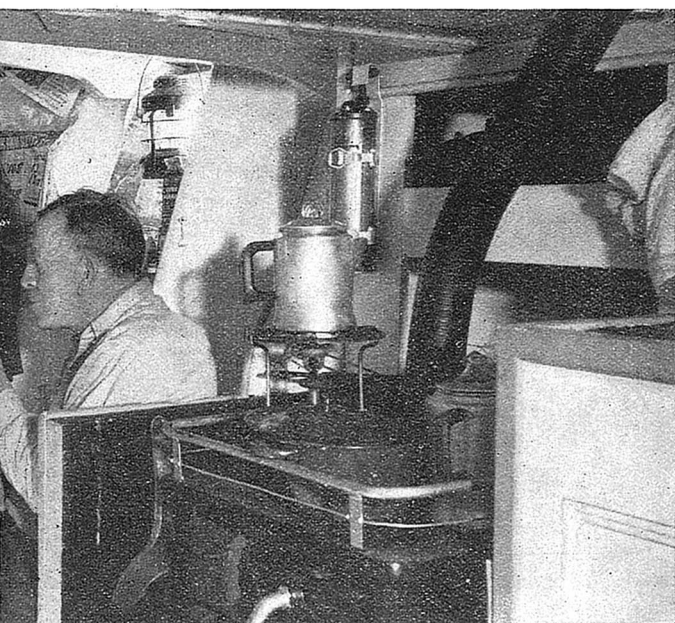

Лодки, с которых ловят рыбу «жабровой сетью», идут в док на ремонт. Металлическая корзина над гребным винтом защищает сеть от повреждений. Это предостережение очень важно: сеть стоит 1.200 долларов (4.800 рублей).

На противоположной странице: во время лова гравельные суда остаются в море по месяцу, поэтому они оснащены удобно и надежно.

Находясь в море, шкипер «Норвеста», пользуясь телефоном, поддерживает связь с материком, а также с другими судами. Рамочная антенна (на заднем плане), являющаяся частью радиопеленгатора, играет большую роль в навигации. Такие лодки обеспечивают рыбаков домашними удобствами. Внизу: шкипер и его молодой помощник завтракают на борту лодки «Норвест».

Двигаясь вверх по реке, рыба пробивает себе путь, обходя сети и ловушки, преодолевая водопады прыжками, высотой в 4-5 метров. В настоящее время в местах, где установлены плотины, имеются рыбоподъемные лестницы, представляющие собой ряд небольших искусственных водопадов, по которым рыба может пройти через плотину и продолжать путь вверх по реке. У Бонвилльской плотины вначале были устроены подъемники в виде больших, величиной с комнату, шлюзов, с помощью которых лососей переправляли через плотину. Однако рыбоподъемные лестницы оказались более эффективными и подъемниками перестали пользоваться.

Когда косяки лососей продвигаются вверх по реке, отдельные стаи сворачивают в тот или иной приток, причем каждая рыба безошибочно находит место, где она вывелась. Иногда речка бывает настолько мелка, что громадная рыба наполовину выступает из воды. Самка, ударяя хвостом по дну, делает углубление для икры, которую самец немедленно оплодотворяет, после чего рыбы погибают.

Плотина Гранд Кули оказалась серьезной угрозой для лососей реки Колумбии, так как она была слишком высока, чтобы рыба, идущая вверх для нереста или спускающаяся вниз к океану, могла преодолеть ее с помощью искусственных водопадов или другими путями. Чтобы сохранить лососей, обычно мечущих икру в верховьях реки за плотину, ученые провели сложный опыт. Ежегодно косяки, плывшие вверх к истокам, вылавливались. Значительная часть рыбы при этом погибала от повреждений во время лова или в водоемах, где ее хранили в непривычных условиях. Из оставшихся в живых лососей брали икру, искусственно оплодотворяли, а мальков выращивали в садках; затем молодых, а также и некоторых взрослых лососей выпускали в верховья рек, впадающих в Колумбию ниже Гранд Кули. Пять лет спустя ученые убедились, что их опыт удался: первая партия переселенной рыбы, возвращавшаяся для нереста, повернула в те реки, куда она была выпущена. Ни один лосось не пытался пройти через плотину к местам нереста своих предков.

Когда лососи выходят из моря в поисках родного водоема, в рыбацких деревнях на Тихоокеанском побережье закипает жизнь. Рыбаки беспощадно охотятся на лосося: эта рыба служит основой для важной отрасли пищевой промышленности, которая обеспечивает заработок многим тысячам людей.

Город Астория (штат Орегон), приютившийся у мыса в изгибе реки Колумбии, — один из наиболее значительных рыболовецких центров Тихоокеанского побережья. Большинство его жителей — скандинавского происхождения. В период хода лососей все население Астории — рыбаки-профессионалы, промышленники, торговцы — заняты ловом рыбы, которая должна быть законсервирована в течение нескольких часов после того, как она поймана. Если лосось идет большими косяками, магазины и учреждения временно закрываются, чтобы служащие могли помогать консервным фабрикам. Многие из молодых рыбаков окончили местные университеты и имеют ученые степени по рыбоводству и океанографии. Наблюдая эту молодежь, работающую вместе с рыбаками, старики посмеиваются:

«Лососи становятся такими умными, что надо окончить университет, чтобы их ловить!»

Основанный в 1811 году, как пушная фактория, город Астория раскинулся террасами по лесистым берегам реки, которая здесь достигает нескольких километров ширины. Летом в этом крае воздух кристально чистый, но осень приносит туманы, а зима — штормы. На набережной постоянно кипит жизнь. Океанские грузовые пароходы причаливают для разгрузки, буксиры пыhtят, паромы перевозят пассажиров и автомашины, рыбацкие суда возвращаются с лова.

Среди десятков консервных фабрик, разбросанных по берегам реки, одна из самых крупных — фабрика Колумбийского общества по заготовке продуктов находится в Астории; филиалы общества имеются во всех прибрежных городах, а также на Аляске. Организованное в 1900 году по инициативе 39 конкурирующих компаний, решивших объединиться, чтобы сократить производственные расходы, общество в настоящее время преобразовано в корпорацию. Все рабочие состоят членами профсоюза рыбаков реки Колумбии, который устанавливает рабочий день, размер заработной платы и договаривается об условиях труда. Прежде рабочий в среднем зара-

I

батывал 25 центов в час. Теперь средний заработок достигает 1,46 доллара в час; сверхурочная работа оплачивается в полуторном размере, а по воскресным дням — в двойном. Во время хода лосося фабрика может мобилизовать около 450 человек. Не менее 75 процентов из них — жены и дочери рыбаков, все они друзья и добрые соседи, знающие друг друга всю свою жизнь. Дважды в день, в дообеденное и послеобеденное время, на заводах делаются пятнадцатиминутные перерывы, когда все машины останавливаются, рабочие моют руки и идут в зал выпить чашку кофе с кексом. Посетитель, случайно зашедший в это время на фабрику, приглашается к столу.

При ловле лососей, рыбаки, работающие для Общества, пользуются так называемой «жабровой сетью», которую ставят поперек течения, как перегородку, непосредственно под поверхностью воды. Когда лосось плывет вверх по течению и попадает в сеть, он зацепляется за нее жабрами. Так как в светлой воде рыба может видеть сеть и обойти ее, рыбаки предпочитают заниматься ловлей по ночам и в штормовую погоду. Том Паркер, который сделал снимки, приведенные на этих страницах, наблюдал их работу, продолжавшуюся от зари до зари, и дал следующее ее описание:

«Подружившись с молодым рыбаком Эльдоном Корполой, я провел ночь с ним и его помощником Альбином Айхандером на реке. Мы отчалили от пристани на закате, когда дул обычный послеполуденный северозападный ветер, вспенивший реку. Эльдон, подобно другим рыбакам, беспечно повел лодку по волнам. Признаться, мне потребовалось некоторое время, чтобы почувствовать себя в безопасности.

Мы присоединились к другим рыбакам и медленно начали выбрасывать сеть. Поплавки всплыли на поверхность, а свинцовые грузила спустились вниз. На дальнем конце сети покачивался деревянный бакен, снабженный крошечным электрическим фонариком с батареей. Казалось, что крохотные огоньки, более тусклые, чем пламя свечи, нельзя было увидеть издали, но с берега эти «светлячки», качающиеся на сотнях бакенов и мачт, создавали впечатление большого города. В половине двенадцатого ночи мы вытащили сеть; в ней было лишь четыре рыбы. Эльдон — сын и внук рыбака, имеющий диплом Орегонского университета, — спокойно и незаметно отделился от остальных рыбаков и направил лодку вниз по течению. Вторая тоня, повидимому, должна была быть решающей в эту ночь, и ему хотелось бросить сеть в знакомом месте. Он плыл сначала с огнями, затем потушил их и пересек реку приблизительно в трех километрах от устья.

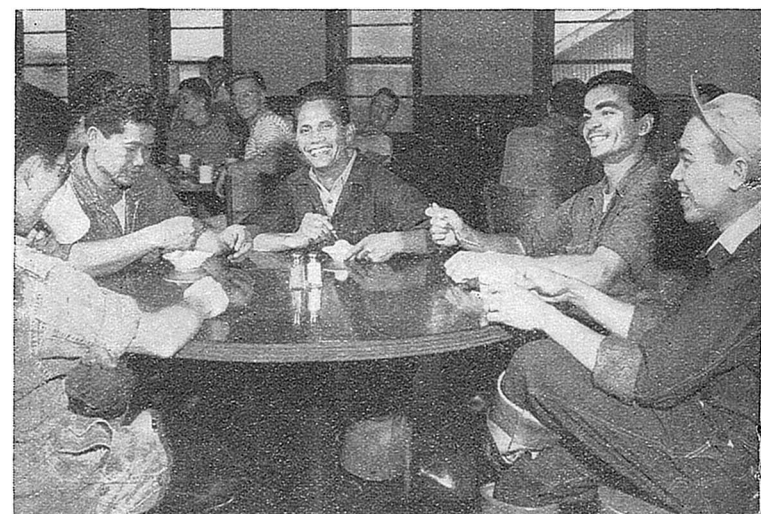
Эльдон внимательно посмотрел на имевшуюся у него карту и занял нужную позицию. Пока он регулировал мотор, чтобы держаться на одном месте, Альбин приготовил сети. Меня поразила точность всей операции. Сеть была спущена точно в 12 часов 02 минуты ночи, что совпадало с началом прилива. Выбросив сеть, мы вернулись к ее другому концу. Шкипер выключил мотор.

Эльдон Корпола детально изучил карту реки Колумбии и, сопоставляя полученные данные с указаниями отца и деда, решил, что это превосходное место для ловли. Однако рыбачить здесь было небезопасно, и даже невозможно, если бы у Эльдона не имелось лодки с мотором в 130 лошадиных сил и первоклассных снастей. Сеть забрасывалась точно в момент высшего подъема воды во время прилива. Мне говорили, что если в эту критическую минуту случится неполадка с мотором, у нас будет очень мало шансов остаться в живых. Сила течения реки и морской прилив могли бросить лодку на страшные рифы и мы, несомненно, погибли бы. Лишь исключительно

Свежих лососей, привезенных

на завод Колумбийского общества по заготовке продуктов, выгружают с барж (1), куда они были уложены сейчас же после доставки улова на какую-нибудь из пристаней, расположенных по реке. Выгруженные лососи поступают в свежесвалый цех, где их потрошат и очищают от чешуи. После промывки в соленой воде опытный специалист-рабочий (2) сортирует лососей в зависимости от их разновидности и качества мяса. Затем машина, работающая с изумительной точностью, разрезает рыбу на куски размером в консервную банку (3). Нарезанные куски падают с конвейера в ящики из нержавеющей стали и механически транспортируются в упаковочный цех. Там, на длинных столах, работники в белых халатах и в белых перчатках быстро укладывают куски (4). Наполненные банки переходят на следующий конвейер, где в них автоматически добавляется соль и получаемый из рыбных голов жир. После этого банки пропускают через машину, которая закрывает их плоскими крышками с тисненными номерами, означающими разновидность и сорт лосося. Машина, загибая края на крышку, неплотно соединяет их, и банки пропускают сквозь воздушный колокол, чтобы снизить давление воздуха внутри их и закрепить швы плотным двойным загибом. Благодаря этому банки при нагреве не взрываются. Затем их ставят на решетки, укладывают последние одну на другую и ставят в печи (5), где рыба тушится под давлением пара. После этой операции банки охлаждают, очищают, наклеивают этикетки и грузят для отправки. Даже в самый горячий период во время работы, помимо обычных, делают дополнительные перерывы, чтобы дать рабочим отдохнуть, позавтракать или выпить кофе в буфете (6).

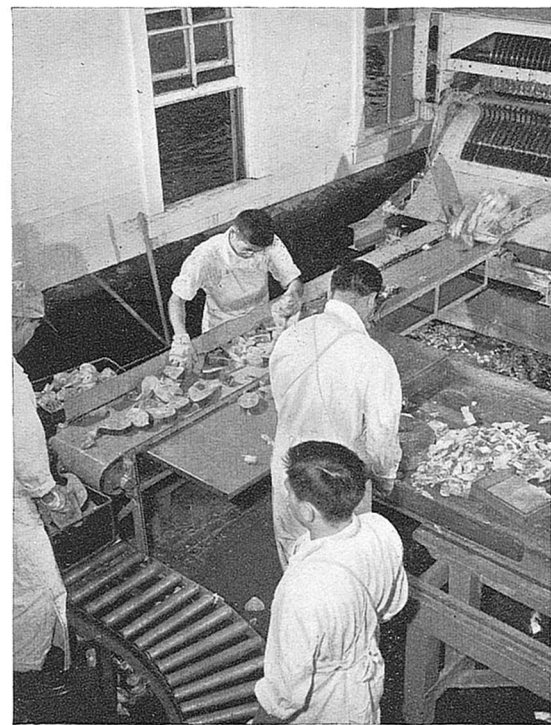
6

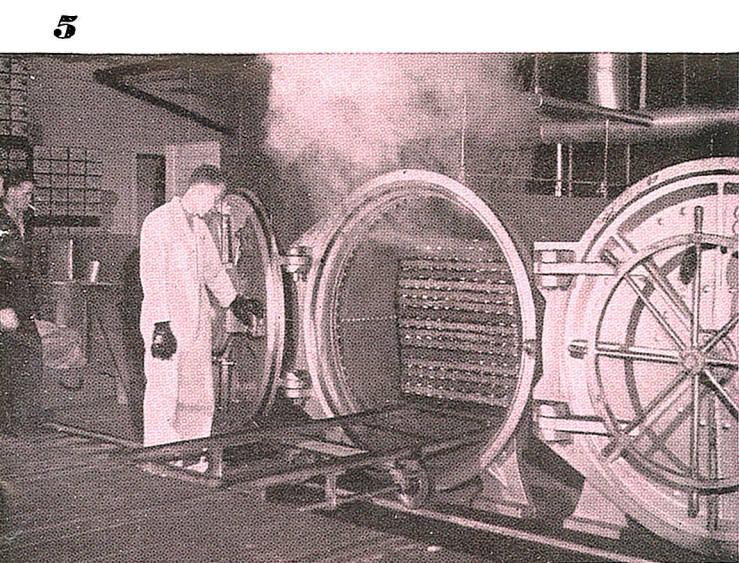

2

3

5

4

точный расчет времени дает Эльдону возможность втащить улов в лодку, вновь пустить мотор и бороться с приливом.

При каждом ударе волн у меня мороз пробегал по коже, но рыбаки, казалось, были совершенно спокойны. Когда волна откатывалась назад, показывались лососи. Пробиваясь вперед, они делали большие прыжки и перевертывались в воздухе, сверкая в лунном свете серебряной чешуей. Когда волны вздымались, они окружали нас, грациозно выпрыгивая из воды. Но Эльдон не отрывал глаз от часов. Точно, в нужный момент, он нажал стартер мотора, и мы затаили дыхание. Мотор сделал два оборота и загудел. Мы вздохнули с облегчением; ребята принялись вытаскивать сеть при помощи ворота. Улов был так велик, что ворот не мог тянуть сеть достаточно быстро, и рыбаки руками помогали перекидывать лососей через борт. Рыбы били мощными хвостами о дно. Когда половина сети была в лодке, время для безопасного возвращения уже истекло. Выхватывать лососей уже было некогда; упираясь в борта, рыбаки дружным усилием вытянули всю сеть. Рыба, сеть, большие шары медуз, ил, даже жалобно крикавшая утка, которую едва можно было услышать в реве волн — все очутилось в лодке. Нетрудно было почувствовать, как нас сносило быстрым течением. Когда сеть была поднята, Эльдон дал полный газ. В течение первого часа мы не продвинулись ни на метр, но затем медленно начали отдаляться от скал. Наконец, мы достигли более мелкого места и подошли к бакену уже в безопасной зоне».

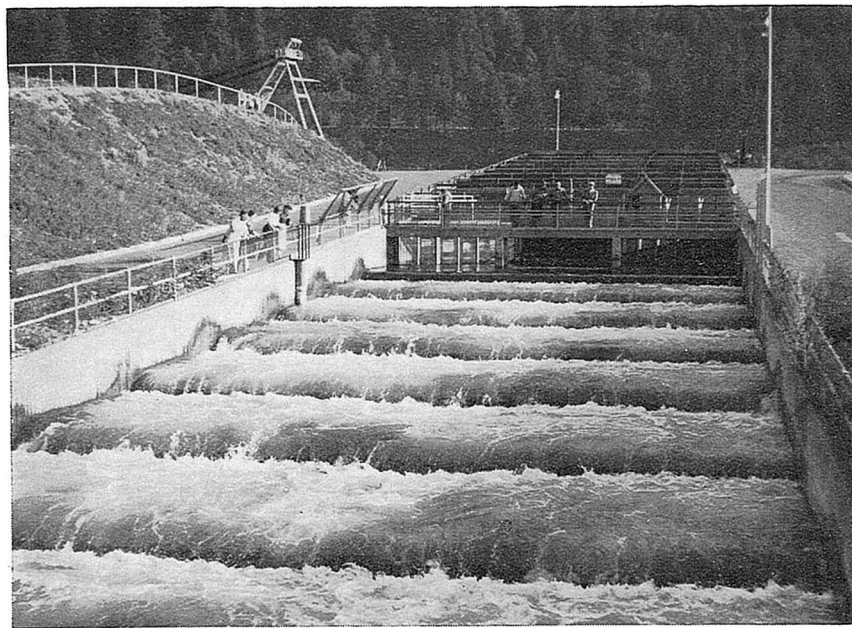
Во время ловли моторные лодки остаются на реке, пока позволяют сила течения, прилив и отлив. Рыбаки могут забрасывать сети повсюду, кроме фарватера, где проходят суда. Но они должны остерегаться, чтобы их снасти не застревали на отмелях и не зацеплялись за подводные камни. По существующему правилу рыбаки неизменно обходят то место, где поставлены сети другого рыбака. В безлунные ночи надо обладать особым опытом и зорким глазом, чтобы различать пляшущие огоньки и определять, к какой лодке привязана та или иная сеть. В разгар хода лососей средний улов на «жабровую сеть» достигает 450 килограммов. Однако в последние годы Эльдон Корпола поставил рекорд, поймав девяносто лососей общим весом в 1.223 кг.

Кроме ловли «жабровой сетью», широко распространено траление, которое производится днем. Тралевые лодки по размеру больше рыбацких и оснащены более мощными моторами, так как они уходят далеко в открытое море и остаются там по несколько дней. Если лосось идет близко к берегу, его ловят «жабровыми сетями».

Хотя большая часть улова идет на консервные заводы и перерабатывается в консервы, в последнее время на рынок в возрастающих количествах поступает замороженная лососина; оттаянную и приготовленную, ее трудно отличить от свежей рыбы. Небольшая часть лососины коптится, вялится, маринуется. Красная икра расфасовывается в стеклянные банки. Из голов добывается жир, добавляемый в консервы. Из рыбьих кишок получают жир низшего качества, используемый в красильной и мыловаренной промышленности. Остатки лососей превращают в богатый витаминами корм для свиней, коров и кур. Наконец, отходы, получаемые на консервных заводах, идут на корм малкам, которых разводят в садках.

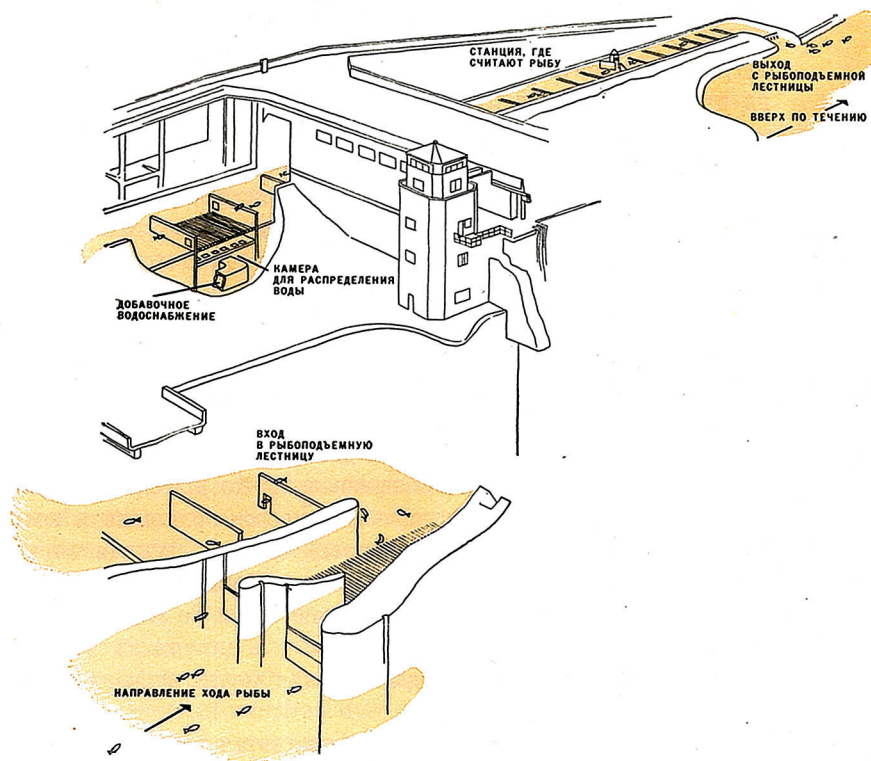
Однако максимальное использование лососей консервными заводами не решает вопроса о дальнейшем развитии этой отрасли промышленности. Если природные условия, в которых лососи размножаются, будут уничтожены или станут недоступны для них, и если улов будет производиться хищнически, консервная промышленность быстро придет в упадок. Для сохранения важного источника питания, какое представляют собой лососи, принимаются меры, чтобы предупредить полное вылавливание косяков. Рыбная ловля запрещается на несколько недель в период нереста, а также еженедельно по определенным дням в течение всего года. В некоторых реках воспрещено пользоваться западнями, ставить сети или применять другие способы для вылавливания сразу большого количества лососей. Каждый год в садках выращивают и переселяют в водоемы миллионы мальков. Ученые, работающие по заданиям правительства США и правительств штатов, сотрудничают со специалистами консервной промышленности, непрестанно изыскивая новые и лучшие методы сохранения рыбных богатств страны.

Днем Эльдон поднимает сеть, сплетенную из пеньковой бигезы. Чтобы предохранить сети от порчи, их нужно во время сезона несколько раз выдерживать в медном купоросе. Теперь рыбаки начали пользоваться нейлоновыми сетями, которые однако еще мало распространены.

Благодаря рыбоподземным

лестницам, устроенным близ станции Бонвилль (вверху) лососи могут вернуться к местам нереста, прямой путь к которым преградила постройка плотины. Вверх по течению реки Колумбии, в 225 километрах от ее устья, стоит Бонвилльская плотина, засть которой показана на гертже внизу. Через водослив плотины несется грохочущий поток. Его сила лишь немного ослабевает, когда он разбивается о бетонные выступы. После неудачных попыток побороть тегение лососи направляются к рыбоподземной лестнице, показанной на гертже в поперечном разрезе. Поднимаясь по лестнице, рыбы проходят гerez ряд водоемов, расположенных один над другим. Проемы, сделанные в стенах водоемов, служат входами. Чтобы уменьшить напор воды, входы размещают в порядке озерности, в одном водоеме справа, в другом слева. Рыба, идущая по течению, проходит или гerez эти входы или поверх их. Когда рыба выходит снова в реку, ее пересчитывают. За один день гerez лестницу прошло до 45.000 лососей.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТНИКИ США ЗАГРАНИЦЕЙ

Эльмина Лаки

Американский педагог-консультант в Индии

Одна из наиболее срочных проблем, какие в настоящее время стоят перед всем миром, заключается в предоставлении возможности пользоваться благами современной науки и тех-

ники миллионам людей, не обеспеченным достаточным питанием, надлежащими жилищными условиями и одеждой. Основную сущность проблемы составляет не изыскание новых земледельческих или производственных методов, не получение новых лекарств для борьбы с болезнями, а использование того, что уже достигнуто человечеством в тех районах, где бедность и невежество словно объединились, чтобы упрочить нездоровые условия жизни. В каждой стране есть специалисты, подготовленные для работы в медицинской, технической, педагогической и других областях нашей цивилизации, но лишь немногие из них владеют специальными методами, необходимыми для того, чтобы сделать свой опыт и знания достоянием широких масс. Направить людей, испытывающих особенную нужду в помощи, часто неграмотных, опутанных вековыми предрассудками и суевериями, по пути, ведущему к лучшим условиям существования — задача, требующая специальной подготовки и особого подхода. Понимаемая в самом широком смысле, это и есть та задача, на осуществление которой Конгресс Соединенных Штатов ассигновал в 1950 году большие фонды для оказания помощи отсталым странам. Помощь будет оказана в виде консультации и руководства, предоставляемых американскими техническими специалистами.

Принятый американским правительством план помощи вызывает нападки, так как некоторые считают его продиктованным эгоистическим желанием США вмешиваться во внутренние дела других стран. Защитники же расценивают его, как пример чистого альтруизма. Ни то, ни другое не соответствует действительности. Прежде всего, план базируется на разумном признании, что прочные социально-экономические условия, хорошее физическое состояние и политическая устойчивость народов земного шара — лучшая гарантия мира во всем мире. План также выражает убеждение американского народа в том, что ни одна современная нация не может жить обособленно как на изолированном острове, а должна на демократических началах разделять труды и чаяния других народов и использовать накопленный ими опыт.

В известном смысле, поездка, предпринятая американским педагогом и общественной деятельницей Эльминой Лаки в Индию с целью помочь организовать в этом новом великом государстве школу подготовки общественных работников, была предвестником плана, принятого позднее правительством Соединенных Штатов. С другой

стороны, ее миссия была частью традиции, установленной американскими врачами, боровшимися и победившими желтую лихорадку в Центральной Америке, лицами, основавшими больницы и колледжи в Китае и на Среднем Востоке, и квакерами, оказывавшими помощь и боровшимися с эпидемиями после обеих мировых войн. Работа Эльмины Лаки и ее предшественников, подобно плану оказания помощи отсталым районам, основана на убеждении, что лучшая помощь — та, которая дает возможность людям самим стать на ноги.

Фактически, исходным пунктом миссии Эльмины Лаки была мысль, предложенная группой передовых индусок. По мере того как приближался день предоставления Индии статуса независимого государства, эти женщины — члены Комитета по улучшению бытовых условий, одного из отделов Христианской ассоциации молодых женщин Индии, Бирмы и Цейлона — пожелали, чтобы их организация внесла свой вклад в дело развития страны. Они знали, что все государственные планы, осуществление которых должно было начаться с провозглашения независимости, включали раздел о социальной реконструкции. Но на всей огромной территории Индии была лишь одна школа подготовки общественных работников, да и та вряд ли могла удовлетворить нужды какого-либо другого города, помимо Бомбея, где она находилась. Члены Комитета знали также, что всюду в Южной Азии была молодежь, желавшая приобрести профессию, которая, обеспечивая существование, давала бы возможность претворить в жизнь общественные идеалы и пользоваться благами обретенной свободы. Они решили, что школа подготовки общественных работников, доступная для студентов всех каст, классов и религий Южной Азии — лучший дар, какой они могут принести стране.

Это был смелый план. В то время еще не было разработанной системы теоретических и практических методов для ведения общественных работ в существующих условиях Индии. Самая мысль о необходимости специальной подготовки для «оказания помощи другим» была чем-то необычным, а необходимость платы за такой труд — особенно женщинам — за исключением немногих мест, считалась нелепой. В глубине души члены Комитета намечали другие планы — слишком смелые, если учесть общие условия страны. Школа должна обучать в процессе практической работы, готовить работников для деревень и городов и постараться ввести совместное обучение.

Многие ответственные и влиятельные лица Индии, одобряя мысль об организации школы, все же относились к ней скептически. Прежде чем предоставить требуемые фонды, они желали видеть наглядную демонстрацию идеи. Но как можно было это сделать, не имея средств? Однако обескураженные члены Комитета скоро вспомнили, что они являются частью международной организации и обратились за помощью в Женеву к Всемирной христианской ассоциации молодых

женщин. Женевский отдел направил просьбу Христианской ассоциации молодых женщин в Америку, так как в послевоенное время там был собран большой фонд реконструкции для оказания заграничным отделам Ассоциации помощи в деле подготовки руководящих туземных кадров.

Вот почему в одно осеннее утро 1947 года с грузового парохода, приставшего в Бомбее, высадились американка, говорившая тихим голосом, и внешне казавшаяся хрупкой. Она привезла девятнадцать ящиков с книгами и пачку рекомендательных писем. Еще с 1914 года, когда началась ее педагогическая и общественная деятельность, Эльмина Лаки привыкла претворять планы в действительность, но она не питала иллюзий относительно трудности предстоящей ей работы педагога-консультанта при новой школе, организуемой Христианской ассоциацией молодых женщин. А если у нее и были какие-нибудь иллюзии, их быстро рассеяли те обескураживающие сведения, какие ей сообщили в Бомбее, прежде чем она села в поезд, отправлявшийся в Лакнау — штаб-квартиру индусского отдела Христианской ассоциации молодых женщин. В Бомбее Эльмине Лаки сказали, что учителей нельзя найти, что одна маленькая школа — дело бесполезное, что ничего не следует предпринимать до того, как будет подготовлен исчерпывающий план в масштабе всей страны. Но одна женщина, с которой она беседовала в тот унылый первый день, сказала: «Наше движение за независимость началось с маленьких мирных демонстраций, проходивших по тем улицам, которые вы только что пересекли по дороге к моему дому. Организуйте хорошую школу, и скептики скоро перестанут сомневаться».

«Как оптимистка, — говорит Эльмина Лаки, — я сама предпочитала придерживаться именно этого взгляда». Она стала упорно проводить его в жизнь и это послужило ей хорошей службой.

Эльмина Лаки предполагала провести в Лакнау несколько недель, чтобы изучить условия, проконсультироваться и подготовить учебный план. Но на станции ее встретили две студентки, уже поступившие в школу, и сообщили, что едут еще несколько других. На другой день Эльмина Лаки узнала, что она назначена исполняющей обязанности директора школы, у которой к тому времени имелось помещение и студенты. Но помимо этого у нее мало что имелось.

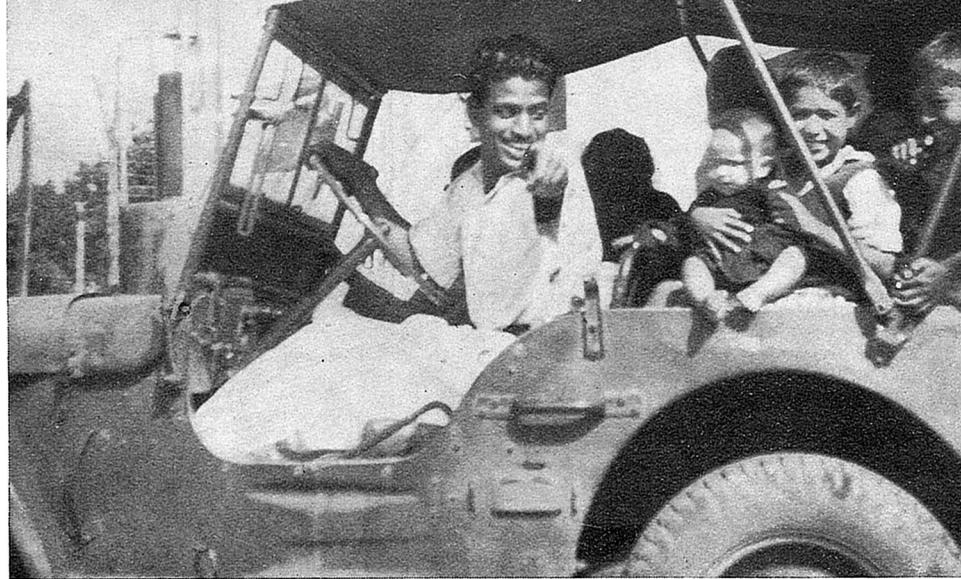
«С той минуты, — говорит Эльмина Лаки, — нас непрестанно толкало вперед сознание необходимости спешить, которым была проникнута вся Индия, и это составляло сущность новой рождающейся нации. Мы не могли вести занятия таким темпом, какой требовался, чтобы оправдать ожидания студенток, а также правительственных и промышленных организаций, направивших их для обучения».

Необходимость обставить школьное помещение и студенческое общежитие мебелью, взятой с чердака или из запасов ликвидированных военных ведомств, как и устройство личной жизни студенток, составляли часть учебной программы. Не многие качества имеют для общественного работника такое значение, как способность импровизировать и приспосабливаться. Группа, которой предстояло руководить Эльмине Лаки, насчитывала двадцать пять студенток, приехавших из самых отдаленных районов Индии. Они представляли все религии страны и говорили на десяти местных диалектах. Их возраст колебался между двадцатью и сорока годами, образование — от диплома средней школы до ученой степени, общественное положение — от мелкого конторского служащего до младшего офицера флота.

«К счастью, — говорит Эльмина Лаки, — у них был один общий язык — английский. К несчастью, они не употребляли в пищу одни и те же продукты. Компромисс, которого они достигли, исходя из предрассудков и обычаев, каких придерживались те или иные студентки, был первым уроком по приспособлению и сотрудничеству».

Рассказывая о первых днях своей работы, Эльмина Лаки говорит: «Мы просто старались идти вперед и делали все сразу. Разрешая хозяйственные проблемы, мы в то же время знакомились друг с другом, намечали учебный план, подыскивали преподавателей. Сущность каждой задачи заключалась неизменно в приспособлении. От педагогов требовалось чтобы они преподавали не психологию вообще, а психологию специально для общественных работников, вели занятия по изучению болезней Индии применительно не к студентам-медикам, а к общественным работникам».

Как только это стало возможно, Эльмина Лаки сосредоточила внимание студентов на той части программы, которая занимала важное место в их подготовке — на практической работе. Обучаясь по

Во время столкновений, начавшихся между религиозными общинами после провозглашения независимости Индии, на попечении студентов находилось более 30 детей, живших в школе, пока не нашлись их родители. Шофер — первый, поступивший в школу, мужчина.

книгам и слушая лекции, но не имея знакомства с условиями жизни людей малоимущих или страдающих физическими недугами, не зная, как надо разговаривать с ними, как завоевывать их сотрудничество, нельзя стать полноценным общественным работником. Первым практическим заданием студентов было обследование того квартала, в котором находилась школа. Цель обследования заключалась в выяснении проблем людей, живущих по соседству, общего количества семей, числа детей в каждой семье, количества людей, занимающих каждую комнату, род их занятий и состояние здоровья, количество водопроводных кранов и общественных уборных — всего, что можно было узнать об улице, о жизни населяющих ее людей, об их нуждах. Студенты учились наблюдать и размышлять над тем, что раньше они обычно считали нормальным порядком вещей, развивали необходимую для общественного работника чуткость и способность вести дело так, чтобы люди, с которыми им приходилось соприкасаться, могли принять предлагаемую помощь.

Из всех качеств, необходимых общественному работнику, подчеркивает Эльмина Лаки, ни одно не встретило со стороны студенток так мало сочувствия, как мысль о необходимости творчески работать руками. Ведь это дело ремесленников! Студентки протестовали, указывая, что у них нет для этого нужных навыков и что, во всяком случае, их главная цель заключалась в умственной работе. Но когда пришлось составить карту на основании проведенного обследования, Эльмина Лаки с удовольствием наблюдала, с каким рвением они принялись за дело и как гордились результатами. Позднее, когда она отметила, что работа выполнена очень хорошо, студентки были удивлены и очень довольны.

«Это был важный урок, — говорит она. — Они поняли, что когда человек действительно хочет сделать работу, появляется и умение».

Так как методы общественной работы определяются обычаями и условиями той среды, в которой их применяют, Эльмине Лаки, ее педагогам и студентам во многих отношениях приходилось начинать с азов. В первую очередь они должны были приступить к выполнению колоссальной задачи — разработке системы методов, приспособленных к условиям Индии. Каждую часть материалов, заимствованных из европейских и американских источников, нужно было тщательно испытывать. Много раз Эльмина Лаки возвращала студентам изложенные ими планы работ с пояснением: «На такое собрание никто не придет» или «медицинской помощи, которую вы считаете чем-то само собой разумеющимся, на месте не будет»; или «важнейшие из предполагаемых помощников станут вашими врагами».

Насколько позволяло помещение и местоположение школы, студенты получали хорошую теоретическую и практическую подготовку. Однако Эльмина Лаки и ее педагоги видели, что приобретаемый студентами опыт, даже в лучшем случае, был слишком ограниченным географически и, помимо этого, односторонним в том смысле, что показывая огромный масштаб проблем, с которыми им, как общественным работникам, предстояло столкнуться, он давал мало указаний, как согласовать их работу с работой других организаций.

«Из всех мест Индии, — говорит Эльмина Лаки, — Нью-Дели, поблизости от столицы, казалось, наиболее подходило для школы. Там мы могли иметь доступ к специалистам, приезжавшим из всех рай-

Три женщины, обеспечившие успех Школы общественных работников. Слева направо: председательница Христианской ассоциации женщин Индии, Бирмы, Пакистана и Цейлона Г-жа Маттхей, организовавшая Школу с помощью Всемирной христианской ассоциации женщин, директор Школы Д. Мозес и председатель отдела администрации С. Чакко.

онов Индии консультироваться с правительством, вести практические работы в беднейших кварталах города и ближайших поселках, а также пользоваться содействием превосходного университета. Но с другой стороны, соблазнительно было остаться и в Лакнау, так как это открывало для школы возможность стать высшим учебным заведением при колледже Изабеллы Таберн, завоевавшем широкую известность, как первый женский колледж Индии.

Наконец, недостаток, ощущаемый в жилой площади, ускорил решение переехать в Дели. Срок заключенного нами шестимесячного контракта истекал, а новое помещение еще не было найдено. Так как вскоре мы должны были остаться без крова, то сочли за лучшее предпринять поездку для расширения опыта студентов. Между тем, инициаторы идеи организации школы вместе с помощником декана университета в Дели, сотрудниками местного отдела Христианской ассоциации молодых женщин и правительственных ведомств, нуждавшихся в общественных работниках, начали поиски школьного помещения в перенаселенной столице.

Каунпур, расположенный в сорока километрах от Лакнау, был первым городом, где школа, оказавшаяся без крова, нашла свой первый временный приют. Население Каунпура, насчитывавшего до войны 500.000 жителей, с тех пор удвоилось. Там студенты близко соприкоснулись с тяжелым процессом приспособления сельских жителей к городским условиям. Работая с местным жилищным отделом по осуществлению плана строительства помещений, студенты проводили целые дни в наиболее скученных и антисанитарных кварталах.

«В домах, заселенных рабочими, семьи которых остались в деревнях, — говорит Эльмина Лаки, — студенты нашли объяснение частых прогулов, наблюдавшихся на фабрично-заводских предпри-

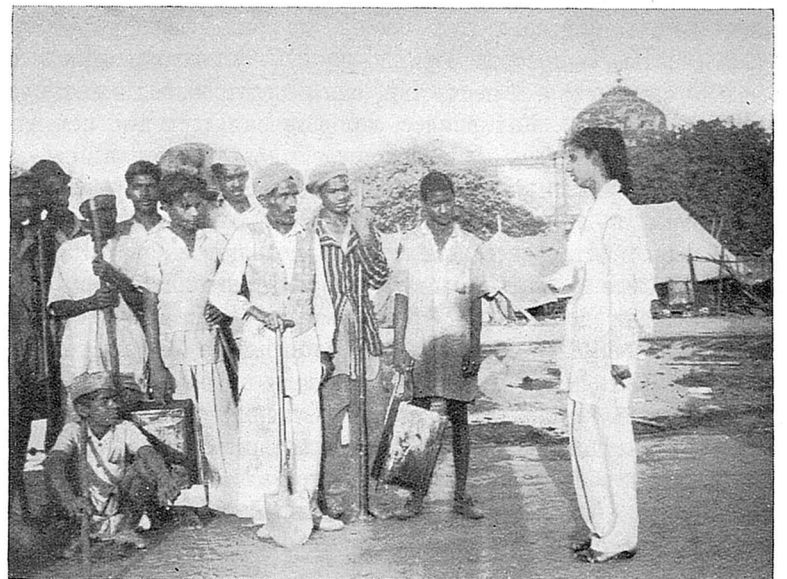
ятиях. Причины невыхода на работу носили такой же сезонный характер, как и тоска, заставлявшая крестьян в дни праздников возвращаться в родные деревни, или как привычное влечение земледельца к работе на хлебных и рисовых полях. Студенты узнали о недоверии к должностным лицам и обещаниям, данным политическими группами. Они обнаружили в населении сильную тягу к учению и полное отсутствие практических возможностей удовлетворить ее. Они увидели, что к этим испытывающим трудности людям не только небрежно относятся, но вообще не считают за людей. В одном из грязных кварталов они обнаружили оспу, но никто из обитателей не знал как сообщить об этом. В тот день, когда были выявлены случаи брюшного тифа, в районе, где студенты жили в палатках, вспыхнули беспорядки. Во время чрезвычайного положения, объявленного вследствие этого, студенты как раз закончили анализ результатов своей работы с социологом Жилищного отдела.

После месяца, проведенного в Каунпуре, на очереди встала длительная научная экспедиция. Однако правительственное ведомство, обещавшее предоставить средства на проезд, из-за спешки с другими делами, задержало выдачу денег. Стараясь выкроить нужную сумму из бюджета, Эльмина Лаки вспомнила об ассигновке на арендную плату, которая летом оставалась неизрасходованной. Это было достаточно, чтобы покрыть расходы по проезду в третьем классе. Вопрос был поставлен на обсуждение студентов. Несмотря на упорные слухи, что получение обещанных фондов ожидалось со дня на день, студенты решили не откладывать отъезд.

«Требовалось немалое мужество, чтобы принять такое решение, — вспоминает Эльмина Лаки, — ехать в третьем классе было чрезвычайно утомительно и неудобно. Некоторые до последней минуты надеялись, что им не придется испытать этого. Но оказалось, — продолжает она, — студентки заинтересовались той стороной общественной работы, которая связана с железнодорожными пассажирами и переселенцами. Когда, наконец, были получены деньги на проезд во втором классе, студенты решили истратить их лучше еще на одну поездку — в третьем классе».

В результате бесконечно сложных переговоров, предпринятых Эльминой Лаки, студенты получили разрешение пройти под руководством общественных работников Южной Индии двухмесячный курс обучения в бывшей гостинице горного курорта, войти на месяц в состав членов туземных общественных организаций Мадраса, совершить затем поездку по Мейсору и, наконец, провести месяц в Бомбее, наблюдая за деятельностью местных общественных организаций. В Мадрасе четыре студентки работали в большой правительственной больнице, где уже давно требовалось расширение общественной деятельности, четверо других вели работу по перевоспитанию проституток под руководством одного общественного работника-самоучки — пионера в этой области, трое участвовали в работе орга-

Работа студенток, участвовавших вместе с метельщиками в очистке от грязи огромного мусульманского лагеря беженцев, была исключительным примером применения на практике прогрессивных принципов. На снимке: студентка, прощающаяся с метельщиками, после окончания работы в лагере.

низации, ставшей затем первым провинциальным отделом по улучшению бытовых условий населения, трое работали в обществе по оказанию помощи детям, пятеро — в отделе общественного обслуживания, хорошо организованном на одной из больших фабрик, ведущей дело на прогрессивных началах, двое в качестве педагогов в доме призрения вдов и сирот. Пять студенток, обнаруживших исключительные способности в работе с детьми, поехали в Бомбей для изучения методов работы в яслях. Дважды в неделю Эльмина Лаки отправлялась со студентами и некоторыми из их товарищей посмотреть работу других общественных организаций Мадраса.

За это время школа приняла решение ввести совместное обучение.

«Теоретически, — говорит Эльмина Лаки, — вопрос был уже решен нами раньше. Но иногда значительное расстояние отделяет принятый план от его практического выполнения. Студентки были совершенно не приучены обращаться в повседневной жизни с лицами другого пола, как с товарищами. Не более одной из десяти посещали до этого школы совместного обучения и даже для этих немногих все сводилось к слушанию лекций в общей аудитории. Трудно представить бесконечное количество осложнений личного характера, какие возникали на этой почве. Наше мероприятие было новшеством. Оно затрагивало самые разнообразные человеческие эмоции и, во всяком случае, многие были склонны неправильно понимать его; мы рисковали столкнуться с серьезными недоразумениями.

Но инициаторы идеи организации школы, — продолжает Эльмина Лаки, — знали так же хорошо, как и я, что по окончании курса студенткам придется работать бок о бок с мужчинами при выполнении многих обязанностей. Как бы то ни было и где бы то ни было и мужчины и женщины должны были научиться изживать старые традиции, суеверия и обычаи. Когда мы были еще в Лакнау, я послала шестидесяти членам Национального отдела христианской организации молодых женщин анкету по вопросу о совместном обучении. Мерилем глубоких перемен и реформ, совершавшихся в Индии, служит тот факт, что лишь одна анкета была возвращена с отрицательным ответом. Мы все еще продолжали колебаться, когда к нам обратился один молодой цейлонец с просьбой принять его в школу. «Раз я уже здесь, почему же вам не решиться», — заметил он скромно, но твердо. — И мы решились».

Хотя студентки голосовали за принятие цейлонца, вначале они были очень застенчивы, а иногда их сдержанность набрасывала такую тень на общие дискуссии, что Эльмина Лаки начала сомневаться в правильности сделанного ею шага. Однако еще до конца занятий студентки освоились с новой для них ситуацией.

«Когда они начали дразнить меня, осведомляясь о моем старшем сыне, я поняла, что они приняли его в семью, — говорит Эльмина.

Возрастающая зрелость, уравновешенность, смелость, большая склонность к юмору, какие руководительница школы с удовлетворением подмечала в отношениях между студентами во время практических занятий, вскоре подверглись суровому испытанию. Новое помещение, найденное для школы, было в бараках, построенных в военное время на территории университета в Дели. Мимо пролегла большая дорога, по которой в течение 2.500 лет шло движение через Северную Индию, из области, ставшей теперь Пакистаном, в Калькутту. Когда школа заканчивала переезд в новое помещение, дорога была запружена беженцами, спасавшимися от беспорядков, вспыхнувших среди религиозных общин сразу же после Дня независимости. Не успели студенты расположиться в пустых бараках, как из находившегося поблизости лагеря беженцев к ним обратились с просьбой оказать срочную помощь больным и раненым, содействовать в распределении пищи и одежды, а также в устранении беспорядков при устройстве людей в жилых помещениях.

«Восстание разрасталось, — рассказывает Эльмина Лаки. — Около нас начались настоящие военные действия. Это были страшные дни. Из школы мы видели пламя пылавшего предместья. По ночам все время слышались ужасные вопли. Вследствие чрезвычайного положения школа оказалась совершенно изолированной. Полиция предупредила студентов и педагогов, чтобы, в случае необходимости, они были готовы эвакуироваться».

Эльмина Лаки учитывала важное значение работы, которую школа могла бы выполнять во время развернувшихся событий. Довольно долго ей удавалось обходить ограничения, обусловленные чрезвычайным положением, так как она получила особое разрешение ездить на

В лагерях для беженцев, устроенных во время волнений, вступивших среди религиозных общин, одна из студенток (крайняя слева) организовала детские сады-школы для 15.000 детей. Вести работу ей добровольно помогали женщины-беженки. Каждый вечер они совместно обсуждали план работы на следующий день.

виллисе, который в то время уже имелся у школы, в районы, куда въезд был запрещен. Вместе с молодым цейлонцем она снабжала медикаментами мусульманские лагеря, когда из них были изгнаны врачи и санитары-индусы, доставляла шприцы, чтобы можно было срочно делать противохолерные прививки, пока не прибудет медицинская помощь из Калькутты.

Через три дня законы военного положения были отменены для школы, и студенты вновь могли приступить к работе по оказанию помощи. Виллис и его студенческий экипаж соединял разъединенные семьи, привозил матерей в больницы к их раненым детям. Когда, в результате усилий правительств Пакистана и Индии, создавшийся кризис начал разрешаться, студенты в течение нескольких месяцев продолжали ежедневно оказывать помощь беженцам, скопившимся в лагерях около Дели, а некоторые работали более длительный срок в лагерях провинции Пенджаб.

«Бесспорно, — говорит Эльмина Лаки, — ни одна школа не имела столь разносторонней практики, как наша! В то время по дорогам северозападной Индии двигался людской поток, более чем в десять миллионов человек. Не было почти такого вида помощи, какой наши студенты не оказывали бы беженцам, включая помощь при родах, происходивших среди хаоса. Наибольшее впечатление оставила, однако, особая работа, выполненная студентами.

В первые страшные дни развернувшихся событий, когда обслуживание беженцев еще не было организовано, территория школы, а также больниц оказалась страшно загрязненной. Тогда несколько студентов привели всех в изумление, приступив немедленно к разрешению этой огромной санитарной проблемы; они сами чистили, подметали и уносили мусор. Традиция все еще продолжает считать, что такая работа — дело париев, хотя правительственная политика Индии направлена к устранению кастовой дискриминации, и в этом направлении достигнуты значительные успехи. В школе мы, конечно, не обращали внимания, к каким кастам принадлежат студенты, педагоги и обслуживающий персонал. Мы вели дело так, как будто касты вообще не существовали.

Но, — добавляет Эльмина Лаки, — немалое расстояние отделяет формальное признание того или иного принципа от личного его усвоения и фактического применения тем или иным индивидуумом. Я помню, например, одного студента, поступившего к нам позднее в том же году. По происхождению он принадлежал к высшей касте. Однажды, после работы, проводившейся по плану студентов в одном из беднейших кварталов Дели, он пришел ко мне в кабинет, едва сдерживая охватившее его волнение и экзальтацию. «Со мной случилось нечто очень важное, — сказал он. — Я подметал вместе с другими метельщиками! Несмотря на все мои теории, я сторонился этой работы. Но сегодня я подметал вместе с другими людьми и они приняли меня. Теперь я на правильном пути». Добровольная работа студентов

по очистке лагеря беженцев была примером претворения идеалов в жизнь и получила должное признание со стороны тех людей, для которых она была выполнена».

Когда жизнь начала входить в нормальную колею, представители городского населения пришли в школу, чтобы выразить благодарность за ее многочисленные услуги. Интерес, выказанный ими к работе школы, далеко превзошел ожидания Эльмины Лаки. Руководимая ею новая, исключительно опытная организация, стремившаяся упрочить свое место в жизни, в известном смысле, вошла теперь в число городских учреждений Дели и стала орудием национального правительства в борьбе за улучшение бытовых условий населения.

Вскоре после этого студентов пригласил Ганди. Эльмина Лаки считает, что «тот, кто не видел молодежь в первые минуты ее интимной встречи с любимым вождем, не может понять той силы воодушевления, которая вызвала движение Ганди».

Председатель Отдела по улучшению бытовых условий г. Дели с очаровательной любезностью представил студентов как сотрудников.

«Эта молодежь из школы Христианской ассоциации молодых женщин исповедует все религии Индии и принадлежит к разным кастам и классам. Это те же студенты, которые выполняли обязанности метельщиков, когда метельщики не справлялись с работой».

Преодолевая смущение, студенты скромно заметили:

«Некоторые из нас подметали».

«Даже брамины (высшая каста)?» — спросил Ганди.

«Один из нас — брамин».

Студенты были признательны Ганди за то, что он понял, какой внутренней борьбы стоила им эта работа и в знак благодарности решили послать что-нибудь ко дню его рождения, который приходился на следующую неделю. Они долго обсуждали, каким должен быть их подарок и не могли ничего придумать. Все казалось слишком материальным. Наконец, Эльмина Лаки высказала предположение, что, может быть, самым ценным подарком для Ганди будет письмо, в котором они изложат свои планы на жизнь. Прекрасно! Но когда студенты попытались выразить на бумаге свои мысли, их язык оказался слишком связанным. Тогда Эльмина Лаки попробовала использовать метод групповой работы, применявшийся ею в американских школах. Она предложила, чтобы каждый студент изложил свой план для нее, а не для Ганди. Через полчаса ей было представлено более двухсот деклараций, написанных тридцатью студентами.

«Это были хорошие декларации, — говорит Эльмина Лаки, — потому что они отличались искренностью и безыскусственностью».

На другой день комитет, избранный студентами, отобрал лучшие работы, составил из них одну и послал ее Ганди в качестве поздравительного письма. Эта декларация (см. стр. 25) стала известна как Присяга общественного работника. Впервые она была произнесена первыми окончившими школу студентами и с тех пор неизменно произносилась всеми выпускниками.

В течение зимы школа устроилась и развернула работу. Когда было принято еще четверо мужчин, подобрался очень хороший контингент педагогов. Пустошь, окружавшая школу, запестрела яркими цветами и пышными деревьями; это внушало мысль, что школа обосновалась прочно. Проволочную изгородь обвили плети овощей, выращенная студентами капуста была представлена на городской выставке садоводства и огородничества и получила премию.

«Мы совсем забыли, что лет пять назад бараки предполагалось снести, — говорит Эльмина Лаки, — и вспомнили об этом, только когда наводнения разрушили стены и крыши построек. Но даже субсидии, выдаваемые в таких случаях на ремонт, пошли на устройство поблизости от школы огромной площадки для игр, где собиралось до двухсот детей из беженского лагеря, из домов университетских служащих и педагогов школы, а также из красивых особняков должностных лиц города. Ребята не подозревали, что их веселые игры были для нас практической работой по организации развлечения и опытом изучения и показа отношений, возникающих между детьми различных социальных групп».

Самым ценным подарком, какой мы получили в ту зиму, была новая поступившая в школу преподавательница. В течение двух лет она проходила курс подготовки общественных работников в Англии и Соединенных Штатах, а затем путешествовала по Китаю, изучая методы ведения общественной работы. Это была уроженка Бенгалии

На противоположной странице: студенты Школы общественных работников на практике в одной из деревень Индии. Немногие из поступивших в Школу знали достаточно о жизни людей за пределами их родной провинции. Но благодаря плану Эльмины Лаки, американского педагога-консультанта, студенты ознакомились со многими районами страны.

Дороти Мозес, исполнявшая раньше обязанности начальницы колледжа в Калькутте. Забота о женщинах, работавших на джутовых фабриках, побудила ее перейти на общественную работу в этой отрасли промышленности. Затем она поехала за границу для учебы. Ее необычная западная фамилия отражает распространенную среди индусов-христиан традицию брать библейские имена.

Дороти Мозес согласилась приехать к нам несколько неохотно, — говорит Эльмина Лаки, — может быть потому, что она опасалась снова очутиться в замкнутой академической среде. Все же она обещала вести преподавание в течение шести месяцев, а после этого срока стать начальницей, если она убедится в действительной полезности нашей работы. К счастью, к концу испытательного периода она признала ценность школы и стала ее первой заведующей».

Во вторую зиму, рассказывает Эльмина Лаки, ее главная задача заключалась в том, чтобы по возможности «освободиться от дел». По мере того как время шло, ее участие в повседневных учебных занятиях требовалось все меньше: намеченная ею цель — прочная постановка школьной работы под руководством штата местных педагогов — была почти достигнута.

Когда преподаватели-индусы, приступив к исполнению обязанностей, проявили должную компетентность и сознание ответственности, Эльмина Лаки сосредоточила главное внимание на разработке, совместно с представителями университета, плана соединения школы с университетом, на подготовке программы занятий, а также совершила по Индии поездку, чтобы ознакомить различные группы населения с целями и методами школы.

Между тем члены Комитета — инициаторы идеи организации школы — неутомимо работали для обеспечения будущности школы, стараясь найти фонды и организовать на широких представительных началах административный отдел, так как они не предполагали лично вести школу в дальнейшем. В марте 1949 года школа, известная теперь как Школа общественных работников в Дели, соединилась с университетом и стала одним из его отделений. Впервые в Индии учебному заведению такого типа было предоставлено право присуждать ученые степени за достижения, осуществленные в области общественных работ. Присуждение первых степеней состоялось в 1950 году. Весной 1949 года заявления о приеме подало более ста человек, среди которых три четверти составляли мужчины. Школа приняла семнадцать мужчин и семнадцать женщин.

Из числа первых выпускников, окончивших восемнадцатимесячный экспериментальный курс, четверо поступили в отдел Христианской ассоциации молодых женщин по улучшению быта городского населения, один — в сельский отдел, один присоединился к квакерской организации, обслуживавшей население, семь продолжали вести работу среди беженцев, один начал работать в беднейших кварталах большого портового города и был там первым подготовленным работником, трое присоединились к движению за запрещение продажи спиртных напитков, пытающемуся путем организации здоровых развлечений отвлекать население от алкогольных напитков, один возглавил отдел по улучшению бытовых условий в угольном районе, четверо поступили в новую правительственную организацию по проведению плана улучшения условий проезда в вагонах третьего класса, один стал сотрудником-обследователем правительственного бюро статистики, один присоединился к провинциальной организации по обучению взрослого населения, один (первый принятый в школу мужчина) поступил в отдел общественного обслуживания на гидротехническом сооружении в горах Цейлона, двое продолжали занятия в школе, двое стали педагогами.

На другой день после принятия университетом окончательного решения, гарантировавшего присоединение школы, Эльмина Лаки уехала из Дели, а вскоре после этого — из Индии. Ее работа была окончена. Как хороший педагог, она знала, что нет лучшей награды, чем сознание, что «теперь они прекрасно могут обойтись и без меня».

Присяга общественного работника

Я буду служить, по мере моих сил и возможностей, угнетенным, страждущим и нуждающимся.

Я обязуюсь в моих личных отношениях и при исполнении моих обязанностей не проводить различий между людьми разной веры, цвета кожи или общественного положения.

Я буду служить всем, кому могу, всюду, где смогу, всеми возможными для меня средствами, когда только могу, так часто и так долго, как смогу.

Я обязуюсь проявлять сострадание, дружескую симпатию и участие к радостям и горю всех, кто нуждается, страдает или заблуждается.

Я никогда не утрачу веры в ценность каждого человека и его способность изменить свой образ жизни и мыслей.

Я буду относиться с уважением ко всем, с кем я буду работать.

Я буду сохранять в тайне все, что мне доверяют мои клиенты.

Я не буду повторять вздорных сплетен и не буду поддаваться их влиянию.

Я обязуюсь быть всегда объективным, честным и прямым.

Я не буду предаваться унынию, каковы бы не были трудности, связанные с моей работой, как бы медленно не достигался успех.

Я обязуюсь продолжать изучать в течение всего периода моей общественной работы нужды человеческого общества и лучшие пути, какие мир находит для их удовлетворения.

Я буду делить трудности и борьбу и содействовать разрешению проблем, возникающих у других общественных работников, и помогать их семьям, как я помогаю своей семье.

Я буду равно служить всем и стремиться применять при этом правильное суждение, доброе отношение и терпение, чтобы смягчить вражду, ненависть и горе.

Я буду нести полную долю моей ответственности за деятельность и сотрудничество общественных организаций, ведущих работу там, где она требуется для улучшения жизни людей — от детей до стариков.

Я обязуюсь соблюдать лояльность по отношению ко всем лицам, которые, выполняя ответственную работу в правительственных органах и других учреждениях, служат моей стране и моему народу.

Я буду служить моим соотечественникам по мере моих моральных, умственных и физических сил, учитывая необходимость для каждого человека общественной помощи и тех возможностей, какие способствуют прочному устройству жизни.

Я буду идти вперед и не оглядываться назад, пока цель не будет достигнута. Я хочу служить моим собратьям и это все, о чем я прошу.

Когда затихает гром войны и наступает мир, победителям и побежденным, наряду с восстановлением разрушенных городов, приходится восстанавливать здоровье, физические силы и душевное равновесие людей, искалеченных и раненных в сражениях. Это своего рода борьба, непохожая ни на одну битву, в которой они участвовали. Инвалиды войны должны забыть свои старые привычки и, с помощью разных механических приспособлений, начать учиться тому, что раньше делали совершенно машинально. Они должны приобрести вновь чувство собственного достоинства,

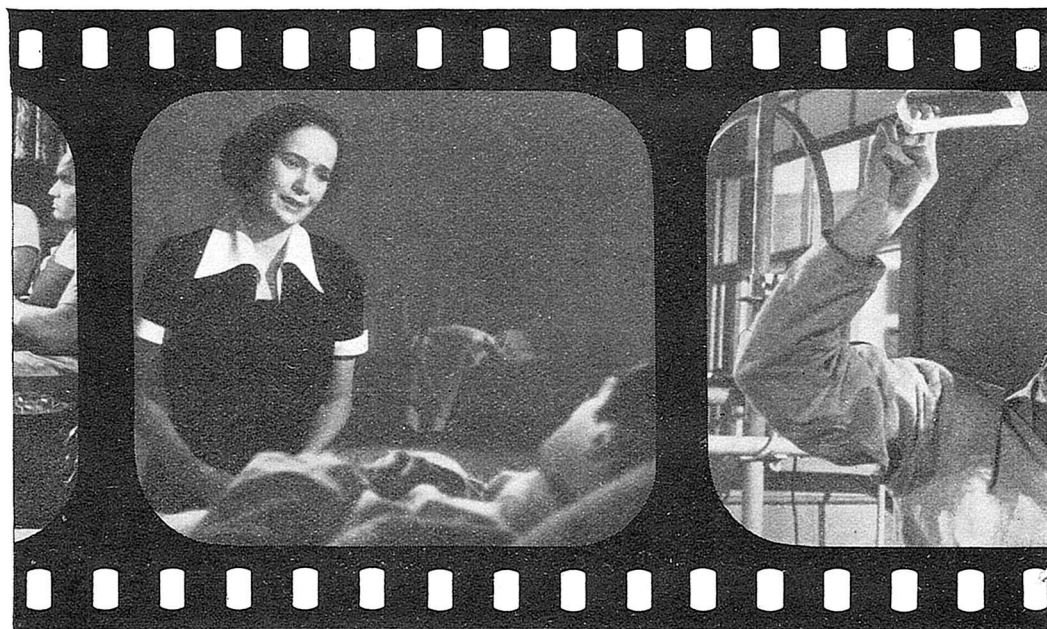
Внизу слева: передовой отряд американцев приближается к разрушенной немцами деревне. Командир отряда лейтенант Кен Вилозек первым входит в деревню, но тут же падает, пораженный пулей немецкого снайпера. Лежа на земле, Кен с ужасом осознает, что все попытки подняться напрасны, так как он не владеет ногами.

ВETERАНЫ ВОЙНЫ

забыть чем были прежде и помнить только то, что они представляют собою в настоящее время. Все честлюбивые мечты должны быть преданы забвению. Одиночество становится постоянным спутником инвалидов и лишь при наличии огромной силы воли, они могут использовать его в своих интересах. «Ветераны войны» — новый американский фильм — повествует о такой трагедии. Тема об инвалидах с парализованными ногами (в результате повреждения спинного мозга), проста: «Чтобы жить, нужно иметь мужество смотреть правде в лицо». В фильме, наряду с пятью киноактерами-профессионалами, выступающими в главных ролях, участвуют разбитые параличом ветераны, не имевшие никакого отношения к кино.

Прежде чем начать сниматься в роли Кена Вилозека, — главного действующего лица — актер Марлон Брандо прожил четыре недели в Бирмингемском госпитале для ветеранов войны (Калифорния). В течение этого времени он не ходил, а пользовался креслом на колесах, чтобы полностью ощутить однообразие жизни парализованного человека. Режиссер Стэнли Креймер, директор Фред Зинеман и сценарист Карл Форман провели несколько месяцев в госпитале, знакомясь с больными, интересуясь их насущными вопросами и беседуя с врачами, сиделками и санитарями. Законченный кинофильм представляет собой серию взятых из жизни эпизодов, так что не нужно было придумывать текста для сценария. Фильм «Ветераны войны» рассказывает о лейтенанте Вилозеке, получившем ранение в Германии, о его нежелании в течение многих месяцев примириться с жизнью инвалида. Приспособление Вилозека к новым условиям было в значительной степени результатом лечения, проведенного одним отзывчивым врачом, и общения с больными, сумевшими побороть первоначальное потрясение, вызванное тяжелым физическим состоянием. Фильм посвящен исключительно инвалидам. Оркестры, парады, развевающиеся знамена и ужасы битв оставлены в стороне. «Ветераны войны» — постскриптум к летописи военных лет. Здесь воспроизведены сцены из фильма и дано краткое изложение содержания картины.

Пытаясь вывести больного из состояния апатии, Д-р Брок разрешил его бывшей невесте Эллен навестить его. Их брак был уже погги решен, но после ранения Кен отказался видеть Эллен. «Ты должен подумать и обо мне, — говорит Эллен, стараясь рассеять гнет жалости, какое больной питает к самому себе. — Разве ты не видишь, что ты мне нужен».

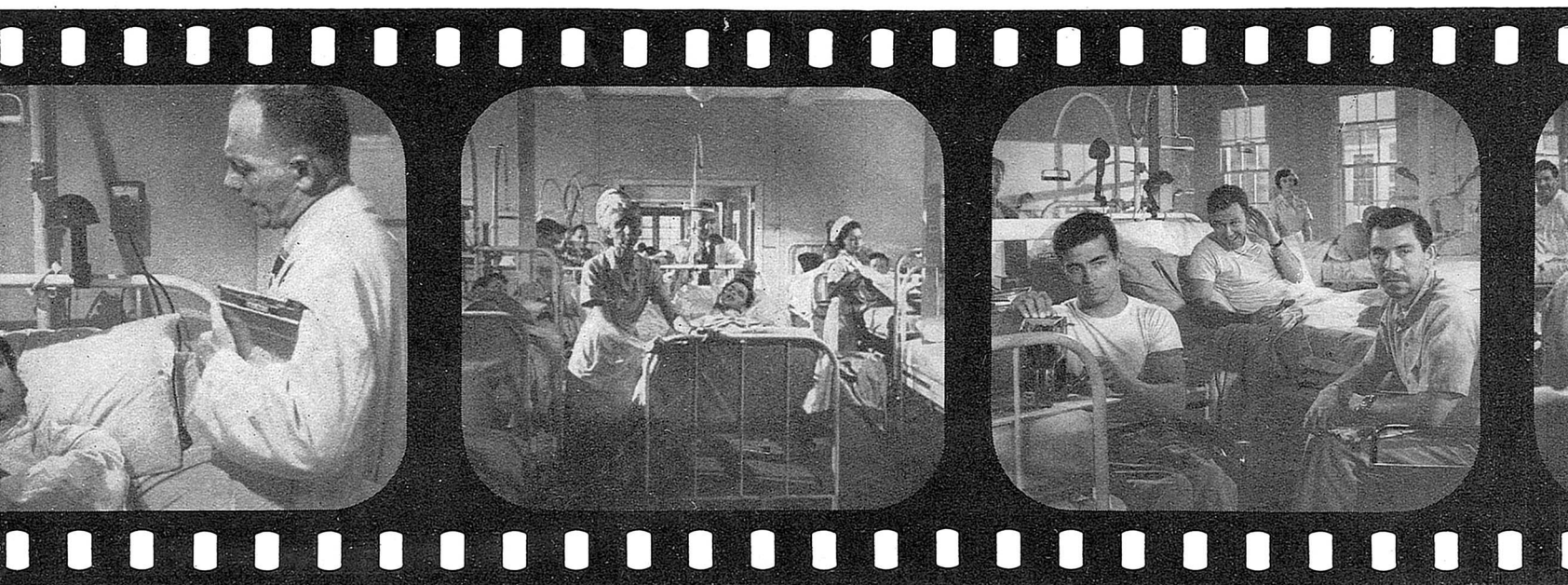
Свидание с Кеном оставило Эллен мало надежд на возможность их совместной жизни в будущем, но она облегла его душевные муки больше, чем предполагала. На другой день удивленные больные увидели, как Кен, с невероятным усилием, старается приподняться.

Этот ужас ничто в сравнении с горькой истиной. Кен, узнав, что у него парализованы ноги, заявляет доктору Брок о своем желании умереть. Он отказывается хоть чем-нибудь облегчить свое положение.

Восстановление сил Кена возможно, лишь в том случае, если он сможет обрести душевное равновесие, приспособившись к изменившимся условиям своей жизни. Д-р Брок переводит его из отдельной палаты в общую, рассчитывая, что дружеское отношение и поразительные результаты лечения методами физиотерапии, достигнутые другими больными, заставят Кена начать курс лечения.

Больные с угасанием смотрят, как бурно протестующего Кена перевозят в одну из общих палат госпиталя. Особенно теплое товарищеское отношение проявляют к нему Анжел Лопез (налево), Лео Дулин (в центре) и Норм Батлер (направо), но Кен отворачивается от них.

Слева: сидя в постели, Кен целые дни упражняет мышцы рук и торса и, наконец, без посторонней помощи в первый раз садится в кресло на колесах. Он испытывает душевный подъем при мысли о женитьбе на Эллен. По мере накопления физических сил, Кен переходит к упражнениям в гимнастическом зале, снабженном особыми приборами. Рвение Анжел (справа), упражняющегося рядом, заражает Кена надеждой на улучшение.

Во время одного из свиданий с Эллен, навещавшей его все чаще, больной сообщил, что, кажется, он начинает ощущать свои ноги, хотя ему и сказали, что такая возможность совершенно исключена при подобных ранениях.

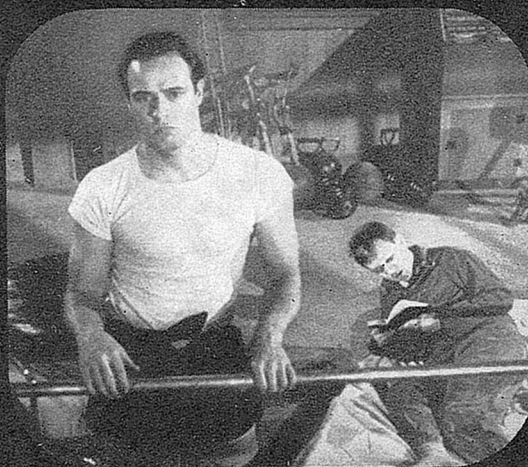
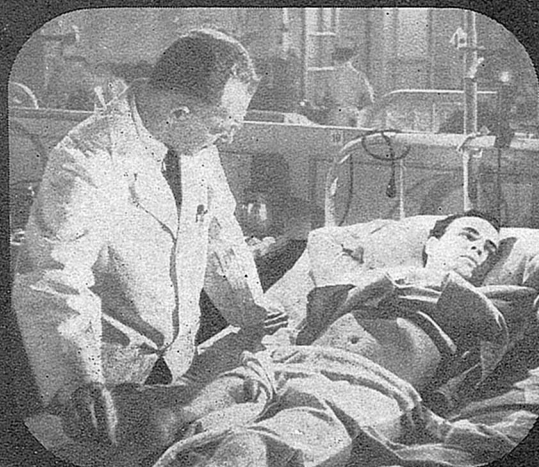

Исследуя ноги Кена, доктор окончательно убеждается в отсутствии чувствительности.

«Слушайте Кен, ваши ноги окончательно парализованы. Если вы хотите устроить свою жизнь, вы должны принять факты, как они есть, без всяких иллюзий. Вы меня понимаете, не правда ли?» Кен, глядя в сторону, мрачно кивает головой.

Мужественно примирившись с полной потерей способности ходить, Кен решил, что по крайней мере, во время брачной церемонии он все же будет стоять. Надев аппараты для ног, он стоит у воображаемого «алтаря», слегка придерживаясь руками, в то время, как Лео Дулин читает текст обряда вензания, чтобы посмотреть, сможет ли Кен простоять положенный срок.

Наблюдая за постройкой своего дома, Кен и Эллен обсуждают планы совместной жизни. С каждым днем крепнет их уверенность друг в друге. Теперь Кен уже разделяет оптимизм Эллен в отношении их будущей жизни.

Семейная драма усилила горесть, испытываемую Кеном, и сильно изменила его поведение в худшую сторону. Он купил специально приспособленную для инвалидов машину, дававшую возможность пользоваться некоторой свободой, но при его душевном состоянии это привело к тяжелым последствиям. Заехав как-то раз с приятелем в таверну, он устроил там скандал и был выброшен за дверь. На обратном пути в больницу Кен разбил машину, так как знал ее с недозволенной скоростью.

Поведение Кена побуждает дисциплинарный совет единодушно вотировать исключение его из больницы. Кен пришел в бешенство, когда ему было объявлено это решение, но члены совета считают, что он достаточно здоров и имеет полную возможность позаботиться о себе сам.

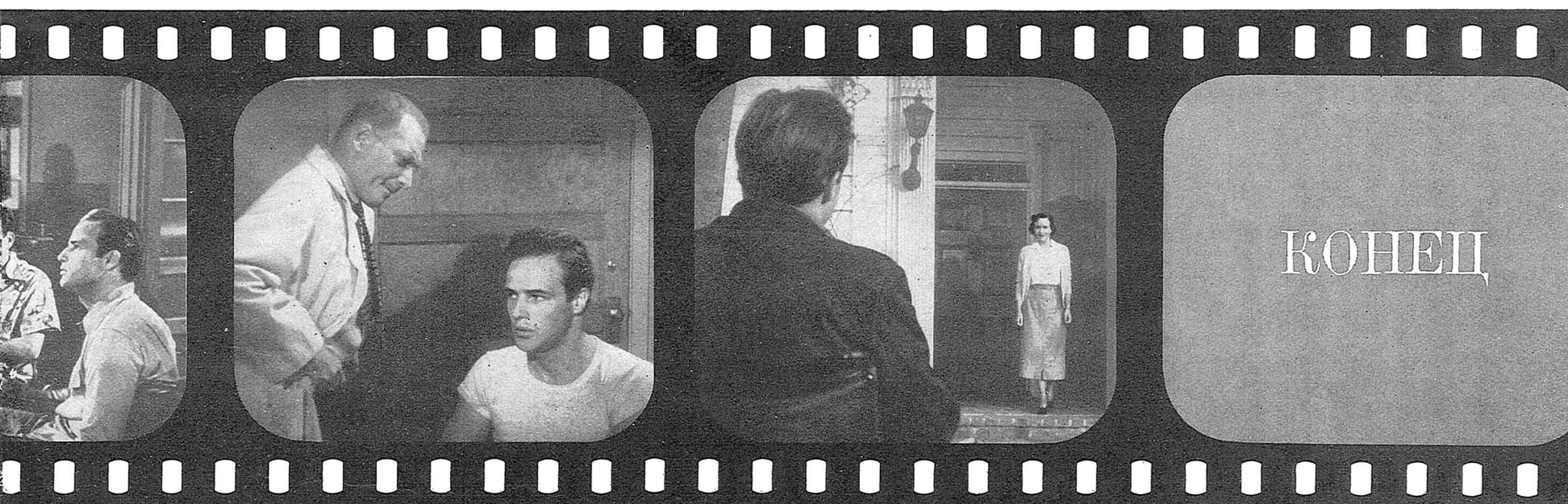
Вверху: Кен ждет формального объявления решения об исключении его из госпиталя. В комнату отдыха, где он играет в карты с Нормом и Лео, приходит Эллен. Кен отказывается видеть ее наедине и она должна говорить с ним в присутствии его друзей. «Я многому научилась за это время, — сказала Эллен, — и считаю, что так жить больше невозможно и будет лучше для нас обоих, если ты вернешься домой». Кен упрямо

Слева: когда нагасал обряд вензания, Кен с гордостью поднялся и встал рядом с Эллен.

Но прежде тем церемония закончилась (справа), ноги у него подкосились и, испытывая сильнейшее чувство унижения, он был вынужден, поддерживаемый доктором Броком, опуститься на стул.

Инцидент во время вензания произвел на Эллен тяжелое впечатление и поколебал ее уверенность в себе. Она почувствовала себя растерзанной и удрученной при мысли о физическом недостатке Кена. Раздраженный выговором, сделанным ему Эллен за пролитое на новый ковер вино, Кен возвратился обратно в больницу.

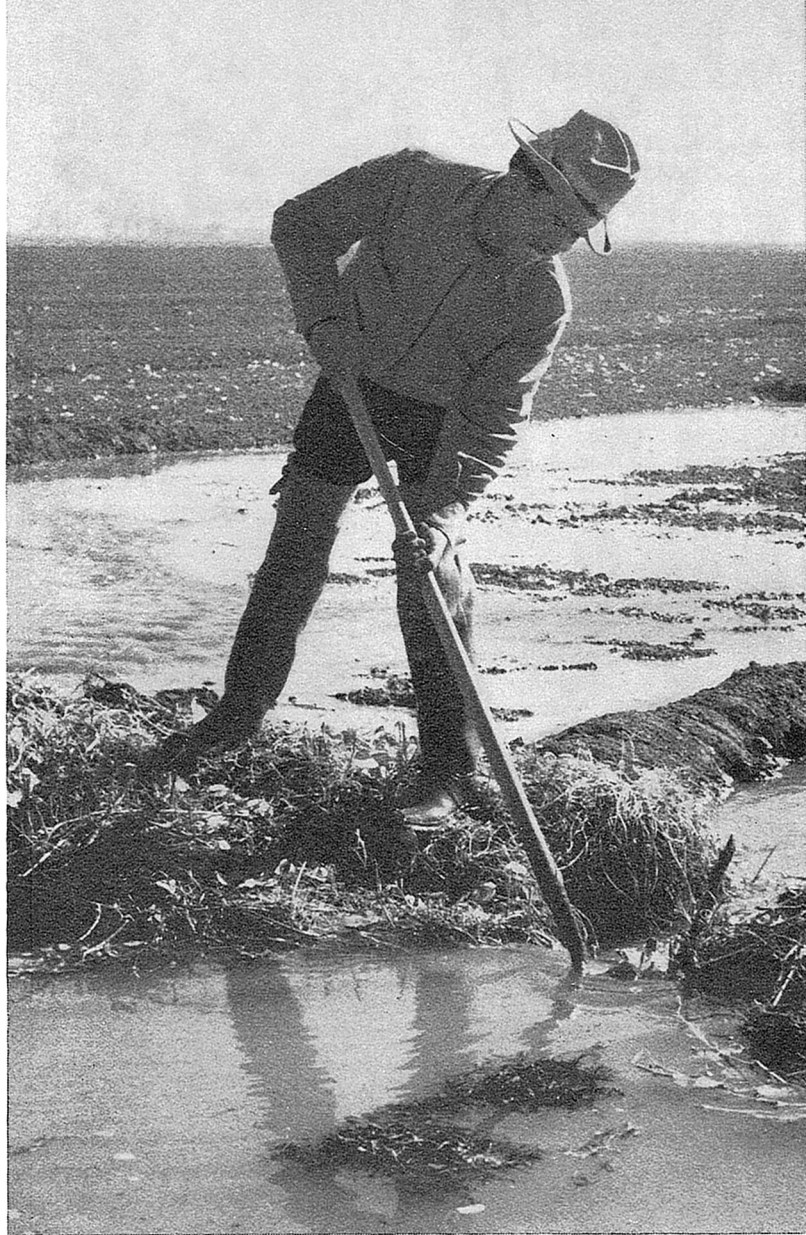
Протестуя против решения совета, Кен пришел к д-ру Броку, но последний отказывается принять его обратно в госпиталь.

Вспоминая свое прошлое, Брок сказал, что его покойная жена тоже была парализована. «Но, — говорит он, — я готов отдать все, чтобы снова увидеть ее.

Ваша жена — человек и ей присущи недостатки человеческой природы. Впереди у вас долгие годы жизни и, если вы сами не позаботитесь о своей судьбе, никто вам ее не устроит».

Поняв, как сильно он хочет вернуться к жене, Кен едет к дому, где Эллен живет вместе с родителями. Из окна Эллен видит, что ее муж, пересев в свое кресло на колесах, едет по дорожке, ведущей к двери. Она идет к нему навстречу. «Тебе пришлось долго ехать. Хочешь я помогу тебе подняться наверх, — спрашивает Эллен с приветливой улыбкой. «Да», — отвечает Кен.

Фермер в пустыне

Орошаемая земля

ежегодно дает

четыре урожая

Слева: Теодоро Лучеро, старший работник на ферме, дает выход воде, идущей по канаве. Благодаря многолетнему опыту, Лучеро хорошо знает когда и какое количество воды требует та или иная культура. С изображенного здесь затопленного поля недавно был снят урожай салата: тотчас же после уборки его засеяли ячменем.

Адриан Риггинс не знает, что такое засуха, хотя его ферма расположена в долине Соленой реки, в центральной части Аризоны, на унылых и бесплодных равнинах Юго-Запада США. В любое время Адриан может напоить землю таким количеством влаги, какое требуется посевам. Стоит лишь поднять головной щит оросительных каналов, как живительные потоки воды устремятся на его поля. С самолета фермы Адриана и его соседей напоминают оазис среди пустыни, а площадь, разрезанная каналами на зеленые квадраты, кажется огромной шахматной доской.

Всегда приветливый Адриан Риггинс охотно показывает посетителям свои владения и рассказывает об оросительной системе. «Строительство каналов — дело весьма сложное, — говорит он. — Нужно выровнять землю так, чтобы по ровному скату вода расходилась в стороны, не размывая почвы и не скопясь в лужи. Наша местность разделена каналами на секции по 1,6 кв. км каждая, которые, в свою очередь, делятся на участки в 65 га. Вода подается на самый высокий пункт участка и, направляясь по каналам, разливается на полях. Избыток воды, стекая в низину, по ближайшему каналу подается на соседнюю ферму».

Ферма досталась Адриану по наследству от отца — школьного учителя, который в свободное от занятий время обрабатывал свои 16 гектаров. Адриан и его два брата выросли на ферме. Все трое обучались в университете Аризоны. Тэд, младший, адвокат по профессии, не чувствуя призвания к сельскому хозяйству, решил не возвращаться на ферму. Адриан окончил университет с дипломом инженера-электрика, а Фред — средний брат — с дипломом экономиста. Хотя отец Адриана предоставил сыновьям возможность самим выбрать профессию, двум старшим он передал свою любовь к земле. «По окончании колледжа, я испробовал две-три профессии в разных городах, — рассказывает Адриан, — конечно, инженером быть неплохо, но меня так тянуло к земле, что я решил вернуться на ферму и помогать отцу. Вскоре к нам присоединился и средний брат».

Через несколько лет Адриан женился на школьной учительнице.

Супруги Риггинсы живут в небольшом доме, выстроенном Адрианом перед женитьбой, рядом с белым фермерским домом отца. В доме отца живет Фред, не успевший еще обзавестись семьей.

Оба дома окружены небольшим садом, где растут апельсиновые и грейпфрутовые деревья. Между домами и дорогой высятся увенчанные перистыми кронами несколько финиковых пальм. «Прежде у меня было восемь гектаров цитрусовых плантаций, — рассказывает Адриан, — но я высадил деревья и оставил лишь этот небольшой сад для личного пользования. Цитрусовым деревьям нужен тщательный уход, затрата значительных средств и труда оправдывается лишь при наличии обширных насаждений». В дополнение к основной сельскохозяйственной продукции, которую Риггинсы сбывают на рынке, они разводят огород с рядами ягодных кустов. Мэй очень гордится своим фризером емкостью в 20 кубических футов. Здесь хранится большой запас продовольствия, и имеется место для разрубленной на куски четверти говяжьей туши. Причем каждый кусок оберчивается в бумагу. Адриан режет сразу по полдюжины кур, которых Мэй ошпаривает и замораживает. Фрукты и овощи в свежемороженом виде хранятся круглый год во фризере. Раз в месяц Мэй печет десяток или более пирогов и тортов и ставит их во фризер.

Супруги Риггинсы принимают деятельное участие в общественной жизни и делах церковной общины. Адриан состоит председателем местного фермерского комитета. Мэй — секретарем женского объединения при этом комитете. Вместе с братом Адриан владеет четырехместным пассажирским самолетом «Стинсон» и состоит членом Аризонского общества земледельцев-летчиков — организации, куда входят 150 фермеров, имеющих собственные самолеты. Он также состоит на учете в местном отделении гражданского воздушного патрулирования, по требованию которого он должен нести службу определенное количество часов, (при этом дается обязательный минимум). Адриану, как члену общества летчиков, вменяется в обязан-

ность вылетать на поиски пропавших без вести самолетов. Однажды, во время войны, его послали разыскивать 17 немецких военнопленных, бежавших из местного лагеря. Воздушный патруль обнаружил их умирающими от жажды и истощения в безводной равнине.

Ферма Адриана находится в середине солнечного пояса, то есть в части США, находящейся четыре пятых года под палящими солнечными лучами. «Осадков выпадает у нас не более 20 см в год, а так как дожди льют только при летних грозах, у нас почти не бывает ненастных дней, — говорит Адриан. — Средняя температура зимой $+10^{\circ}\text{C}$, причем термометр редко опускается к точке замерзания».

Несмотря на отсутствие дождей, югозападная пустыня не похожа на песчаную Сахару. По выражению ученых — это «лесистая пустыня». «Она пугает человека, незнакомого с нашим районом, — говорит Мэй Риггинс, — когда я приглашаю гостей полюбоваться открывающимся видом на пустыню, они только и смотрят не появится ли скорпион, тарантул, гремучая змея и большая пятнистая ящерица, называемая «чудовищной хилой». Кусты, покрытые колючками, и кактусы так и впиваются в случайно задевшего их человека. Весною все здесь в цвету. Даже на тщедушных кактусах распускаются яркие чашечки. Деревья «пало верди» и креозотовые кусты блещут золотом своих цветов. Окотилло, похожий в остальное время года на сухую палку, усеян огненными лепестками. В нашем штате растет сагаро, — растение высотой в 9 метров, напоминающее зеленую колонну. Цветок сагаро белый, словно вылепленный из воска. На закате Скалистые горы, уходящие на восток, переливаются фиолетовыми, розовыми и зелеными отсветами. При заходе солнца пустыня — самое красивое место в мире».

Вода — единственно, что требуется выжженному солнцем, но живописному краю. От живительной влаги зависит плодородие почвы. В устройстве системы орошения в центральной части Аризоны нет ничего нового и она вероятно ничем особенно не отличается от системы орошения Нильской долины. Сотни лет назад центральная часть Аризоны была заселена индейскими племенами, находившимися на высокой ступени культурного развития. Они строили большие дома в несколько этажей из обожженного на солнце кирпича. Пользуясь каменными мотыгами без ручек, они расчистили и выровняли землю, соорудили из прутьев плотины, чтобы отвести воду и прорыли по ровному скату каналы длиной в 160 километров. Некоторые из каналов имели в глубину 3,6 метра, в ширину 15 метров. Когда в 1878 году по Соленой реке стали селиться колонисты, система орошения была в полном порядке. Переселенцам пришлось лишь очистить от сорняков каналы на протяжении 32 км, и после небольших восстановительных работ ими можно было уже пользоваться.

Согласно федеральным законам об эксплуатации ирригационной системы, фермер и каждый член его семьи имеют право владеть не более чем четвертью секции орошаемой земли. Хотя некоторые и арендуют участки, $\frac{3}{4}$ земель в Аризоне обрабатываются собственниками. В дополнение к 16 га, полученным от отца, Адриан купил еще 64 га, а кроме того, арендует смежный участок в 24 га.

Прежде, когда программа военного времени требовала увеличения

производства сельскохозяйственных продуктов, Адриан возделывал от 202 до 243 га. Но теперь, он говорит, что не в состоянии обрабатывать площадь больше той, которой владеет. Хозяйство Адриана механизировано. У него имеется два трактора, комбайн, два грузовика, несколько плугов, бороны и другие машины, идущие на прицепе у трактора. На ферме Риггинса живут от восьми до десяти семейств рабочих, мексиканцев по происхождению, с семьями, получающих почасовую зарплату и пользующихся бесплатной квартирой. В течение большей части года на обязанности двух рабочих лежит очистка и ремонт оросительных каналов, тянущихся на несколько километров. Они наблюдают за тем, чтобы каналы не засорялись, а при сильном загрязнении илом углубляют их. Незаменимый помощник и правая рука Адриана — Тиодоро Лучеро, проживший на ферме пятнадцать лет и вырастивший здесь семь дочерей.

«В день, когда я собираюсь оросить поля или накануне, — рассказывает Адриан, — я звоню заведующему ирригационной сетью, которого по-испански называют «санхэйро». Он состоит на службе в Объединении местных фермеров-потребителей воды, предоставившем ему в бесплатное пользование квартиру и автомашину. Дом санхэйро находится у самого канала, подающего воду на фермерские участки; подобно врачу, он дежурит дома круглые сутки. Когда он отсутствует, дежурит и принимает поручения его жена. Обслуживая 150 клиентов, санхэйро может одновременно подавать воду шести или семи из них. Предположим, я говорю ему, что мне потребуется такое-то количество воды. В свою очередь, он сообщает в какое время дня или ночи он поднимет щит и вода будет подана на верхний пункт моего участка. Я должен проследить за тем, чтобы вода разошлась по всему участку. Обычно об этом заботится Лучеро. Вставив деревянные ворота в раму канала и закрыв ее брезентом, он устраивает нечто вроде временной плотины. Когда вода поднимается и заливает берега, поднятые выше уровня полей, Лучеро прорывает выходы, чтобы дать воде нужное направление. Затем на поле он роет новые выходы, попутно закрывая выше расположенные. Через каждые несколько сот метров Лучеро ставит временные запруды и открывает выше расположенные ворота, чтобы заполнить каналы другой секции.

Каждая культура требует определенного количества воды и точного времени ее подачи. В огородах лучше всего на некоторое время заливать водой борозды между грядками. Когда почва засеяна зерном, мы ставим небольшие насыпи под прямым углом на расстоянии девяти метров друг от друга и, таким образом, заливаем водой одну или две секции. Вода должна просачиваться, а не скатываться по поверхности почвы. Некоторые растения не нуждаются в частом орошении, но всегда нужно следить, чтобы вода доходила до их глубоких корней. Чем глубже корни, тем выносливее растение. Например, у пшеницы сильные корни уходят на $1\frac{1}{2}$ –2 метра в землю, а у овощей в среднем — от 90 см до 1 метра. Испаряется вода только с верхних слоев земли. Следовательно, почти вся влага остается в почве, до тех пор пока она не будет впитана растением».

В прошлом столетии вода в этом районе с помощью дамб, сделанных из прутьев и камней, отводилась из Соленой реки. Эти весьма

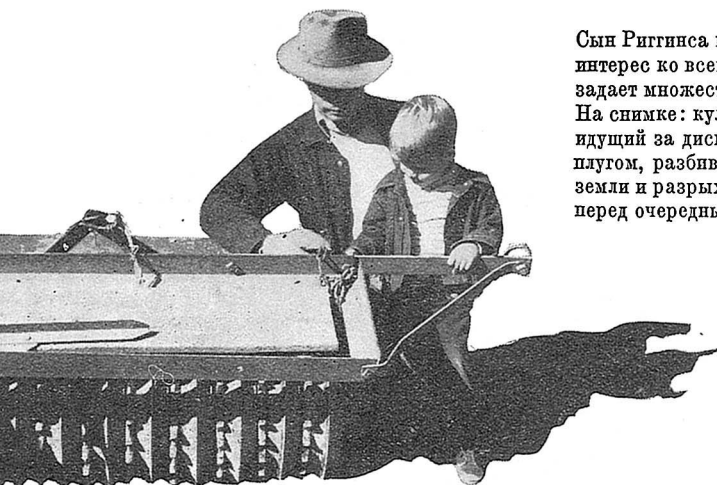

Уборка капусты на ферме Риггинса. Рабочие, повязав головы платками для защиты от палящих лучей солнца, собирают кочаны и бросают их в конвейер, который подает их на подъезжающие грузовики.

Риггинс с сынишкой рассматривает канаву, по которой вода идет к полям. Он объясняет ему, что для временной запруды в раму будут вставлены деревянные ворота.

Сын Риггинса проявляет интерес ко всему и постоянно задает множество вопросов. На снимке: культиватор, идущий за дисковым плугом, разбивает комья земли и разрыхляет почву перед очередным посевом.

примитивные и случайные ирригационные сооружения размывались во время паводков. В долине Соленой реки ежегодные засухи вывели из строя около трети фермерских хозяйств.

После обсуждения этого вопроса, длившегося несколько лет, в 1903 году было принято решение, послужившее в дальнейшем основой проекта строительства. Одиннадцать местных организаций, заинтересованных в строительстве каналов, четыре города и сотни фермерских хозяйств решили основать кооперативное общество «Потребителей воды», причем на один пай приходилось по 0,405 га земли. Федеральное правительство дало согласие на возведение дамбы, издержки на строительство которой должны были быть покрыты обществом в течение довольно длительного периода времени.

Строительство дамбы считалось крупным достижением инженерного искусства, так как район работ был расположен в 47 километрах от ближайшей железной дороги; строительные материалы подвозились по узкому крутому ущелью на арбах, в которые впряжены были по двадцати мулов. Гранит, добытый в горах, обтачивали и укрепляли цементом, изготавливаемым здесь же на месте работ с помощью гидроэнергетических установок. В студенческие годы Адриан работал на электростанции Рузвельта, названной так в честь президента Теодора Рузвельта, присутствовавшего на ее открытии в 1911 году. С тех пор на реке Соленой были сооружены три плотины, а на ее притоке, реке Верде, — две. Выстроенную по последнему слову техники дамбу Кулиджа на реке Хила, в которую впадает река Соленая, закончили в 1929 году. В 1949 году орошены были 364.500 га аризонских засушливых земель; а в настоящее время в окрестностях Феникса каналы тянутся на протяжении 2.253 километров.

Много лет назад русло реки Соленой пересохло. Запасы воды вместо того, чтобы идти по руслу, скапливались у перемычек. «Нормальное» количество воды в реке, определяемое путем сложных вычислений, делят на количество орошаемых га. Члены кооперативного общества потребителей ежегодно получают два акрофута воды (один акрофут — слой воды глубиной в один фут, покрывающий акр земли) на каждый акр имеющейся у них площади. Право пользования оставшимися излишками воды дается в первую очередь местным фермерам-старожилам. Ввиду того, что ферма Адриана пользуется оросительной системой с 1880 года, он получает ежегодно по одному акрофуту воды сверх нормы.

Так как Адриан в буквальном смысле слова распоряжается «осадками» и всегда предугадывает климатические условия местности, где находится ферма, он не связан необходимостью выращивать определенные культуры. Из года в год на его участках меняются посевы и насаждения, причем испытываются новые виды культур и методы их обработки. Адриан ежегодно подписывается на центральные и местные периодические журналы по сельскому хозяйству. В случае необходимости он получает консультацию на сельскохозяйственной экспериментальной станции при Аризонском университете или у местного уполномоченного министерства земледелия США. В центральной части Аризоны посевы созревают круглый год, и уборка следует за уборкой. Фермеры, в том числе и Адриан, стараются поддерживать и увеличивать производительные возможности своих ферм. Адриан планирует работы с тем расчетом, чтобы после уборки одной культуры, немедленно, без потери времени, можно было приступить к посадке или посеву другой. В марте или апреле он снимает салат, посеянный в последних числах октября, после чего сажает канталупу,

быстро созревающую под жарким летним солнцем. Сняв урожай канталупы в августе, он сажает осенний салат или морковь, цветную капусту и т. д. За осенним сбором овощей следует посев ячменя и других зерновых культур, идущих на корм скоту, причем Адриан выращивает все новые и новые разновидности этих полезных растений. Собрав салат и готовясь к очередному посеву, он глубоко вспахивает землю дисковым плугом и правильными рядами сеет ячмень и затем, если нужно, орошает ее. Хотя обычно салатные грядки так пропитаны влагой, что вначале можно обойтись и без орошения.

Перед посадкой салата Адриан производит вспашку дисковым плугом, затем разрыхляет почву культиватором. Другая машина проводит борозды на расстоянии 102 см одна от другой; сеялка, скользящая на бегунках по бороздам, имеет шесть засыпных воронок для семян. Воронки размещены таким образом, чтобы семена ложились по обеим сторонам борозды. Адриан и его брат Фред управляют трактором, у которого на прицепе сеялка или другая машина. Когда у салата раскрываются 3-4 листа, необходимо разредить посадку, чтобы расстояние между кустами было не меньше 38 сантиметров. Такие работы, проводимые ручным способом, оплачиваются по 75 центов (3 рубля) в час. За день рабочие могут прополоть 4 километра борозд. Салат в хозяйстве Адриана — очень рентабельная культура, но в то же время выращивание его связано с большим риском. Значительная часть салата, потребляемая американцами в зимнее время, доставляется из орошаемых ферм южных и центральных районов Аризоны и из Калифорнии. При благоприятных условиях у Адриана и его соседей урожай снят и готов к отправке в конце ноября, заполняя промежуток между урожаем в двух других районах. Если чрезмерно холодная погода задерживает созревание салата или если жара на оборот ускоряет его, то сбор этой культуры совпадает со сбором ее в других районах. В результате рынки переполнены салатом и предложение значительно превышает спрос. «Запоздание с посадкой на два дня может задержать уборку на две недели, — говорит Адриан, — что иногда влечет за собой всякие осложнения».

Для уборки салата, цветной и простой капусты требуется опыт и точный расчет. Если нужно немедленно провести уборку капусты на площади в 6.075 га, Адриан продает урожай на корню местной транспортной конторе, которая высылает на поля своих рабочих и машины. Конвейер на прицепе у трактора медленно движется вдоль гряд. Бригада из восьми рабочих следует за машиной. Каждый из них собирает капусту с двух сторон. Кочаны кидают в желоба конвейера, который подает их на грузовик. На упаковочном пункте снимают наружные листья, обмывают и сортируют кочаны, а затем упаковывают в корзины со льдом и грузят в вагоны-холодильники для отправки за 2.414-4.023 км в восточные районы.

В каждом вагоне груз осматривают инспектора штата и Федерального правительства, а также сельскохозяйственные эксперты. Они проверяют не заражены ли овощи насекомыми-вредителями и не испорчены ли они. Инспектора по надзору за соблюдением законов о доброкачественной продукции подвергают груз анализу, чтобы выявить нет ли на овощах остатков вредных инсектицидов.

Адриан ежегодно отводит часть площади под люцерну, которая обогащает почву азотом и повышает ее плодородие. Пять или шесть раз в году на ферме косят траву, а зимой поля сдаются в аренду.

Адриан, несомненно, сеял бы больше люцерны, если бы она не требовала огромного количества влаги. Некоторые злаки, как например, ячмень, сорго и овес — лучший корм для скота. Овес вместе со стеблем идет также и на сено. На скотных дворах Феникса отощавший за сезон вольного выпаса скот откармливается смесью ячменя и сорго. «Вообще мы почти не знаем, что такое риск, — говорит Адриан, — случается, но редко, что град губит салат. За все годы моего пребывания на ферме два раза у нас были заморозки и мы должны были сдать поля под выпас. Крупный рогатый скот и овцы «убрали урожай» и несколько возместили потери».

Работать на ферме приходится круглый год, так как я выращиваю с полдюжины разных культур, требующих тщательного ухода. Я постоянно должен пахать, разрыхлять почву, бороться с сорняками, а потому мне трудно уехать куда-нибудь на продолжительный отдых. Вместе с Мэй я совершаю небольшие экскурсии на самолете. Иногда по воскресным дням мы забираем ребят и уезжаем на пикник в горы. Когда мы возвращаемся домой и едем пустыней на закате солнца, я чувствую, что ни на что не променяю свое любимое дело».

Andrew Wyeth

Выдающийся американский художник Эндрю Уайет не разделяет общего тяготения к отвлеченной живописи. Сторонников этого направления поражают формалистические композиции молодого Эндрю Уайета, а сюрреалистов — неожиданные вставки фантазии в его произведениях. Представители реалистической школы в живописи, передающие детали точнее, чем это делает опытный фотограф, имеют полное основание считать художника своим последователем.

КАК РАБОТАЕТ ЭНДРЮ УАЙЕТ

ЭЛЕН ДЕ КУНИНГ

Освещение в картинах Эндрю Уайета бывает то мягким, словно льющимся на плечи человека, который сидит в кухне у окна, то зловещим, нависшим над пустынными трясинами, то безличным и холодным, как в картине, изображающей продажу фермы с торгов. Поистине, освещение в картинах Уайета вызывает целый поток чувств и дум о человеке.

Произведения этого художника носят повествовательный характер. Каждая его картина воспринимается, как рассказ или, по крайней мере, как эпизод из какого-нибудь рассказа. Так как Уайет изображает знакомые, близкие сюжеты, взятые из привычной ему обстановки в Чаддс-Форде, штат Пенсильвания, где он прожил всю свою жизнь, его творчество часто вызывает ощущение чего-то близкого, очень знакомого. Это объясняется отнюдь не тем, что мы действительно видели или побывали в местах, изображенных на его картинах. Городской житель может чувствовать в картинах художника ритм, характерный для сельской жизни, ее неторопливость, закономерность, труд, обусловленный разным временем дня или тем или иным сезоном.

Картины художника, обладающего даром живо и ярко отображать действительность, внушают зрителю чувство чего-то родного и близкого. Такой эффект объясняется тщательной отделкой деталей. Когда Уайет с беспощадной откровенностью передает все складки и морщинки на лице старика («Карл»), ясно, что художник давно, в течение многих лет, видел это лицо. В портрете друга художника — Генри Тиле, нам кажутся знакомыми поношенная одежда, вязаная безрукавка, тяжелые рабочие башмаки, сдвинутая на затылок кепка из грубого синего брезента, и мы понимаем, что Тиль, утомленный после дня работы, присел отдохнуть.

В сюжете, воплощаемом художником, нет ни одного лишнего штриха. Каждая деталь написанного им лица, ткань и складки одежды говорят о человеке, об его образе мыслей, о крае, где он родился. При взгляде на картину «Уголок старинной спальни» невольно думаешь, что здесь, в этой прохладной комнате спали и рано вставали люди нескольких поколений.

Уайет всегда выбирает скромные и простые сюжеты. Все в его картинах правдоподобно, осмысленно, ненавязчиво и в то же время — оригинально. Впечатления покоя и строгости художник достигает мягкостью и экономностью композиции.

Нагромождение предметов окружающей реальной обстановки у художника чуточку стилизовано. На гипсовых панелях он изображает свои непосредственные зрительные восприятия, но как это бывает в воспоминаниях или в мечтах, ощущение реального уплотнено. Некоторые детали — порванная старая зеленая занавеска, узоры на клеенке, складки на свитере — приобретают особую выразительность, в то время как остальные мелочи, не забытые художником, отступают и как бы прячутся в полумраке. Хотя Уайет аккуратно, даже настойчиво отделяет детали, во всем процессе работы темперой он не пользуется непосредственно палитрой.

Художник выработал свою индивидуальную манеру. Отдав должную дань требованиям того или иного стиля, он с юношеского возраста остался верен принципу «изобразительности».

Сначала Эндрю Уайет писал преимущественно маслом, но затем начал оказывать предпочтение акварели. Когда художнику исполнился двадцать один год, он устроил выставку своих наиболее ранних акварелей с видами морского побережья Мэна, где семья обычно проводила лето. Эта несколько преждевременная выставка все же имела успех. Вскоре художник, в виде опыта, начал работать темперой и выставлять новые произведения наряду с акварелями.

Прежде чем начать писать темперой, Уайет выбирает сюжет, который его сильно увлекает. Нередко, работая над одной картиной (Уайет обычно пишет картины четыре в год), художник задумывает новое произведение и для памяти делает наброски; но не было случая, чтобы Уайет писал несколько картин одновременно.

В противоположность большинству художников, Уайет не варьирует старые темы. Когда произведение закончено, тема для него исчерпана — к ней незачем возвращаться. Случается, что окончив одну картину, Эндрю Уайет не сразу находит тему для другой. Он не торопится, а терпеливо, неделями и месяцами, ждет минуты, когда его посетит вдохновение (в такие «спокойные» периоды он ежедневно пишет этюды акварелью).

В свое творчество Уайет старается ввести повествовательный элемент. Он пытается ясно представить себе ландшафт или фигуры, какие хочет изобразить и обдумывает сюжет до тех пор, пока не находит для него наиболее выразительную форму. Уайет всю жизнь знал Карла. Но когда он увидел последнего, стоящим при свете коптильной печи, под крючками для подвешивания туш, вбитыми в потрескавшийся потолок, перед художником отчетливо выступил «германский склад головы» Карла. Почти ежедневно Уайет проходил мимо трясины Гофмана, где ручей Брэнди-вайн, находящийся на расстоянии одного километра от Чаддс-Форда, настолько расширяется, что становится похожим на небольшое болото. Однажды, поздно вечером, всматриваясь в расстилавшийся перед ним ландшафт, художник увидел его совершенно иным. Трясина показалась ему воплощением, вернее «символикой вечера», меланхолическим пейзажем, излучающим рассеянный свет, «как будто взор наступающей ночи ловит последний отблеск дня».

Летом в послеобеденные часы Уайет часто беседовал с Генри Тилем. Как-то раз Тиль опустился на стул и устремил свой взор на залитый солнцем островок в Пенобскотской бухте (штат Мэн). Рыбак так глубоко погрузился в свои мысли, что казалось будто он незаметно вышел из комнаты. Это дало Уайету тему для картины — безмятежный покой в тихой кухне обитателя Новой Англии.

Художник находит драматический сюжет в мгновенном напряжении того или иного образа и почти всегда такой момент определяется освещением. Поиски момента или вернее неуловимого, но надо всем доминирующего освещения — занимают месяцы. Картина «На торгах» может дать представление о работе художника над темой с минуты, когда, увидев заинтересовавшую его сценку, он начинает делать наброски, и до последнего мазка его кисти.

Однажды утром Уайет отправился с приятелем антикваром на аукцион. Это зрелище произвело на него огромное впечатление. По возвращении домой он начал делать первые наброски. Четко схваченные отдельные фигуры показывают, какой необыкновенной зрительной памятью обладает художник (рис. 1). Хотя

Уайет уделял каждому из набросков не более нескольких минут, их сразу же можно узнать в законченной картине — та же женщина в чепце и шали, какие обычно носят члены религиозной секты Джекоба Аммана, мужчина в типичной клетчатой шляпе, которую лесорубы покупают в деревенских лавках, долговзаящая фигура в рабочем синем костюме. С такой же поразительной быстротой художник, по памяти, набросал ландшафт за стоящими фигурами, контуры дома за холмом и дорогу, ведущую к нему, затем энергичными штрихами в центре картины нарисовал грузовик. Он наметил общий план композиции и сделал черновик небольшого эскиза (рис. 2) со своеобразными горизонтальными пропорциями, на котором разместил детали. Его окончательная работа была выполнена по этому эскизу.

Проанализировав отдельные подробности, из которых складывается представление о виденной сцене, Уайет делает ряд эскизов. К счастью, недалеко от своего дома художник обнаружил то, что ему требовалось — заросшую травой полосу дороги (рис. 4), небольшой холм, сарай и дерево. Работая над эскизом дороги, Уайет обратил особое внимание на отпечаток автомобильных шин на засохшей грязи. В центре картины выделяется грузовик. Отчетливо выступают его очертания и детали — радиоантенна, цифры на номерной доске, крючки на бортах машины (рис. 3). Закончив рисунок, Уайет вспомнил тот момент, когда его приятель антиквар, прислонившись к грузовику, закурил трубку. В этой спокойной позе выразилась врожденная сдержанность и независимые манеры горожан — жителей штата Пенсильвания. Впоследствии Уайет попросил друга принять такую же позу и снова сделал набросок грузовика, но под несколько иным углом зрения (стоит обратить внимание на то, что в картине художник точно скопировал этот набросок. Исключение составляет лишь незагороженное окно машины, взятое из первого варианта). Художник работал две недели над этюдом; собрав достаточный материал, он начал писать на покрытой гипсом панели. В своих последовательных эскизах, написанных акварелью, он стремился сохранить еще большую точность. В дальнейшем Уайет отказался от подобного метода работы, считая, что темпера не должна быть копией эскиза. В настоящее время, когда нужно зафиксировать цвет того или иного предмета, художник делает акварельный набросок, иногда он предпочитает писать детали с натуры. Например, работая над картиной «Трясина Гофмана», он принес домой пучок засохшей травы. В другом случае Уайет повесил у себя в студии зеленые шторы Генри Тилиа на время пока он писал его портрет.

Разложив эскизы к картине «На торгах» на полу или развесив их по стенам, Уайет набросал композицию углем на прогипсованной панели, увеличивая на глаз размеры предметов. Такая работа обычно занимает два-три дня. Художник передвигает предметы, анализирует, сравнивает и даже в этой ранней стадии работы устраняет все лишнее. Сначала на переднем плане он нарисовал фигуры идущих людей, но затем решил, что безлюдная лужайка будет казаться более выразительной. Важно не то, что добавляется в картине, а то, что из нее выбрасывается; так объяснял художник причину своего вечного стремления к упрощению.

Тщательно отделяя детали, чтобы они производили впечатление и на расстоянии, он то приближается, то отходит от мольберта. В противоположность большинству художников, которые пишут темперой, Уайет никогда не работает за столом.

Такая техника требовала продуманной заранее композиции и, хотя изо дня в день художник вносил ряд поправок, они отнюдь не нарушили общей распланировки. Уайет редко перемещает крупные предметы, а потому, закругление

сходящихся линий дороги можно считать весьма существенным изменением. «Если я начинаю что-либо изменять или расставлять, это значит мне больше нечего делать, — говорит Уайет, — из картины можно всегда кое-что убрать, но внести в нее что-либо новое — гораздо труднее».

Уайет в основном пользуется светлыми и темными тонами, усиливая или ослабляя их путем смешения цветов. Он редко пишет чистой краской. Лишь отдельные предметы, например, клеенка в кухне Тилиа, закрашена густой красной ализариновой краской. Даже черным и белым цветом он пользуется лишь для полутонов. Когда художнику нужно изобразить белый предмет, как раздуваемые ветром занавески позади Генри Тилиа, он пользуется гладкой поверхностью доски, на которую накладывает легкие тени краской, растираемой кусочком влажной ткани. Художник иногда в течение недель подбирает какой-либо определенный оттенок. Закрасив им часть картины, он рассеивает его по всей композиции с тем, чтобы дать произведению единый, доминирующий тон. В законченной картине отдельные краски не лезут в глаза и не нарушают общего впечатления. Каждый оттенок гармонирует с другими цветами и участвует в общем звучании. Он составляет столь неотъемлемую часть композиции, что всегда можно изменить окраску предметов, например, сделать дом голубым, как грузовик, грузовик — коричневым, как сарай, сарай — желтоватым, как трава, не нарушая внутренней гармонии произведения. Краски, сливаясь, создают тот или иной общий преобладающий колорит. Картина «На торгах» нам представляется голубой, портрет Генри Тилиа кажется серым, «Уголок старинной спальни» — желтой, «Трясина Гофмана» — коричневой.

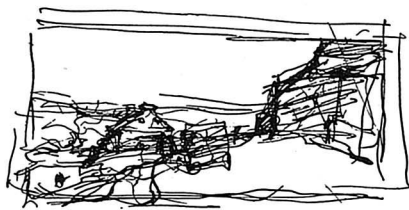
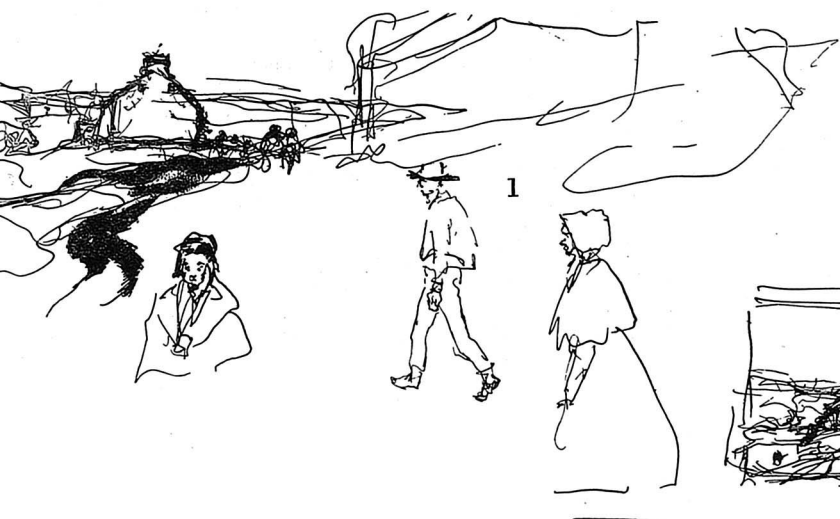
Эффект колорита зависит главным образом от того, насколько верно он передает естественное освещение. А так как освещение тесно связано с композицией, то мы начинаем понимать на что художник обратил главное внимание и чем он руководствовался при выборе образов и как работал над ними.

Уайет предпочитает неполное освещение, при котором ряд деталей выступает в одной части картин и затухает в полумраке — в другой. Поэтому естественно, в его произведениях источником света служит окно. Оконшко грузовика в картине «На торгах» играет ту же символическую роль. Видимая через него часть холма создает впечатление бесконечного пространства, оконницы над дверью в спальне провинциального дома как бы приглашают вас взглянуть в незнакомый мир. В портрете Генри Тилиа, в центре композиции, окно с занавесками в сборку воплощает мысли сидящего человека, который немного отодвинулся от него в менее выступающую в картине часть комнаты. Даже полосы воды в пустынной трясине, отражая небо, напоминают окна. Нам кажется, что через невидимые окна льется свет на правую половину строгого лица Карла, который одновременно производит впечатление человека, умеющего шутить.

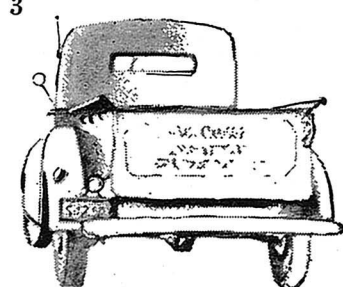
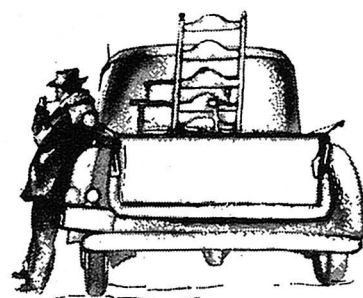
Окно существует для того, чтобы в него смотрели. Если имеется где-либо окно, то имеются и люди, которые в него смотрят. Но люди в произведениях Уайета не играют главной роли. Они пассивны, — они переживают свои впечатления, созерцают, ожидают, думают или, как в портрете Карла — слушают. Свет, падающий на его лицо, выделяет каждый изгиб уха. Мы не знаем к чему Карл прислушивается, но думаем, что он переживает какую-то внутреннюю трагедию. Уайет не любит, когда при толковании его творчества люди дают простор фантазии. Сам он весьма сдержан в этом отношении. Он просто ставит нас перед фактом. Выразительность его живописи несколько не теряет от того, что в ней отсутствует трагизм, и что вероятно Карл прислушивается лишь к тому, что говорит внизу его болтливая жена.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

В сделанных насчет предварительных этюдов художника Эндрю Уайета удачно сведены фигуры и образы, которые введены в картину «На торгах» (рисунки 1 и 2). Рисунки 3 и 4 показывают процесс стилизации и отделки, весьма характерный для работы темперой. Эндрю Уайет обычно предпочитает писать свои картины темперой.

2

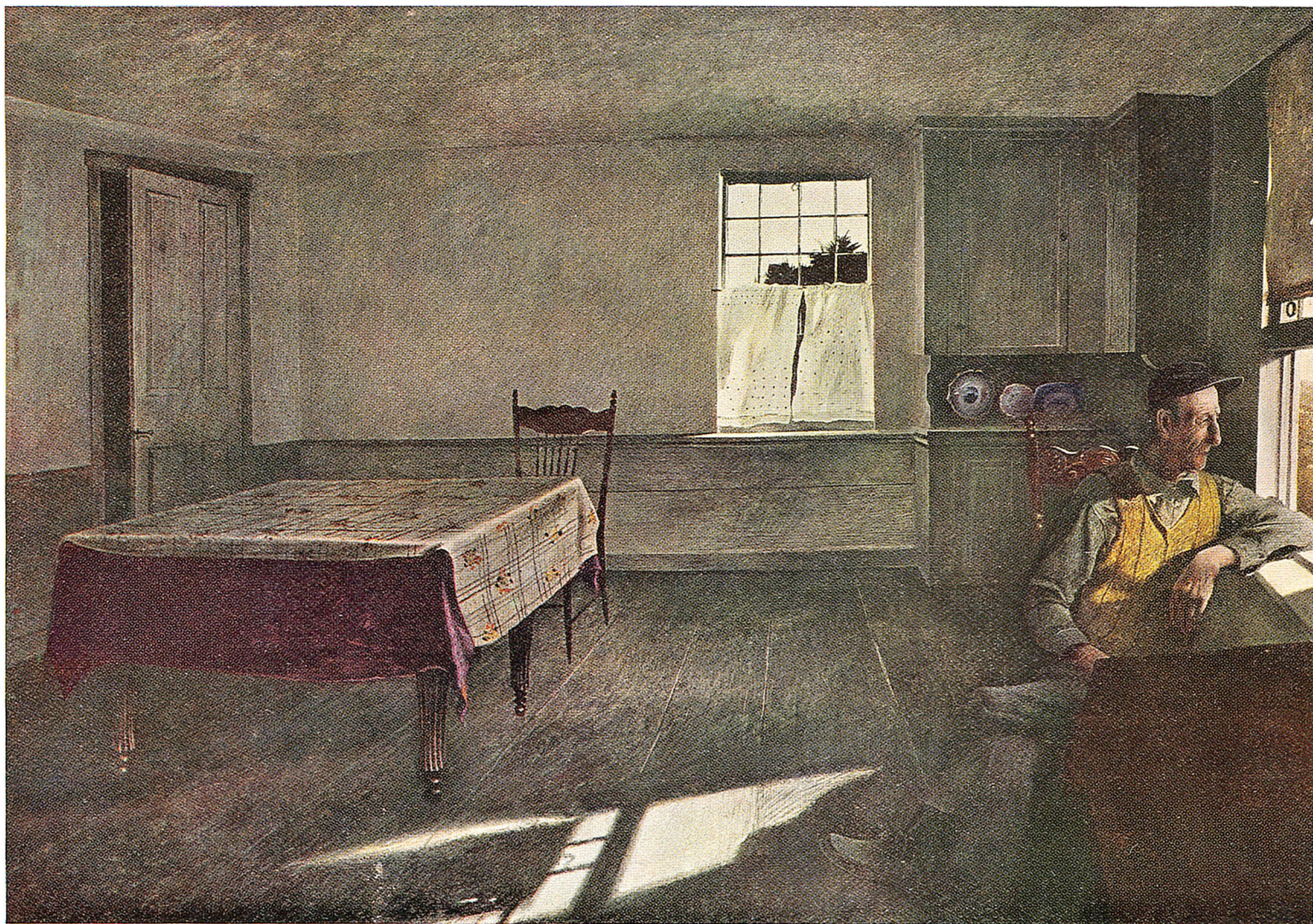

4

3

«Генри Тиль».

«На торгах».

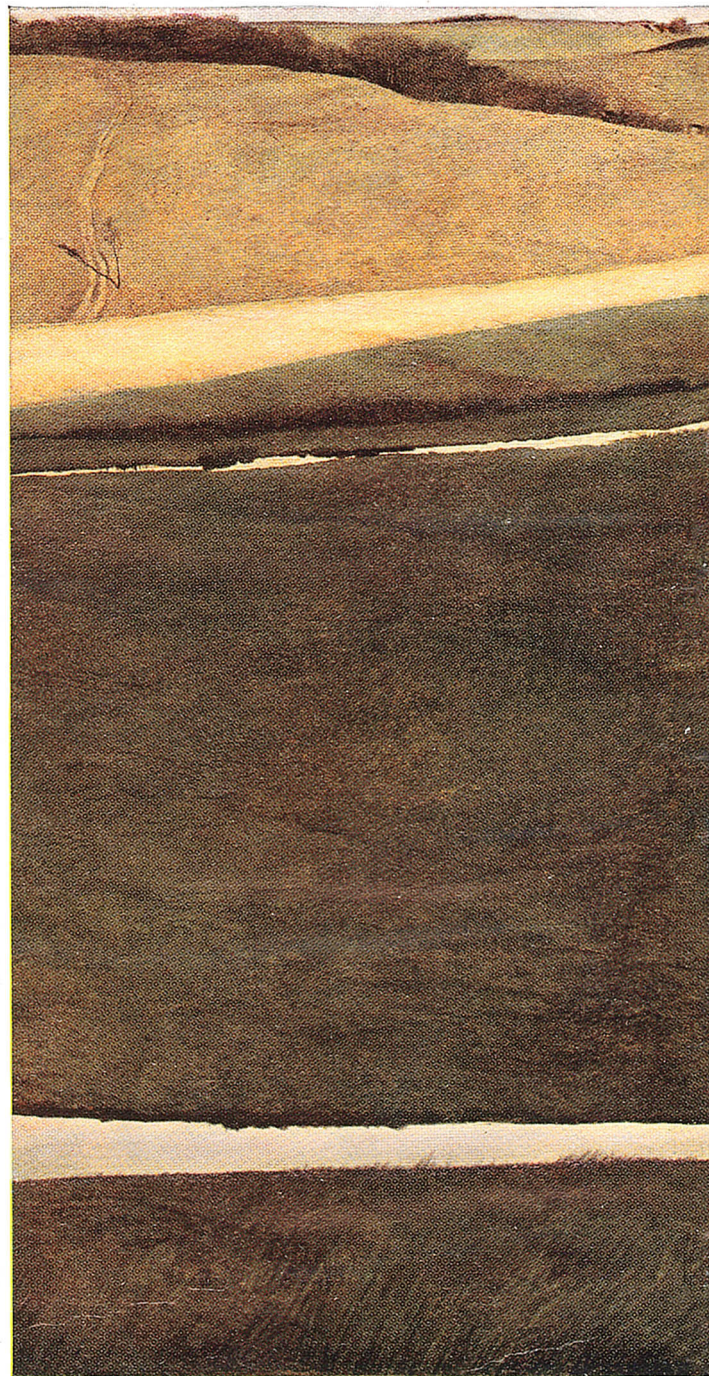

«Карл».

«Уголок старинной спальни».

«Трясина Гофмана».

Жизнь в Университетском Городе

Эвелин Стюарт

От редакции: прошлым летом, по примеру своих коллег, профессор факультета журналистики при Нью-йоркском университете, Кеннет Стюарт принял предложение заняться преподавательской работой на летних университетских курсах в провинции. Такое решение было принято в связи с тем, что работа обещала быть интересной и материально выгодной, а кроме того, Стюартом руководило желание внести некоторое разнообразие в обычные летние каникулы. Вместе со своей женой Эвелин и двумя детьми, Салли — 11 лет и Стефаном — 10 лет, он отправился в университетский город Мэдисон. Эвелин, как и муж, — опытная журналистка и сотрудница периодической прессы. Статьи Стюартов печатались в газетах, издаваемых в разных городах, начиная от Сан-Франциско на западном побережье и кончая Нью-Йорком на восточном. Стюарты хотели, чтобы их дети тоже познакомились с разными районами страны. Семья живет в маленьком городке Найяк, в 40 километрах к северу от Нью-Йорка. В настоящей статье Эвелин просто и правдиво описывает жизнь в Мэдисоне, на севере центральных штатов.

На противоположной странице: один из тридцати парков г. Мэдисона, где в летние месяцы организуются разнообразные занятия детских художественных кружков. Внизу: на лужайке в парке проводится час рассказов для детей. Вверху: в программу зимней школьной учебы входят занятия ручным трудом, которые происходят в художественной студии.

Кеннет и я покупаем мясо.

Всходы кукурузы едва доходили до щиколотки в тот июньский день, когда мы мчались на машине по холмистому плодородному району к г. Мэдисон. Коровы мирно паслись на лугах этого «молочного края Америки», как принято называть штат Висконсин. Такое название значилось на номерных дощечках машин. Чем иным, кроме молочных ферм, мог гордиться штат? Какими достопримечательностями славился Мэдисон, кроме всем известного Висконсинского университета (в котором мой муж должен был преподавать в течение летнего семестра) и Капитолия в центре города? Естественно, нас интересовало место, где нам предстояло жить в течение трех месяцев.

Впрочем, наши друзья рассказали нам кое-что о Мэдисоне, где они учились или работали в качестве журналистов. Они сохранили об этом городе самые лучшие воспоминания и с видимым увлечением рассказывали о былой студенческой жизни — романах, красотах природы, катаньи на лодках, пикниках, сбитых сливках, милуокском пиве, швейцарском сыре, немецких сосисках и о брожении умов. Мы узнали об активной политической жизни города и движении в пользу социальных реформ как в Мэдисоне, так и во всем штате.

Не без волнения прочли мы надпись на дорожном столбе: «Город Мэдисон. 95.995 жителей». Миновав промышленный район, мы въехали в кварталы со старыми облупившимися домами. В пригороде перед нами промелькнули большие красивые особняки, а вдоль Университи авеню — главной магистрали длиной в несколько миль

Дом, в котором мы жили в Мэдисоне; мы его сняли заочно у одного профессора, уехавшего на каникулы. Почти вплотную к дому примыкает густой лес. Из широких окон дома мы наблюдали за его обитателями — зайцами, белками и птицами.

— в боковых ее улицах мы увидели сотни уютных, скромных домиков, носивших следы заботливых хозяйских рук. С восточной части города до западной, где мы должны были поселиться, тянулись озера в обрамлении тенистых городских парков.

В том месте, где, согласно путеводителю, надо было повернуть влево, мы поднялись на холм и въехали в маленькую, густо засаженную деревьями улицу, называвшуюся «Лесной». Мы остановились у серого, с зеленой отделкой дома, который заочно сняли у Джемса Уотруса, художника и профессора истории искусства. Мы не были знакомы с Уотрусом и его семьей, состоящей из жены и трех детей, но по письмам получили ясное представление о доме и знали, что новое помещение нам несомненно понравится. Уотрусы настойчиво звали нас к себе, обещая предоставить в наше распоряжение не только дом, но и всю обстановку.

Соседка Жозефина Дженкинс — жена хранителя Висконсинского исторического музея и мать двух маленьких детей, встретила нас и вручила нам ключи от новой квартиры. Не без труда мы вышли из машины, заваленной багажом, и поднялись по боковой лестнице, ведущей на кухню. Пока муж и дети осматривали гостиную и спальню, я оставалась в кухне, поразившей меня как современным оборудованием, так и исключительной чистотой. Покрытые красным линолеумом шкафчики и столы яркими пятнами выделялись в сверкающей белизной комнате. На двух турникетах под стойкой, в аккуратных стопках стояли кастрюли. Хранившаяся в буфете посуда преимущественно серого и зеленого цвета, отличалась изяществом рисунка. Некоторые предметы были искусно склеены. В холодильнике, освещенном изнутри электрической лампочкой, находились прохладительные напитки и продукты; большие выдвижные ящики под электрической плитой были наполнены сухарями и бисквитами. Особое приспособление, называемое «шеф-повар», автоматически включало и выключало ток в электрической плите. Остальные кухонные принадлежности помещались в объемистых выдвижных ящиках. Когда я сняла подставку для торта, она заиграла песенку «С днем рождения», собрав вокруг себя сбежавшихся детей. Около раковины, на стойке у окна, выходящего в сад, стоял старый радиоприемник; на холодильнике, влево от стиральной машины, на уровне глаз, хозяева вывесили программу радиопередач. В отличие от большинства Американских радиостанций, эксплуатируемых частными компаниями, WHA принадлежит штату Висконсин. Над обеденным столом висела специальная доска объявлений, на которой красовался плакат «Добро пожаловать», разрисованный цветными карандашами одним из юных отпрысков семьи Уотрусов. Больше всего меня поразило множество расклеенных объявлений, сообщавших все сведения, необходимые каждому жителю Мэдисона. Ясно, хозяева позаботились о нас.

Кроме списков мясных и бакалейных магазинов, врачей, зубных врачей, аптек и перечня разнообразных муниципальных услуг, как

опреснение и очистка воды — весьма важного вопроса местного водоснабжения — висели также объявления о консультации при детских яслях и садах. По газетным вырезкам можно было ознакомиться с организацией отдыха и развлечений в парках, на пляже и всякого рода играми. Здесь имелись сведения о теннисе, кружке по ручному труду, театральным кружкам, туристских экскурсиях, уроках плавания, музыкальных программах, летнем театре для учащихся средней школы, о танцевальных вечеринках для подростков в местном клубе. Далее следовал раздел, касающийся университетской жизни — программы кинотеатров, концертов, танцевальных вечеринок, объявления об уроках народных танцев, о занятиях и встречах с иностранными студентами, о хоровом пении, об исторических выставках, театральные постановки и т. д. Специально для ребят висел птичий календарь, со сведениями о птицах, «когда и где выслеживать» кукушек, дубоносов и певчих птиц. Тут же рядом — справочник для туристов о разных достопримечательностях — пещерах, живописных долинах, индейских праздниках, о городке, где сохранились обычаи и нравы далекой Норвегии, о постановке «Вильгельм Телль» в деревне, населенной выходцами из Швейцарии. Расписание летних занятий в группах, организованных при университете, например, лекций для литературных работников, руководителей культурного и бытового обслуживания, преподавателей сельскохозяйственных наук, учителей музыки и иностранных языков, школьных руководителей и директоров, семинаров для рабочих и банковских служащих, специальных курсов по сельскому хозяйству, методике наглядного обучения, по управлению коммерческими предприятиями, организации отдыха, и, наконец, даты занятий конференции по борьбе с алкоголизмом.

В календаре «Лиги женщин-избирательниц» наши хозяева подчеркнули объявление о собрании по вопросу о жилищном строительстве с приложенной к нему газетной вырезкой под заголовком «Борьба против программы жилищного строительства в Мэдисоне — продиктована корыстью предпринимателей».

Судя по столь богатому материалу на «доске справок», жизнь в Мэдисоне показалась мне далеко не однообразной. Дождливая погода помешала нам ознакомиться с тем, что рекомендовалось в объявлениях. Вскоре мы убедились, что в этом краю озер погода весьма непостоянная.

Кен, погруженный в университетские дела — встречи и беседы с коллегами, подготовка к занятиям — не обращал внимания на дождливую погоду. Салли, Стефан и я продолжали знакомиться с нашим новым домом. Нам больше всего понравилась гостиная со стеклянной стеной, выходящей на лужайку, за которой виднеется лес. В холодные дни мы топили камин и пылающие, потрескивающие поленья наполняли комнату свежим запахом смолы.

В хорошую погоду мы проводили большую часть дня под открытым небом, любясь озерами Мэдисона и другими живописными видами. Восемь больших и десять маленьких городских парков занимают общую площадь в 326 га. Несколько парков расположены в нашем районе. Кроме того, в Мэдисоне имеются две площадки для гольфа, два стадиона, шесть небольших спортивных площадок и восемь пляжей, где дежурят поочередно двадцать пловцов Станции общества спасания на водах, организованной при городском управлении парками. Секция отдыха и развлечений Отдела просвещения посылает в парки и на спортивные площадки руководителей хоровых и драматических кружков, инструкторов по теннису и плаванию. Последние набирают в парке детей и уводят их на пляж, где они играют и купаются под наблюдением инструкторов. В зимние месяцы, когда молодежь катается на коньках, тобоганах, играет в хоккей, у инструкторов работы не меньше, чем летом.

Захватив с собою завтрак, мы часто уходили на весь день в Вилас-парк, в полутора километрах от нашего дома. Там можно было играть в теннис, бейсбол, кататься на лодке или в кану вдоль извилистой лагуны, купаться, наблюдать болотных птиц. Часть парка занята под зоологический сад. Салли и Стефан вышли из возраста, когда катаются на пони, но езда на верблюдах доставляла им огромное удовольствие.

Когда в соседнем парке, на расстоянии двух кварталов к западу от нашего дома, открылся летний сезон, и на спортивной площадке для школьников (за три квартала к востоку от нас) молодежь начала

заниматься играми и спортом, Вилас-парк отошел на второй план. Под руководством инструкторов молодежь играла в софтбол и крокет. В одном из соседних парков работали кружки по плетению разных изделий из кожи и рафии, группы ребят обучались игре в теннис; во второй половине дня желающие могли осмотреть выставки домашних животных, устраиваемые, обычно, в школьных помещениях.

Мой сын Стив и соседние ребята организовали бейсбольную команду, ежедневно ходили купаться и с увлечением играли в гольф на площадке, находившейся от нас на расстоянии шести кварталов. Родители сопровождают на пляж только малышей. Дети постарше купаются и играют на берегу под наблюдением дежурных работников Станции спасания на водах, причем последним вменяется в обязанность не только оберегать ребят, но и следить за их поведением. Стив очень увлекается плаванием. На предстоящем водном празднике он будет соревноваться с девочкой — местной чемпионкой по плаванию. Салли больше всего интересуется верховая езда. Вместе с группой девочек она берет уроки на ранчо, находящемся в пяти километрах от города.

Мы не катались на парусных лодках и не принимали участия в рыбной ловле только потому, что не хватало времени. Наши соседи, увлекавшиеся этими занятиями, часто приглашали нас с собой. Почти в каждой семье, кроме нашей, к столу подавалась рыба собственного улова.

Все эти развлечения, за исключением гольфа и верховой езды, которые обходятся недорого, не стоили нам ни копейки. Все спортивные принадлежности, теннисные ракетки, футбольные и софтбольные мячи, биты (за исключением клюшек для гольфа), предоставляются городским управлением бесплатно. Конечно, все это оплачивается гражданами в виде налогов. Но, хотя жители в Мэдисоне платят сравнительно высокие налоги, никто и не думает жаловаться на столь большую статью расходов в бюджете.

В то время как Салли и Стив подружились с соседними ребятами, я познакомилась с их родителями. Последние, привыкшие к тому, что в академических кругах города постоянно появляются новые люди, нередко даже из-за границы, не обращали на нас особого внимания. Тем не менее они относились к нам благожелательно и звали в гости. Мы заходили друг к другу, чтобы одолжить ту или иную вещь, разговаривали через изгородь, звонили по телефону, чтобы вызвать заигравшихся ребят домой и т. д. Вскоре мы настолько сблизились, что получили полное представление о жизни и интересах наших соседей. Жители нашего района, расположенного в верхней части города, представляют собой разные типы американцев. Они придерживаются разнообразных политических убеждений — от самых левых до самых правых — и расходятся в вопросах, имеющих или общегосударственное значение или касающихся непосредственно их штата и данной местности. Некоторые были коренными горожанами, иные переселились с ферм. Многие из них окончили колледж в Мэдисоне или в других городах США, а некоторые получили образование в Европе.

Среди наших соседей встречаются такие люди, как бывший земледелец, работающий в Союзе фермеров, ярый противник программы кредитования фермеров, предложенной федеральным правительством, профессор-экономист, участвовавший в разработке программы Нового курса президента Рузвельта, настойчиво доказывающий целесообразность кредитования, хозяин небольшого магазина радиопринадлежностей, доктор, преподаватель биологии с женой — общественным работником, инженер-механик, в ведении которого находится теплоцентраль университета, репортер судебной хроники, работник профессионального союза, бежавший из Австрии при гитлеровском режиме, два профессора истории Америки, придерживающиеся противоположных точек зрения по некоторым теоретическим вопросам: один из них убежден, что главную роль в организации американского общества сыграла колонизация, другой считает, что решающее значение имело влияние европейских стран; далее идет заместитель управляющего лесопильным заводом, сотрудница отдела городского хозяйства, служащая ресторана; она взяла эту работу, где занята неполный день, чтобы дать сыну возможность обучаться в колледже.

Эта пестрая среда, сильно тяготеющая к академическим кругам, представляла собой интеллигенцию Мэдисона. В конечном итоге, несмотря на разногласия, наши соседи прекрасно уживались друг с другом. Один из них сказал мне: «Вам нет смысла присоединяться

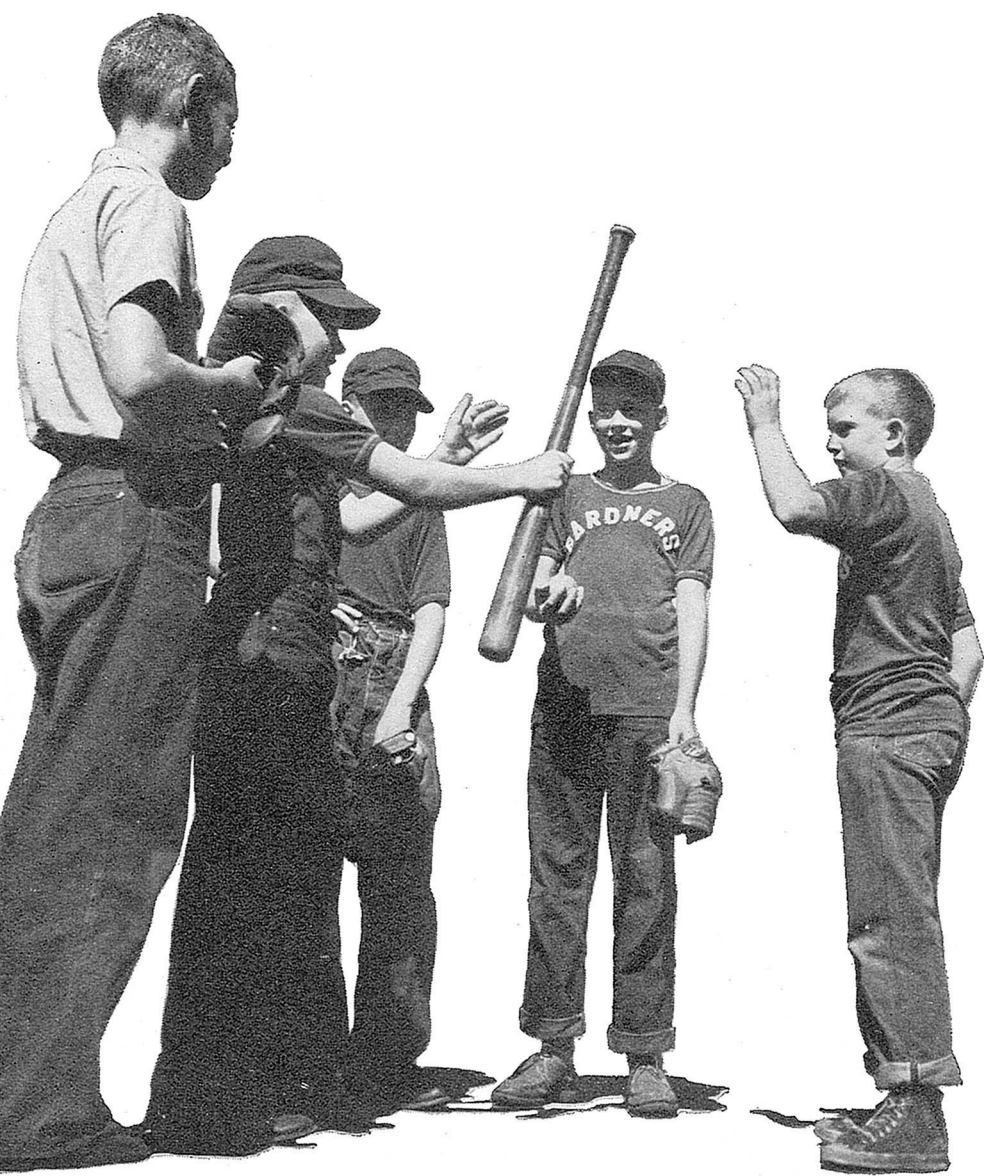
к той или иной местной группировке. Если ваши политические взгляды, религиозные убеждения или образ мыслей отличаются от воззрений большинства, никто за это не осудит ни вас, ни ваших детей».

Такое отношение типично для обитателей городов. Во всем остальном наши соседи больше походили на провинциалов. Больная мать одного из товарищей Стива в течение года была прикована к постели. Муж и сыновья занимались домашним хозяйством и ухаживали за ней. Соседка, живущая в доме с левой стороны от нас, пекла им хлеб и пироги, соседка из дома с правой стороны через каждые два-три дня готовила им горячее блюдо, другая — специалист по кондитерским изделиям — раз в неделю посылала семье домашний торт. Соседки и приятельницы считали своим долгом навещать больную, чтобы разговорами отвлекать ее от мрачных мыслей. Когда неожиданно заболела наша знакомая, одна из приятельниц занялась ее хозяйством, другая взяла на себя заботу о двух детях, третья готовила ей пищу. Добрососедские отношения особенно проявились 4 июля в День Независимости. В нашем районе празднество было устроено на самой широкой, красивой улице и на ближайшем стадионе. На высоком дубе перед нашим домом развевался американский флаг. Салли разукрасила велосипед лентами и надела красные брюки и белую блузку с голубым галстуком, то есть костюм цветов национального флага. Стив и двое других мальчиков изображали представителей трех государств — членов ООН. Улица была запружена детскими колясками, двухколесными и трехколесными велосипедами и моло-

С 1892 г. жители Мэдисона занялись планомерной посадкой дубов, вязов и кленов вдоль городских улиц. В настоящее время Мэдисон насчитывает на своих улицах до 23 тысяч деревьев. Забота о насаждениях входит в обязанность городского управления. Одним из излюбленных мест моих прогулок с детьми была улица Ив.

*Мой сын Стефан (без шапки)
участвует в отборе
игроков для бейсбольной команды.
Над командами мальчиков
шефствует Городской отдел развлечений.
Каждая команда имеет отличные
от других майки и кепки,
пожертвованные торговыми фирмами.*

дежью в маскарадных костюмах. Громкоговорители объявляли призы за лучшие костюмы. Весь день гремела музыка. На стадионе были организованы игры и спортивные соревнования — от бега до состязания в ловкости — кто лучше удержит свинью за намыленный хвост. На каждом углу продавались горячие сосиски, мороженое, пиво и воды, пользовавшиеся большим успехом у горожан всех возрастов.

Мы покинули стадион, чтобы присутствовать на соревновании по плаванию, а затем позавтракать на свежем воздухе. Обедали мы дома с соседями, а затем вернулись на стадион, чтобы посмотреть кинофильм и полюбоваться фейерверком, особенно «Ниагарским водопадом», — исключительным по красоте зрелищем, когда мириады огней, наподобие брызг, рассыпаются в темном небе. Возвращаясь домой, и взрослые и дети чувствовали приятную усталость.

Наше знакомство с общественной жизнью университетского городка началось с вечера «открытых дверей», устроенного в «Доме союза студентов» — обширном и красивом клубном помещении, на котором присутствовало 20.000 человек — слушателей летних курсов, преподавателей, а также их знакомых и друзей.

Студенты, члены Союза, платят регулярно взносы. По уплате нескольких лишних долларов выпускники остаются пожизненными членами этой организации. В Союз принимают также и преподавателей в качестве временных или постоянных членов. Большей частью жители города посещают Дом студента в качестве гостей. Союз существует на собственные средства. Ежегодно четыреста студентов получают там хорошую практическую подготовку. Они помогают вести довольно сложное хозяйство, включая четыре ресторана.

Собираясь в Дом студента, Салли и я надели длинные юбки, какие носят на танцевальных вечерах. Мы посетили художественное ателье, радиостудию, выставку картин, написанных студентами, послушали музыку, просмотрели короткометражные фильмы, которые демонстрировали в зале театра. Стив стоял и смотрел, как играют на бильярде и даже сыграл сам одну партию в кегли. Затем Кен, Салли и я пошли в большой танцевальный зал и присоединились к танцующим. Почувствовав усталость, мы вышли на воздух, чтобы посмотреть балетные танцы на «Звездной веранде», расположенной над самым озером, и выпить содовой воды и пива. Потом мы присоединились к компании, которая на берегу озера жарила на костре мясо — знаменитое «барбекю», и слушали здесь хоровые песни. Группы студентов и гостей расположились на лужайке. Нас удивило, что на территории университета продавали пиво, так как в большинстве американских студенческих городов продажа алкогольных напитков воспрещена. Нам объяснили, что разрешение было дано после длительных дискуссий. Сторонники продажи пива говорили, что лучше выпить стакан пива у себя, вместе с товарищами, чем отправиться в ресторан и, поддавшись соблазну, заказать более крепкие напитки. Впоследствии общественность не пожалела, что пошла на эти уступки.

Мы с интересом наблюдали за группами студентов многонациональными по составу; среди них были швейцарцы, немцы, потомки скандинавов, уроженцы восточных стран и Южной Америки, индусы, французы, англичане и негры.

В Висконсинском университете издавна существовала демократическая традиция, направленная против расовой дискриминации. «Дискриминация недопустима, — говорили нам члены Студенческого союза. — Впрочем у нас такой вопрос даже редко поднимается. Студенты, никогда не общавшиеся с людьми других национальностей, в нашем университете получают подлинно демократическое воспитание. Молодежь, у которой остались предрассудки, быстро их преодолевает, благодаря лекциям, дискуссиям, постоянному общению и спортивным играм с юношами и девушками разных национальностей». В общежитиях некоторые негры живут отдельно, а другие — вперемежку с белыми студентами; решающее значение играет близость по духу, а не цвет кожи.

Университет с его 20.865 учащимися и персоналом в 2.036 человек так огромен и космополитичен по составу, что мы и не мечтали принять участие в его общественной жизни. Тем более, что мы еще ни с кем здесь не были знакомы по-настоящему. Мы скоро узнали, однако, что Мэдисон — гостеприимный город, с развитой общественной деятельностью, базирующейся на общности интересов и духовной близости. В Мэдисоне, как и во всем штате Висконсин, сравнительно

мало очень богатых и очень бедных людей. Значительное большинство местных граждан — правительственные чиновники, служащие университета, квалифицированные мастера, работающие на мясохолодильной, деревообделочных или металлообрабатывающих предприятиях — принадлежат к средней, по имущественному положению, категории граждан.

Жители Мэдисона не любят ничего показного. Преподаватели надевают парадные костюмы лишь несколько раз в году по случаю торжественных церемоний в университете. Когда ректором университета назначили проф. Фреда, его жена настояла, чтобы семья осталась жить в скромном доме, предоставленном мужу, как декану сельскохозяйственной школы, и отказалась переехать в новое, более комфортабельное помещение. В Мэдисоне не придерживаются никаких формальностей: вас приглашают и вы, в свою очередь, приглашаете к себе кого хотите и когда хотите.

Все женщины, из числа моих знакомых, ведут хозяйство сами. К некоторым из них раз в неделю приходят работницы, чтобы убрать квартиру и выполнить более тяжелую работу. Многие хозяйки сдают комнаты студентам, которые вместо платы обязуются помогать по хозяйству не менее чем по восьми часов в неделю. Жена ректора Фреда почти все делает сама. Студенты помогают только во время больших приемов. Как и жены других преподавателей, жена Фреда сама закупает продукты на рынке и в магазинах. Знакомые часто приглашали нас на обед или на вечерний чай; среди наших новых приятелей были журналист, профессор государственного права, преподаватель политической географии, историк, профессор юридических наук, доктор, издатель и коллеги Кена по факультету журналистики.

Дома, где живут наши знакомые, весьма разнообразны по стилю и архитектуре. Наиболее интересен, пожалуй, дом Катрин и Герберта Джекобсов, изображенный на стр. 46. Нижний этаж состоит из одной комнаты неправильной формы с большим камином. В одном ее конце помещается кухня, в другом — музыкальный уголок. Стены каменные, а полы сделаны из бетона и тщательно натерты. Наверху помещаются спальни. Катрин успевает работать на огороде с помощью своих троих детей, готовить, консервировать продукты, сбивать масло, обшивать ребят. Она нам говорила, что поддерживать чистоту в доме — лишь малая доля ее обязанностей.

Дом четы Андерсонов, построенный в стиле времен колонизации, представляет другую крайность. Он свежесбелен, с зелеными ставнями, старинными камельками, внутренней лестницей с белыми перилами, обстановкой красного дерева и мягкой мебелью, обитой кретомом. «Уход за домом, — по словам Флоренс Андерсон, — могила для хозяйки». Среди мэдисонских строений, описанные мною дома представляют две крайности. Тем не менее мы заинтересовались и другими. Мы посетили каменный дом с тростниковой крышей, реставрированный в современном духе столетний дом из песчаника, стандартный двухквартирный дом, небольшое бревенчатое строение, где в холодную погоду, вероятно, тепло и уютно, и наконец, студенческий трейлер — прицепленный к автомобилю дом-фургон.

В одном отношении все эти дома были похожи: домашнее хозяйство всюду было на большой высоте, хотя почти у всех женщин были дети, а у некоторых даже большие семьи, и многие из них работали на предприятиях или в конторах. Правда, важную роль в хозяйстве, в смысле экономии труда, играют электрические стиральные машины, пылесосы и имевшиеся у некоторых хозяек автоматические машины для мытья посуды. Уютные квартиры, обставленные со вкусом, отличались безукоризненной чистотой. Энергичные хозяйки в свежих ситцевых платьях сохраняли невозмутимый вид, когда их малыши то карабкались, то сползали с колен.

Дети постоянно находились со взрослыми, пока не ложились спать. Некоторые отцы семейства помогали женам укладывать ребят, сервировать гостям напитки и даже готовить бифштексы. На пикниках, где-нибудь за городом, готовка на костре мяса «барбекю» и другие хлопоты по хозяйству входили в обязанность мужчин, хотя дома, на кухне, безраздельно хозяйничала жена. Жаркое, окорок, пироги, печенье, а нередко и хлеб были домашнего изготовления. Иногда в домах наших знакомых подавались экзотические блюда, как «поленто», «креветки по-креольски», пирожки-«тамала» (мексикан-

ское кушанье из молодого майса с мясом и красным перцем). Особенное искусство вести хозяйство, повидимому, отличительная черта Мэдисона, что всегда отмечали посетители этого города, в том числе и я. По нашему мнению, столь умелое ведение хозяйства объясняется тем, что многие женщины, прослушав специальный курс по домоводству в колледже, впоследствии применяли свои знания на практике, относясь к нему, как к профессии и искусству, а не как к унылой повседневной работе. Когда я узнала поближе моих новых приятельниц, мне стало ясно, что им нелегко было вести свое хозяйство. Одни работали не спеша, другие с некоторым напряжением, так что иногда под злую руку попадало мужу или детям. В Мэдисоне лишь немногим удавалось найти нетрудную платную работу, в то время как в крупном центре женщина всегда может получить место, где она занята неполный день. Зарплата за полный рабочий день не настолько высока, чтобы покрывать расходы по содержанию работницы.

Для женщин, увлекающихся домашней работой, имелись широкие возможности применить свое искусство. Чтобы жить хорошо и комфортабельно, как живет большинство наших знакомых, нужно и умение и изобретательность. Цены даже на местные продукты, как молоко, сыр и мясо, в Мэдисоне высокие. После столицы Вашингтона, по дороговизне этот город занимает первое место в США.

Трудно представить себе, как могут семьи преподавателей хорошо жить на скромный заработок. Мы понимали, что это искусство связано с расчетом и экономией. Многие из знакомых женщин, обучавшиеся на экономическом факультете, стали применять на практике приобретенные в колледже знания. Жительницы Мэдисона одеваются со вкусом, но без особых претензий. Вещи они носят подолгу. Детские платья переходят из семьи в семью по мере того, как подрастают дети. Хозяева сами производят побелку комнат и некоторые небольшие ремонтные работы; обычно они занимаются этим делом по выходным дням. Многие женщины умеют шить. Катрин Джекобс, например, не только обшивает себя и дочь, но кроит и шьет мужу рубашки и галстуки. Во время летнего отдыха мэдисонцы не любят совершать длительных путешествий или экскурсий. Даже увеселительные поездки в ближайший крупный центр Чикаго совершаются не очень часто. Для них главное — дом и домашняя обстановка, являющиеся предметом гордости каждого члена семьи.

Приобретение собственного дома — сложная проблема в Мэдисоне. Во время войны сократилось жилищное строительство. Производство строительных материалов в настоящее время не в состоянии удовлетворить все возрастающий спрос. Цены на дома и квартирная плата здесь высоки. Наши знакомые, которые не успели купить или арендовать дом до войны, пытаются выйти из трудного положения разными путями.

Одна молодая супружеская чета с двумя детьми сняла очаровательную квартиру в новом доме. Они платят по 125 долларов в месяц — почти непосильную сумму по сравнению с их заработком. Так как семье это не по средствам, она предполагает прожить в квартире еще год или два. Конечно, лучшим выходом была бы покупка или постройка собственного дома. Но так как при данных условиях невозможно сэкономить деньги, супруги заняты поисками более дешевой квартиры.

Другая наша знакомая молодая чета устроилась несколько иначе. Она занимает один этаж старого особняка, перестроенного под квартиры и платит за помещение 50 долларов в месяц. Их квартира, в сущности, состоит из очень просторного зала, разделенного арками на отдельные уголки. Семья жалуется на тесноту. Кровати троих ребят поставлены в передней части комнаты, в дальнем заднем углу — кухня и столовая. В центре устроена гостиная и спальня родителей. В конце недели или во время летних каникул молодые супруги со своими тремя малышами совершают на машине поездки по штату. В общем эта семья живет неплохо.

Некоторые местные жители, как Мери и Дон Репперн, фотоснимки которых помещены на стр. 46, думают разрешить жилищный вопрос путем постройки на свои средства небольшого дома.

В Мэдисоне еще не началось строительство муниципальных жилых домов для малоимущих групп населения, как это имеет место в последние годы во множестве американских городов. Отдел по жилищному строительству — официальный орган правительства штата

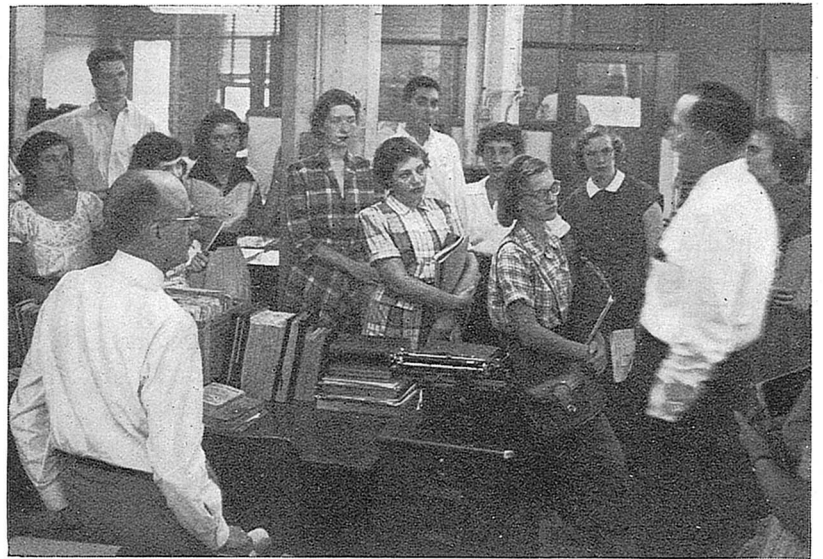

— после изучения жилищного вопроса внес предложение об осуществлении программы строительства трехсот групп дешевых стандартных домов при финансовой поддержке Федерального правительства. Во время нашего пребывания в Мэдисоне этот вопрос усиленно обсуждался всем населением города. Районный прокурор, сын бывшего служащего университета, возглавлял борьбу за строительство домов на общественные средства. Многие преподаватели из числа наших знакомых приняли активное участие в кампании, примкнув к разным группам городского населения.

Однако программа встретила сильную оппозицию со стороны лиц, опасавшихся, что реализация проекта заденет их материальные интересы, а также группы горожан, возражавших не против программы строительства, а против субсидии Федерального правительства. Оппозиция считала, что разрешение проблемы — дело, касающееся города и его населения. Со своей стороны, я разделяю точку зрения лиц, ратовавших за программу, так как другая сторона не могла предложить никаких практических мероприятий.

Пресса Мэдисона, освещая местные дискуссии, отразила борьбу, разгоревшуюся вокруг вопроса строительства. Либеральная газета «Капитал таймс» повела энергичную кампанию за программу общественного жилищного строительства и подвергла критике мотивы и аргументы оппозиции. Консервативная газета «Висконсин стэйт джорнал», критикуя это мероприятие, выдвинула на первый план необходимость местной и частной инициативы. В данном вопросе, как и во многих других, обе враждующие газеты дали публике возможность критически подойти к той и другой стороне проблемы и получить информацию, на основании которой можно будет прийти к определенному решению.

Интересно отметить, что издательства газет, не имеющих ничего общего друг с другом, помещаются в одном и том же здании. Два года назад «Капитал таймс» испытывал большие финансовые за-

Вверху: Кеннет и студенты зашли в редакцию «Висконсин стэйт джорнал» — одной из газет, издающихся в Мэдисоне. На семинарах, под его наблюдением, студенты самостоятельно выполняют задания.

труднения в связи с острой нуждой в новых дорогостоящих прессах. Не меньшее затруднение испытывал «Джорнал» вследствие сокращения тиража газеты. Поверенные обоих издательств разработали план, по реализации которого газеты могли выйти из критического положения. Обе газеты учредили объединенную компанию «Мэдисонская пресса», чтобы совместно руководить технической и коммерческой сторонами предприятия. Редакции помещаются на разных этажах и работают совершенно самостоятельно, а их идеологические расхождения остаются прежними. Редакторы не общаются друг с другом, и газеты продолжают вести непримиримую войну. Тем не менее, к большому удовлетворению жителей Мэдисона, оба периодических органа выходят попрежнему.

Все наши знакомые принимают участие в общественной жизни города. Женщины энергично работают в комитетах родителей и преподавателей школы, где учатся их дети. Их главной заботой является строительство школьных помещений, так как среди многих современных школьных зданий еще сохранилось несколько старомодных и неудобных школ. Почти все наши знакомые дамы были активными членами «Лиги женщин-избирательниц» — общественной добровольной организации; по ее настоянию в Мэдисоне введена должность «городского управляющего». По этой системе городская политика определяется выборными должностными лицами, но все городские должности находятся под наблюдением специалиста-управляющего, назначаемого городским советом. Такой порядок фактически ставит городское хозяйство и технику управления городом вне всякой зависимости от политики. Когда я спросила мою соседку Жозефину Дженкинс — руководительницу городского районного филиала Лиги — не вызван ли такой контроль коррупцией, она ответила: «Нисколько, наш мэр безукоризненно честный человек, он просто не справляется с работой и его сотрудники небрежно расходовали средства, получаемые от налоговых поступлений».

Церковные объединения тоже играют важную роль в общественной жизни города. Мы узнали, что, по крайней мере, пять из них организуют дискуссии на социальные темы и ведут общественную работу. Например, священник конгрегациональной церкви делает доклады о международной политике, налогах, вопросах жилищного строительства, и о местных условиях труда. Вместе со священниками баптистской и методистской церквей, он недавно провел обследование причин стачки телефонных служащих и поддержал требования ба- стующих. Его активное вмешательство в общественные дела вызвало

Кеннет занимается со студентами факультета журналистики. Он сидит за конторкой, за какой обычно работают сотрудники редакции. Кеннет здесь в роли редактора просматривает заметки и статьи сотрудников.

критику членов церковного совета, и стало предметом обсуждения всей конгрегации. Последняя, огромным большинством голосов, одобрила активную роль священника в светских делах. Унитарийский священник придает большое значение хорошим отношениям между представителями различных рас и подчеркивает необходимость личной и общественной инициативы в этом деле. Он отдал церковному сторожу-негру и его семье церковно-приходской дом. Унитаристы и квакеры в Мэдисоне активно поддерживают мероприятия воспитательного характера, направленные к улучшению взаимопонимания различных общественных групп. Задолго до того, как мы прибыли в Мэдисон, мы слышали о так называемой «Висконсинской идее», сыгравшей большую роль в истории американской педагогики. Окончательное выражение и развитие эта идея получила в начале нашего столетия. Чарльз Р. Ван Хайз, ректор университета с 1903 по 1918 гг., формулировал ее следующим образом: «Границы университета совпадают с границами штата». Эта идея нашла практическое применение, во-первых, в мероприятиях по распространению знаний, проводимых университетом, благодаря которым наука становилась достоянием не только студентов, но и всего населения штата, во-вторых, в использовании органами правительства штата всех ресурсов университета — его преподавателей, студентов, ре-

Зимой и летом жизнь в Мэдисоне бьет ключом. На снимке: мы принимаем гостей. В Мэдисоне не придерживаются формальностей: кого вы приглашаете и куда идете — ваше частное дело. Мы встретили здесь много интересных людей.

Лига женщин-избирательниц — инициатор многих социальных реформ — пользуется большим влиянием в городе. Справа: собрание членов одного из филиалов Лиги в нашей гостиной. Хотя мы приехали в Мэдисон только на лето, меня очень заинтересовал жилищный вопрос и мероприятия по его урегулированию.

Дом наших друзей Катерины и Герберта Джекобсов заинтересовал нас своей своеобразной полукруглой формой. Он был выстроен по проекту выдающегося архитектора Фрэнка Л. Райта. Небольшое здание огибает сад, расположенный ниже. Земля, вынутая перед фасадом, использована для насыпи позади дома; насыпь защищает дом от ветра.

Из студенческого городка Висконсинского университета виден купол Капитолия, находящегося в полутора километрах от него. Между университетом и правительственными учреждениями существует крепкая связь. Университет гордится тем, что местное социальное законодательство было сначала разработано в его стенах.

результатов исследований и достижений.

И во многих других университетах преподавательский персонал сознавал необходимость широко распространять знания среди населения, но в Висконсине эта мысль впервые нашла практическое применение. Сначала эти мероприятия коснулись области сельского хозяйства. Каждый фермер в любом уголке штата Висконсин может воспользоваться услугами сотрудников университета, получить совет и указания, как увеличить продукцию и наладить хозяйство на ферме. В дополнение к сельскохозяйственной информации для членов семьи фермера организуются курсы, где они приобретают всевозможные практически полезные знания — от кулинарии, кройки и шитья до умения разбираться в вопросах искусства. После того, как была осуществлена программа по сельскому хозяйству, организация по распространению знаний занялась разработкой программы по внедрению технических новинок. В настоящее время можно обучаться в полном смысле слова всему — от организации профсоюза до управления гостиницей. Такие функции университета дополнили нормальную академическую программу, охватывающую гуманитарные науки и специальные предметы. Подобные организации по распространению знаний вскоре возникли при всех американских университетах. Как в Висконсине, так и в других штатах они являются жизненно необходимыми и продолжают разворачивать свою деятельность.

Другое важное практическое применение «Висконсинской идеи»,

а именно, помощь университета правительственным органам, оказалась более сложным делом. В течение двадцати лет успех этого мероприятия был исключительным. Многие в законодательстве штата, украшающее историю Висконсина — реформа в области эксплуатации естественных богатств, налоговое обложение, охрана труда — было сперва разработано в университетских семинарах. Эти новые законы были приняты и другими штатами, а некоторые — даже Федеральным правительством. Когда губернатором штата был избран прогрессивно настроенный Ла Фоллетт, по прозвищу «Старик Боб», то улица Стэйт стала самой проторенной дорожкой между университетом и Капитолием. Студентов отправляли на практику в правительственные органы, а многие преподаватели получали приглашение занять тот или иной ответственный пост в правительственных учреждениях штата. В 1920 г., когда движение в пользу реформ пошло на убыль, «Висконсинскую идею» стали предавать забвению. Она снова ожила, хотя и в другой форме, в 1930 г., когда преподавательский состав университета принял участие в разработке многих федеральных законопроектов политики Нового курса. Однако в самом штате «Висконсинскую идею» не удалось воскресить. В наши дни ректор университета Фред, понимая, что период сотрудничества университета с правительством штата в интересах общего блага был временем расцвета вверенного ему учебного заведения, пытается воскресить старые традиции. Под его руководством мероприятия штата по укреплению психического здоровья населения прорабатываются в университете. Недавно несколько профессоров были приглашены в качестве советников в налоговую комиссию штата; им также предложили руководить бюро законодательной инициативы и подготовить проект реформы пенитенциарной системы штата. Принимая во внимание, что участие университета в общественно-политической жизни перешло в традицию, неудивительно, что политические интересы преобладают в жизни академических кругов. Разговоры о Комитете демократической организации — новой политической группировке в демократической партии — велись в течение ряда вечеров, проведенных у наших знакомых по университету. По мнению многих наших друзей, молодая организация (КДО) означает возрождение периода реформ, доставивших Висконсинскому университету широкую известность. Политическая платформа КДО основана на следующем девизе: «Мир и устойчивое положение — во всем мире, свобода, равенство и безопасность — внутри страны». Самым знаменательным актом КДО в штате Висконсин была поддержка Федерального плана кредитования фермеров с целью снизить цены в интересах потребителя. В настоящее время разрабатывается проект дальнейших реформ по налогообложению, охране труда и ведется борьба за более широкое ассигнование средств на народное образование. После ближайших выборов, с помощью энергичных прогрессивно настроенных кандидатов, КДО рассчитывает усилить свое влияние на политическую жизнь Висконсина. Хотя Мэдисон придерживается республиканской ориентации, выборы там носят независимый характер. Сторонники КДО надеются, что независимые выборы кандидатов и голосование за политическую программу, вместо голосования за линию партии, принесут победу некоторым кандидатам этой группы.

Такова многосторонняя жизнь окружавшей нас академической среды в ее внешних и внутренних проявлениях. Мы подметили один существенный недостаток в Мэдисоне, а именно, хорошие школы, парки, уютные дома, пользующийся широкой известностью университет — создали атмосферу некоего благодушия. Довольство граждан может послужить помехой на пути к прогрессу, но в противоположность этому можно указать на энергичную деятельность объединений и групп, как КДО и Лига женщин-избирательниц, отсутствие провинциализма и замкнутости в самом университете, широко распространенное чувство, что славу городу создали его старые реформаторские традиции.

Тяжба между двумя установками — чувством удовлетворенности настоящей жизнью и тягой к изучению социальных вопросов с целью улучшить условия существования — заметна во всех проявлениях жизни г. Мэдисона. Несомненно Мэдисон — замечательный уголок, где можно жить в свое удовольствие. Вместе с тем для тех, кто не успокаивается на достигнутом, здесь всегда имеется возможность работать в полную силу на благо общества.

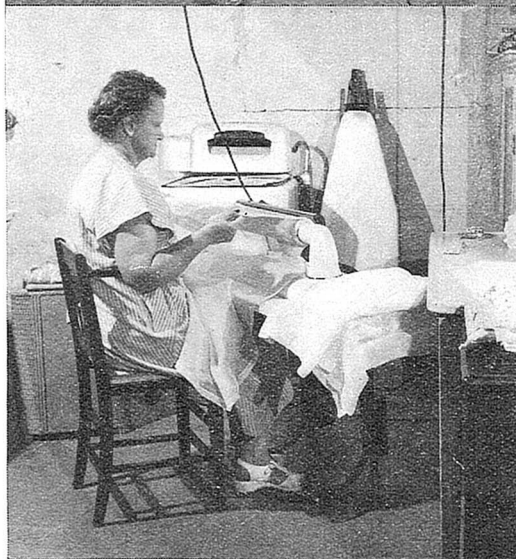
Когда-то стирка белья была очень трудной и неприятной домашней работой, на которую хозяйка тратила день, а иногда и два. Но в Соединенных Штатах эпоха деревянных стиральных машин, ручных отжимников и стиральных досок уж миновала. Из всех приспособлений, облегчающих тяжелую домашнюю работу, наиболее важное значение имеют современная стиральная машина и гладильный станок.

Широкое применение электроэнергии в начале текущего столетия, дало возможность сконструировать автоматическую стиральную машину. Ранние неуклюжие модели вскоре исчезли с рынка, и уже около пятнадцати лет большим спросом среди хозяек пользуется показанная здесь модель. Благодаря механизированному процессу стирки и отжима белья, а также специальному насосу для выкачивания грязной воды, значительно уменьшился труд, затрачиваемый на эту работу. В настоящее время машина, исполняя все требования хозяйки, фактически делает все сама. С момента загрузки белья и до получения его слегка влажным, готовым для глаженья, все операции производятся автоматически. Если накопилось слишком много стирки и машину приходится загружать несколько раз, хозяйка может начать гладить первую готовую партию, пока вторая находится в машине. Дополнением к новой стиральной машине служит гладильный станок, предназначенный для прямых, гладких вещей. Вместо того, чтобы стоять у доски, хозяйка удобно располагается в кресле и регулирует процесс, нажимая ногой педаль.

Большие исследовательские работы были проведены с целью получения нужных составов стирального мыла, которые не только удаляли бы грязь, но и не портили тканей. Имеются, например, мыльные хлопья для стирки тонких шелковых и вискозных вещей, специальный «детергент», как по волшебству растворяющий жир и грязь на спецодежде. Есть составы и для отбеливания белья, не уменьшающие срок его службы, а также новые сорта крахмала, благодаря которым один раз накрахмаленное белье, выдерживает семь стирок.

Все это помогает хозяйке закончить стирку белья на всю семью в течение утренних часов с минимальными расходами и тратой энергии.

Механическая стирка на дому

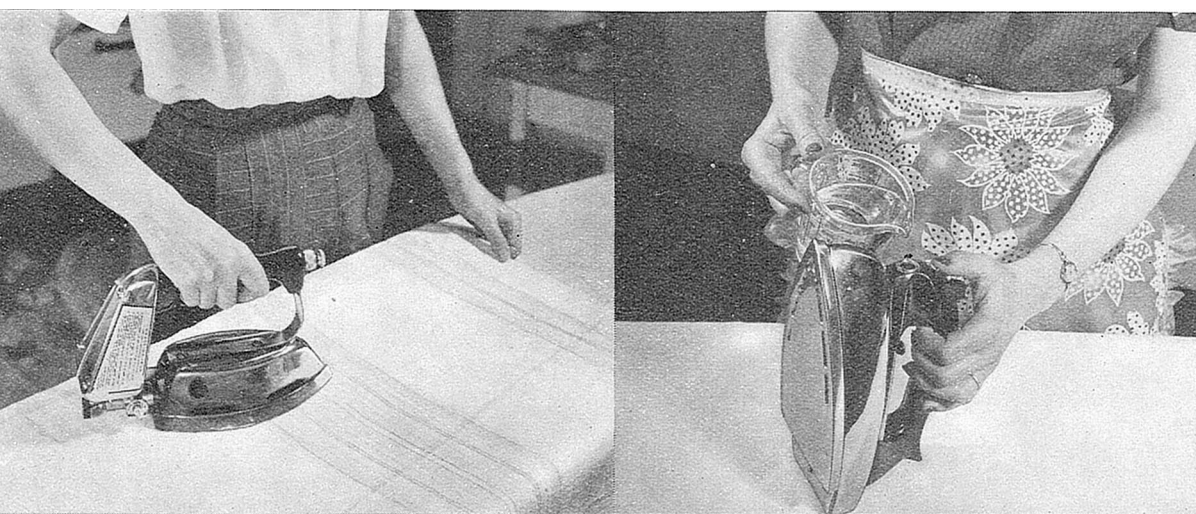

Как и у большинства обитательниц пригородов, у хозяйки Мейер, живущей в Хьюлетте (Нью-Йорк), в подвале дома есть прачечная, где имеются большие раковины, принадлежности для глаженья, корзины, веревки и стандартного типа стиральная машина (сверху), стоящая около 100 долл. (400 рублей). Мотированный внутри ее плунжер переворачивает белье 60 раз в минуту. Выстиранное белье пропускается через электроотжимник, снабженный предохранительным прибором, отцеplяющим запутывающиеся вещи, не давая ткани рваться. Затем хозяйка включает насос машины и по рукаву спускает воду. Тонкое белье, блузки и рубашки она гладит утюгом, а остальное машиной (снизу), которая поворачивает белье нагреваемым током роликом и, прижимая к металлической доске, разглаживает складки.

Слева: во многих американских домах гладильные доски вдеваются в стены для удобства и экономии места. Когда доска не требуется, ее можно сложить и замаскировать маленькой дверью, как показано на снимке. Узкой доской пользуются для утюжки рукавов. Такие доски продаются отдельно.

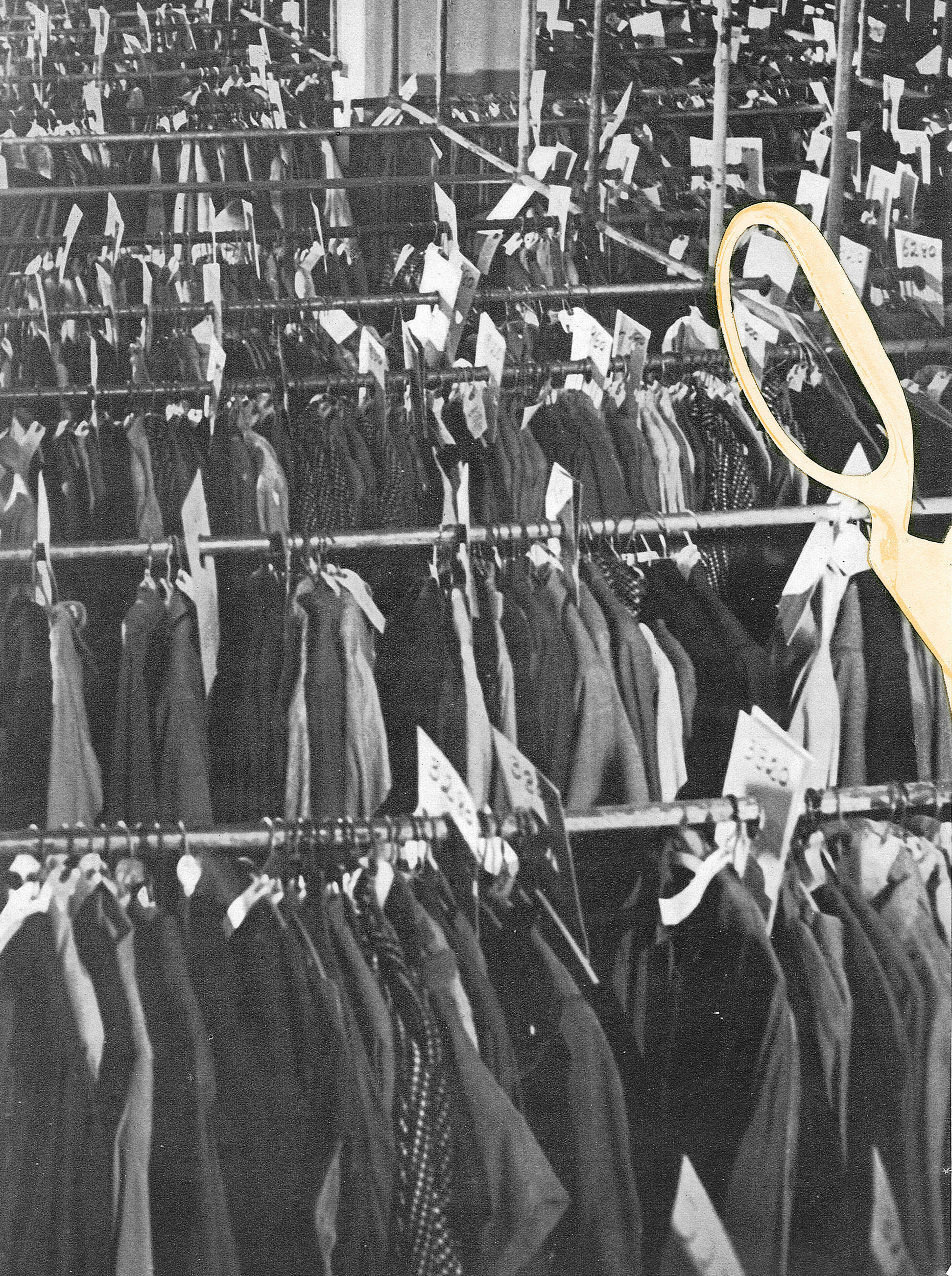

Там, где не имеется электроэнергии, пользуются бензиновым утюгом (слева). Маленький резервуар, монтированный на ручке, вмещает четверть литра бензина, нагревающего утюг. Большее распространение имеет паровой утюг (справа) для глаженья шелковых и шерстяных вещей. Воду наливают в утюг и нагревают электротоком. Съемный прибор для получения пара можно установить и на обычном электрическом утюге.

Для городских обитателей маленьких

квартир большое удобство представляют прачечные-автоматы, где клиенты сами закладывают белье в стиральные машины и менее чем через час могут получить обратно уже выстиранное белье для всей семьи, заплатив небольшую сумму. Примерно за 50 центов (около 2 рублей) можно выстирать 4 кг белья. За стеклянными дверцами помещается дырчатый металлический барабан, в который закладывают белье. При включении тока машина автоматически наполняется водой. В отверстие, находящееся наверху, засыпают мыльные хлопья, а на циферблате указывают требуемое для вытеснения операции время. Центробежная сила начинает вращать белье в мыльной пене. По окончании стирки пена автоматически выкачивается и белье тщательно выколачивается в чистой воде, которая меняется несколько раз. Когда воду выкачивают, металлический барабан, продолжая вращаться, просушивает белье. В каждом районе обычно имеется несколько таких прачечных-автоматов.

Слева: тысячи недорогих изящных платьев, доступных женщинам с самыми скромными средствами, заполняют склад Генри Розенфельда в Нью-Йорке.

Отсюда платья отправляют в розничные магазины во все районы-страны. Справа: на очередной выставке

Генри Розенфельд с гордостью показывает посетителям одну из последних моделей — изящное платье из бумажной материи.

2½ миллиона платьев в год

В промышленности штата Нью-Йорк — самого крупного индустриального района Америки — первое место занимает производство готового женского платья. Однако, эта своеобразная, специализированная отрасль совершенно не претендует на ту полную достоинства солидность, эффективную организованность и строгий порядок, какие должны были быть присущи ей, судя по внушительным статистическим данным о ее продукции. Эта в сущности гигантская промышленность ограничена пределами одного небольшого района Нью-Йорка и занимает двенадцать кварталов по соседству с шумным театральным кварталом. Среди «посвященных» синоним «Седьмое авеню» означает производство готового платья. Размеры большинства предприятий не велики (во всей стране насчитывается около 5.000 предприятий), но их тесно связывают общность проблем, производственных процессов и географическая близость. На постороннего человека лихорадочная атмосфера этого промышленного центра производит ошеломляющее впечатление. Кажется, что из расположенного рядом театрального квартала сюда просачивается какая-то доля шумного, бьющего через край веселья и придает трезвому коммерческому миру яркий колорит. В суматохе уличного движения снуют грузовики в поисках стоянки, между зданиями мальчишки катят открытые тележки с готовым платьем, дружеские приветствия несутся с одной стороны улицы на другую, деловые люди, собираясь на тротуарах, вступают в жаркие дискуссии, а в обеденный перерыв неторопливо прогуливаются конторские служащие, с аппетитом завтракая бутербродами, купленными в ближайшем гастрономическом магазине. Повидимому, здесь все знают друг друга, но немногим из выдающихся деловых людей этого квартала удается завоевать такую же популярность среди широкой публики, какой пользуются, например, представители других отраслей промышленности. Однако именно так случилось девять лет назад с одним предпринимателем, имя которого сразу стало известно далеко за пределами ограниченной сферы его деятельности. Это был Генри Розенфельд — молодой фабрикант дешевого женского платья, служивший раньше продавцом. Уже несколько лет население Седьмого авеню сплетничало о Розенфельде, но его внезапная слава ошеломила всех. До сих пор люди, соприкасающиеся с швейной промышленностью, не могут найти объяснение этому факту. Известность Генри Розенфельда росла из года в год, а его предприятие развивалось с неизменным и возрастающим успехом. Розенфельд — единственный в Соединенных Штатах поставщик моделей женского платья, имя которого (помимо, может быть, одного или двух выдающихся парижских портных) хорошо знакомо миллионам американок. Бесспорно также, что на Седьмом авеню он единственный фабрикант, регулярно получающий от своих покупателей письма с выражением благодарности. В настоящее время Розенфельд, конечно, хорошо знает, что растущая популярность, какой он пользуется, помогает сбыту его продукции, но вряд ли он сам особенно старался завоевать известность. Это спокойный, уравновешенный человек. Возможно, агент по рекламе, работавший для одной розничной фирмы, впервые предал широкой гласности имя Розенфельда, а женщины, восторгавшиеся выпускаемыми им платьями, обратили внимание и запомнили розенфельдовскую марку. С тех пор этот фабрикант был прославлен в бесчисленных газетных и журнальных очерках, которые неизменно называют его «Генри Фордом швейной промышленности». Розенфельд, прежде всего — деловой человек. Все фасоны его платьев придумывает художник-модельер Элизабет Хилт, и он прекрасно сознает, что эта талантливая женщина немало способствует его успеху. Сравнение с Генри Фордом в значительной степени имеет под собой реальную почву. Не исключена возможность, что быстро расширяющееся предприятие Розенфельда достигнет когда-нибудь масштаба фордовских заводов. Розенфельд применяет некоторые из тех принципов, какие обеспечили успех Форда и сотен других промышленников, последовавших его примеру. Метод поточного производства, при котором каждый рабочий выполняет в пошивке платья одну определенную операцию, не является чем-то новым в изготовлении дешевого женского платья. Но Розенфельд усовершенствовал поточное производство так, что каждый конвейер через каждые пять минут дает вполне готовое платье (все сотрудники, занятые на фабрике Розенфельда, состоят членами Международного профсоюза портных дамского платья). Метод секционной работы, раньше применявшийся главным образом при пошивке мужских сорочек, а не женского платья, пригоден только при изготовлении очень большого количества костюмов каждого фасона; при наличии такого условия это — наиболее экономный метод. С самого начала Розенфельд твердо решил, что выпускаемая им продукция должна по объему превышать продукцию его конкурентов. Затем он снизил цены, так как закупал материалы в неслыханных количествах, благодаря чему каждый ярд обходился ему значительно дешевле установленных оптовых цен. Наконец, сократив стоимость пошивки и материала до минимума, он установил предельно низкий размер прибыли. Таким образом, за 8, 12, 25 долларов (32, 48, 100 рублей) он мог предложить покупателям платья, во многих отношениях не уступающие тем, какие продавались по вдвое более высоким ценам. В производственных методах Розенфельда нет ничего секретного или особенно нового. За одним исключением, они являются продолжением тех методов, какие уже давно применялись в швейной промышленности. Маленькая прибыль, получаемая Розенфельдом с каждого платья, — новшество, до сих пор вызывающее недоумение у многих фабрикантов. Розенфельд должен не только продавать платья каждого фасона в количествах, которые кажутся астрономическими, но также выпускать весьма ограниченное число моделей, не пользующихся широким спросом. Другие фабриканты часто затрачивают большие суммы на фасоны, которые «не идут», и продают их с убытком. Высокая прибыль, получаемая с общей продукции, обычно, является страховкой против таких убытков, причиняемых, по мнению производителей, капризами моды. В большинстве, они считают моду какой-то таинственной, необъяснимой силой и не могут понять, как Генри Розенфельду удается из года в год получать значительные доходы и расширять предприятие. Некоторые суеверные люди думают, что он обладает какой-то сверхъестественной силой, они безоговорочно утверждают,

что не было еще случая, когда Розенфельд проиграл бы пари.

Самое простое объяснение заключается в том, что Генри Розенфельд вырос и начал дело в благоприятный период сравнительно недолгой истории американской швейной промышленности. После того, как массовое производство готового мужского платья и некоторых «полезных женских вещей», например, домашних платьев и т. д., было уже прочно налажено, женщины еще долгое время продолжали сами шить себе нарядные туалеты или нанимали портних, оплачивая их труд по часам. В то время в Америке не было художников-модельеров, за исключением нескольких, обычно талантливых портных или портних, услугами которых могли пользоваться только богатые дамы, но и те в большинстве случаев руководствовались парижскими моделями. Точно так же повело дело и фабриканты, приступившие после первой мировой войны к массовой пошивке женского платья. Они вносили в «изысканные» французские моды изменения, необходимые для того, чтобы выпускать готовые платья в большом количестве при невысокой себестоимости, и тратили свои собственные творческие способности на изобретение методов, позволявших воспроизводить достаточное количество фасонов, стоивших по пятьсот долларов (2.000 руб.), и продавать копии их по пять-шесть долларов.

С расширением швейной промышленности усложнилась и операция воспроизведения копий. Метод поверхностного изменения фасонов быстро получил широкое распространение. Это, в свою очередь, вызвало необходимость все чаще вносить новшества в фасоны платьев. Помимо всего, предприниматели могли узнать о новых течениях в области мод, лишь когда они становились хорошо известны, а к пошивке костюмов нужно было приступать одним сезоном раньше их поступления в магазин. Таким образом, фабриканты оказались вынужденными выбирать лишь самые экстравагантные из новых парижских фасонов, нередко производя затраты на пошивку платьев, которые не могли встретить одобрения у широкой публики.

Художница Элизабет Хилт, работающая у Розенфельда, в достаточной мере оценивает заслугу модных журналов в постепенном развитии вкуса и фабрикантов и публики, что обусловило возрастающую стабильность швейной промышленности. Главная тема, обсуждавшаяся модными журналами, была посвящена значению простоты в стиле костюма. Влияние журналов выразилось в распространении простых классических стилей, например, так называемых «отрезных платьев со свободным лифом», какие раньше носили только спортсменки. В настоящее время такие платья, сшитые из самых разнообразных материалов, носят почти во всех случаях. Оценив изящество простоты, женщины перестали проводить различие между «рабочим костюмом» и «нарядным туалетом», и, за исключением официальных приемов или пышных празднеств, носят платья, примерно, одинаковых фасонов дома, на работе, на вечеринках и т. д. Они отвергли практичное, но не элегантное «домашнее платье» и предпочли ему такой же удобный, но изящный костюм спортивного покроя, заставили фабрикантов «рабочего платья» перейти к выпуску более стильной продукции. Развитие швейной промышленности, вполне естественно, способствовало возникновению школы американских художников-модельеров, присоединивших свой голос к хору консультантов, дававших советы фабрикантам и потребителям. При всем преклонении перед Парижем — говорили они — американская промышленность должна иметь своих собственных художников. Французские ателье создают фасоны для крайне малочисленного класса привилегированных европейцев, ведущих праздную, полную условностей жизнь, почти неизвестную в Соединенных Штатах. Американская швейная промышленность учитывает запросы и возможности женщин всех слоев населения, и в США нет особой разницы во вкусах или фасонах, какие носят люди, различные по имущественному положению и роду занятий, как это наблюдается в странах Европы. Предприятия, выпускавшие сравнительно дорогие костюмы, всегда имели своих художников, но редко кто из фабрикантов дешевого платья мог пользоваться их услугами.

Прежде чем поступить к Розенфельду, Элизабет Хилт работала в нескольких фирмах, поставлявших дорогие готовые платья (на Седьмом авеню их называют фирмами «высокого класса»). Но она всегда стремилась найти возможность создавать такие же изящные фасоны для фабрикантов дешевой массовой продукции. Розенфельд заявил, что его цель — выпуск продукции «высокого класса» для

«массового» потребителя, и когда он открыл свое дело, Элизабет Хилт сразу согласилась работать у него. Именно на ее суждения о вкусах и требованиях большинства женщин и основан успех фирмы Розенфельд. Как и многие ее коллеги, Элизабет Хилт считает, что материал и линия — главные элементы элегантного фасона.

Поскольку материал до некоторой степени оказывает влияние на линию, Элизабет Хилт, приступая к решению задачи, начинает с выбора ткани. Через ее кабинет непрерывным потоком проходят продавцы текстильных товаров, а помимо этого, она сама время от времени объезжает магазины и склады текстильных фирм. После войны Элизабет Хилт начала работать над улучшением недорогих тканей в тесном сотрудничестве с художниками-текстильщиками, внося множество ценных предложений. Во время периодических посещений Парижа, она покупает образцы лучших французских материй, что очень помогает ей при разработке собственных рисунков. Приступая к работе над фасоном, художница пользуется материалами, окрашенными в указанные ею цвета; шерстяное джерси, например, окрашивается в тона, гармонирующие с более тяжелой материей «твид». Элизабет Хилт не только помогает придумывать рисунки для тканей, но и «переделяет» их, давая, например, указание вышить на одноцветной шелковой чесуче контрастирующие условные фигурки китайцев. Покупая тот или иной материал, она уже приблизительно представляет себе, какой фасон наиболее подходит для данной ткани. Элизабет Хилт неизменно включает в свой ассортимент платья и костюмы из плотных и более легких тканей, учитывая климатические условия разных районов страны.

Новые фасоны фирма Розенфельд выпускает три раза в год. В январе издателям модных журналов и розничным торговцам показывают «весеннюю и летнюю коллекцию», которая появится в магазинах примерно через три месяца. Осенние и зимние костюмы показывают в мае; так называемая коллекция для зимних каникул выходит в октябре. Именно в фасонах последней группы Элизабет Хилт использует «все самое новое», стараясь предугадать, какие из них будут иметь наибольший успех летом. Платья для зимних каникул поступают в продажу сразу же после рождественских праздников и предназначаются для курортников, едущих на юг. По каким-то неизвестным причинам публика, отдыхающая зимой, составляет группу, особенно хорошо разбирающуюся в тонкостях моды. Платья, одобренные ею, включают в летнюю коллекцию для городских жителей, но шьют из более темных материй, а также в более строгом стиле, чтобы их можно было надевать на работу. Предусматривая возможность спроса, коллекцию для зимних каникул дополняют несколькими шерстяными костюмами и пестрыми шелковыми платьями темных оттенков, пригодными и для жителей северных городов.

Для последней выставки изделий фирмы Розенфельд, показанной в октябре, Элизабет Хилт приготовила серию разнообразных платьев из хлопчатобумажной материи светлых оттенков, костюмов из шелковой чесучи ярких тонов (она предсказывает, что этот материал снова войдет в моду, хотя за последние двадцать лет его мало носили), несколько довольно нарядных платьев из более темных набивных тканей и около двадцати пяти английских костюмов из плотной шерстяной материи. Все эти ткани на редкость красивы. Помимо чистого шелка светлых тонов с гладкой или шероховатой поверхностью было показано бумажное пике, по выработке напоминающее «трапунто». Прозрачные ткани с тонким узором, похожие на те, какие вырабатывают знаменитые швейцарские фабрики, новый тонкий шамбрэ с переливающимся блеском — шелковистый, как индийский муслин, и довольно плотная хлопчатобумажная ткань цвета яичной скорлупы с красивой, машинным способом сделанной гофрировкой.

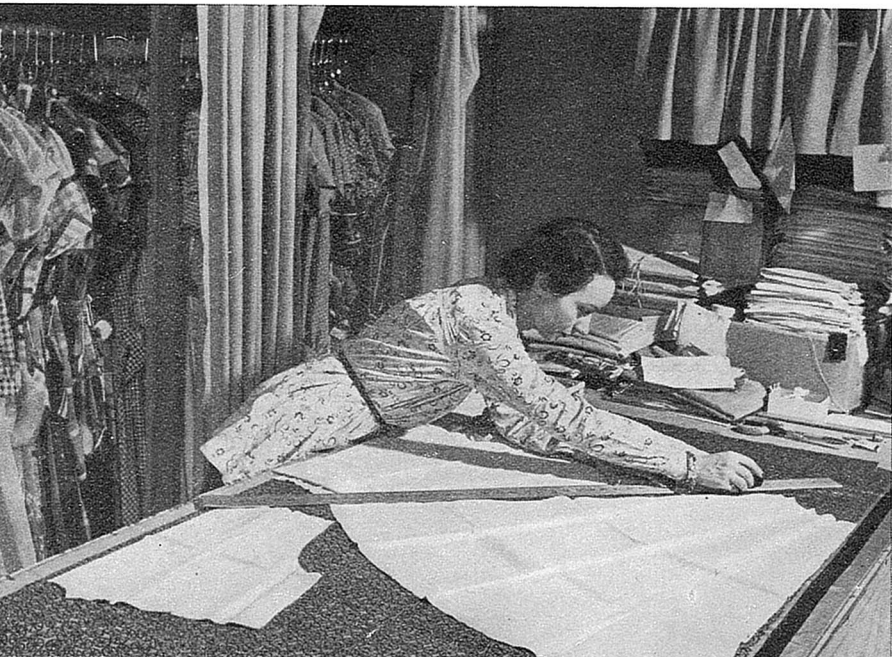
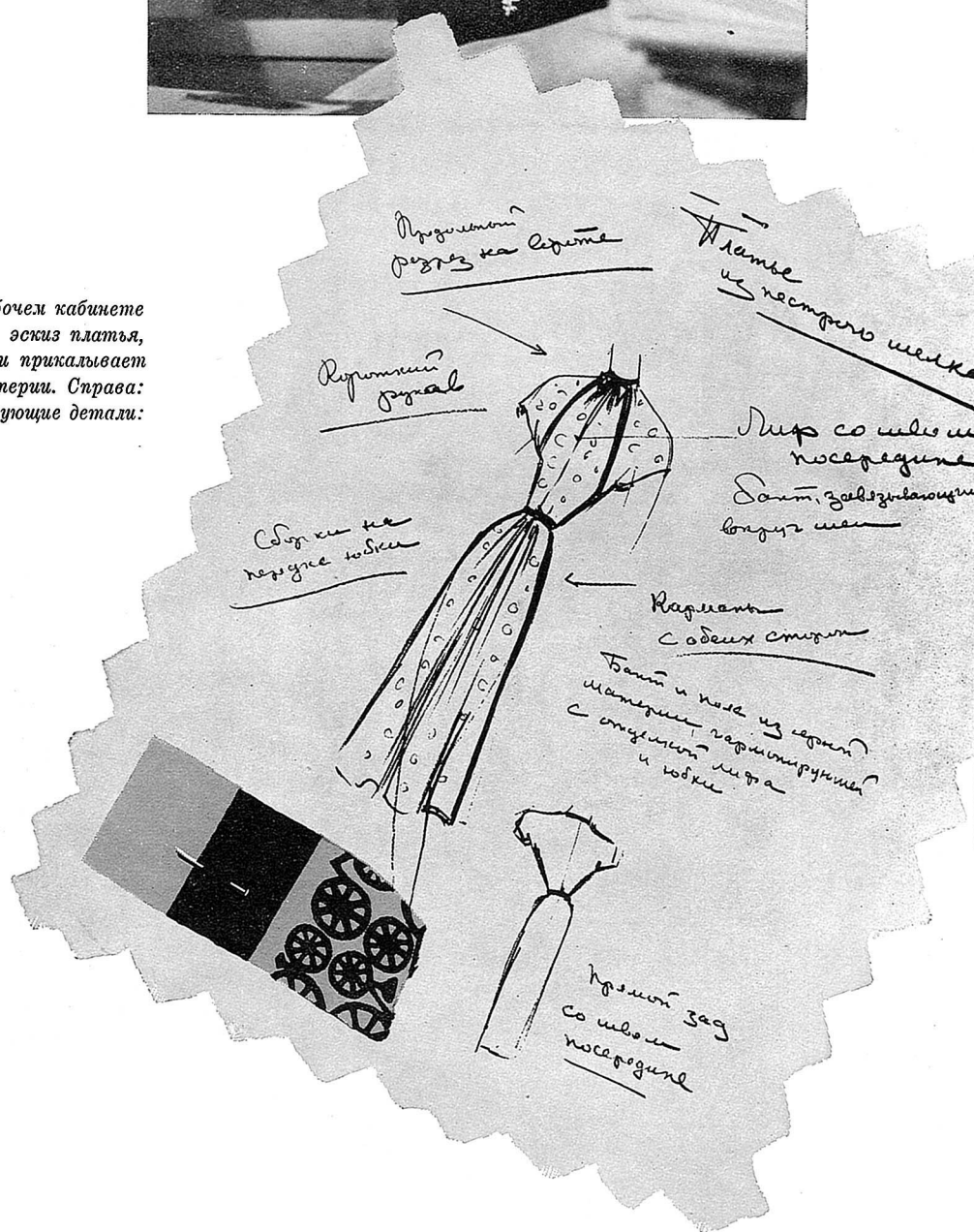
Каждый год Элизабет Хилт создает до 400 платьев и костюмов. В своем творчестве художница руководствуется многими практическими соображениями. Ее платья должны требовать минимального количества ручных операций или деталей, трудно выполнимых при розенфельдовском секционном методе поточного производства. Она высчитывает почти до последнего цента стоимость пошивки, материала и отделки. Выпуская летние платья из хлопчатобумажной материи, она должна быть уверена, что краски прочны, ткань хорошо стирается и легко гладится. Но независимо от того, какие фасоны создает Элизабет Хилт — она в первую очередь учитывает, кто и где будет их носить.

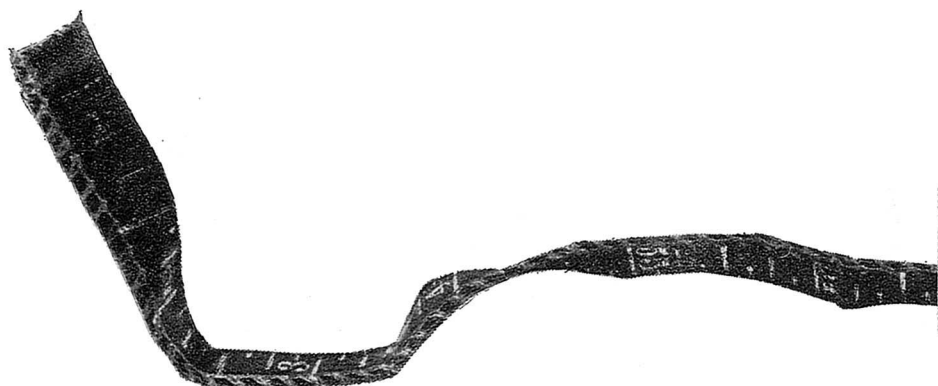
Художник-модельер Розенфельд Элизабет Хилт, приступая к созданию нового фасона, тщательно выбирает материал, удовлетворяющий предъявляемым фирмой требованиям прочности, красоты и легкости в пошиве.

Справа сверху: в своем рабочем кабинете Элизабет Хилт делает эскиз платья, дополняя его точными пояснениями, и прикалывает к рисунку образец материи. Справа: в этом фасоне она отмечает следующие детали:

По эскизу Элизабет Хилт делают патрон, после чего ассистентка художницы приступает к кройке. Раскроенную материю сметывают, примеряют и затем сшивают. Надетое на манекен готовое платье служит образцом, которым руководствуются при массовом изготовлении продукции методом поточного производства.

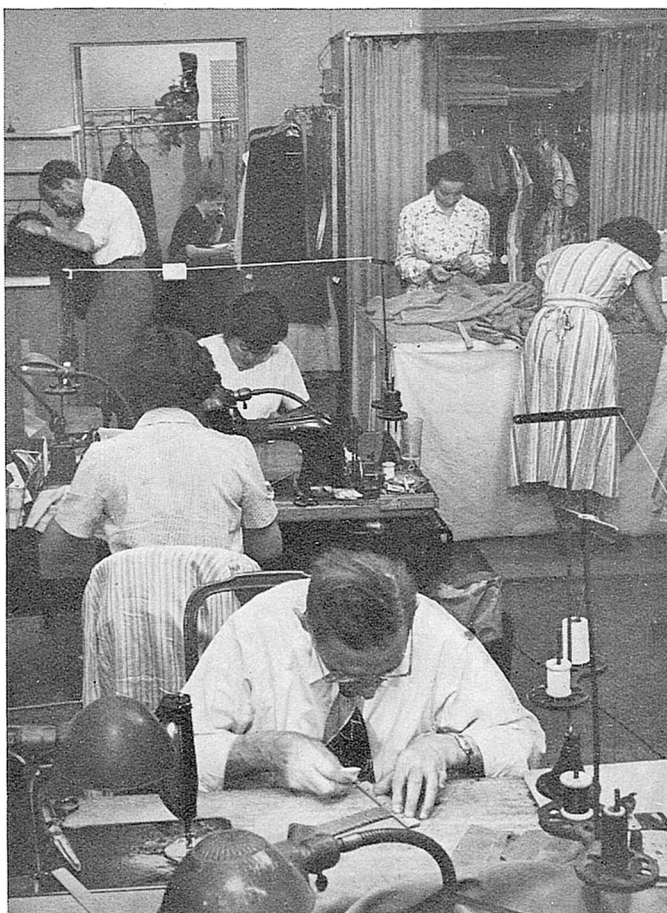

Вверху: зад и перед платья, сметанные на живую нитку, Элизабет Хилл сама примеряет и драпирует на манекене. Опытным глазом художница тщательно просматривает каждую мелочь и делает требуемые поправки. После этого платье сшивают окончательно.

Справа вверху: опытные мастера выполняют ручные работы при пошивке модельного платья: одни прометывают петли, другие нашивают отделку, третьи кроют и шьют карманы.

Внизу: каждый сезон розничные торговцы приезжают к Розенфельду со всех концов страны, чтобы выбрать последние новинки, созданные этим поставщиком изящных фасонов.

1: летнее платье из бумажной полосатой материи. Э. Хилл считает, что платье из легкой ткани должно быть свободным. Цена платья 14 долл. 95 цент. (60 руб.).

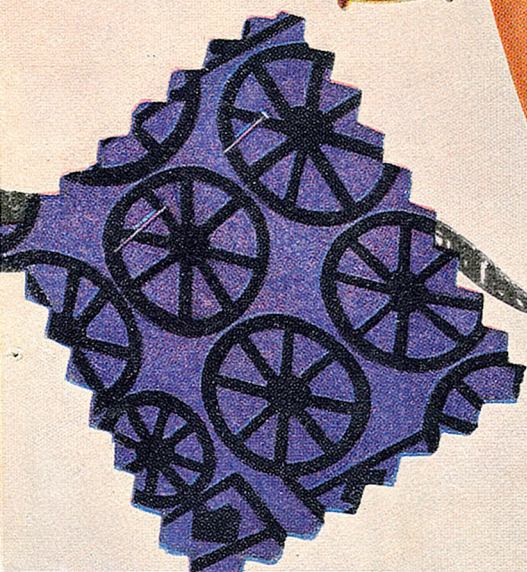
2: элегантный костюм с узкой юбкой и жакетом «по фигуре» шьется из немигнувшегося полотна разных цветов: коричневого, золотистого, аквамаринного, бежевого и темносинего. Он стоит 25 долл. (100 руб.).

3: нашитые с одного бока пуговицы — интересная деталь этого элегантного туалета из шерстяной материи. Цена платья 18 долл. (72 руб.).

Магазин дамских нарядов, поместив в газетам объявление о новом фасоне, созданном Э. Хилл, продал в течение четырех недель 600 платьев. Сшитое из пестрой шелковой материи, платье такого фасона стоит 17 долл. (68 руб.).

1. Участники праздника пользуются перерывами между осмотром экспонатов, чтобы отдохнуть и подкрепиться. 2. Чепец и фартук так же характерны для этой «пенсильванской немки», как и вкусные мягкие пышки, испеченные ею. 3. Эта почтенная пара прилагает все усилия, чтобы выйти победителями из соревнования по лучшему способу изготовления мыла. 4. На празднество «пенсильванских немцев», организованное летом 1950 г. одним из местных колледжей, съехались сотни семей, чтобы показать свои изделия на кустарной выставке, а также соревноваться в танцах, в умении рассказывать истории, в кулинарном искусстве и т. д. Семидесятилетний фермер показывает лучший способ покрытия крыш соломой. 5. Солидный возраст не мешает фермерам и фермершам ловко и энергично проделывать па традиционного народного танца.

1

2

ПЕНСИЛЬВАНСКИЕ

3

4

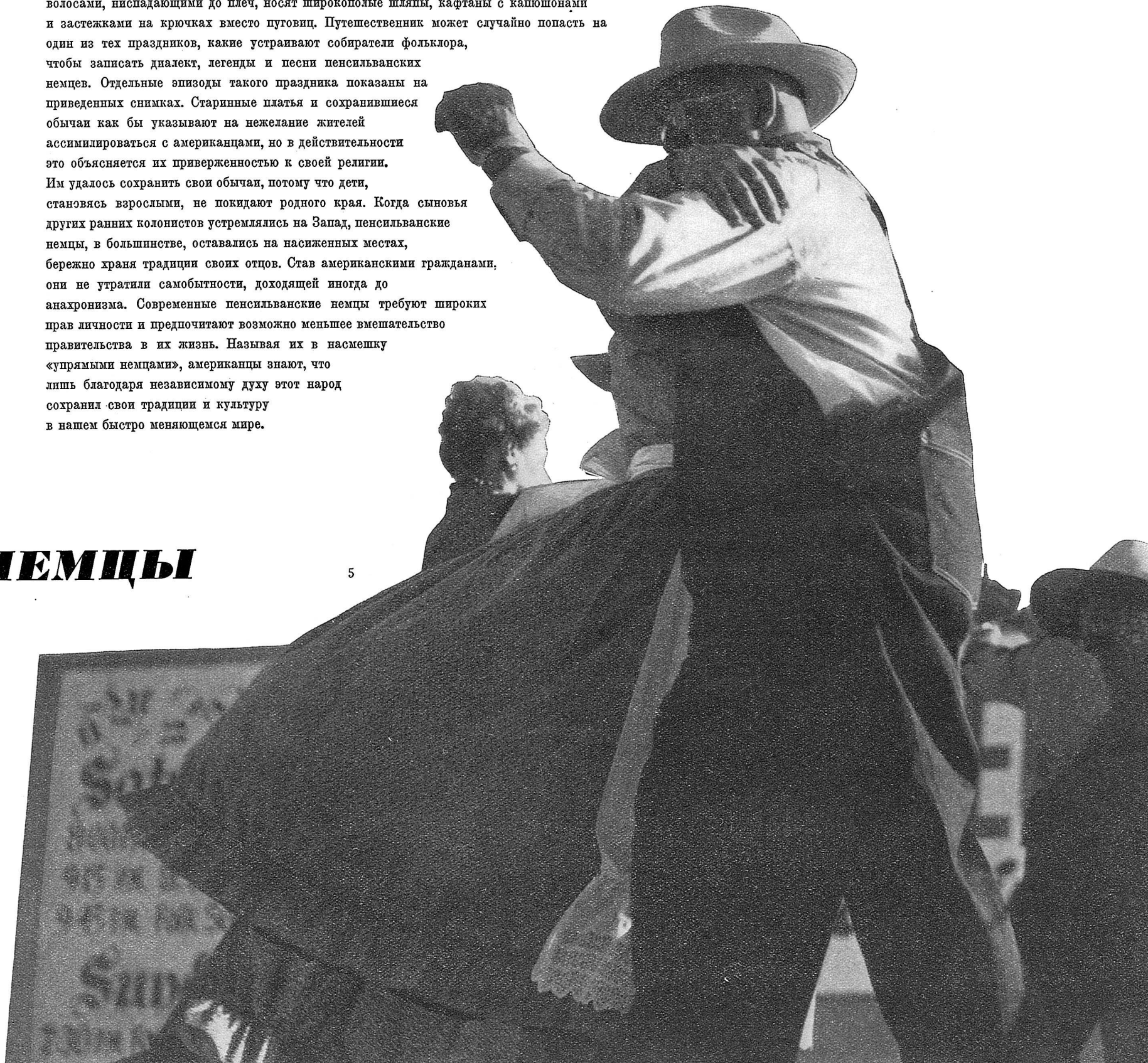
В течение нескольких столетий так называемые «пенсильванские немцы», до сих пор сохранившие родовой строй, владеют пахотными участками, расположенными в богатейшем сельскохозяйственном районе США. В этой небольшой «немецкой колонии» насчитывается 1.250.000 жителей.

Пенсильванские немцы — потомки переселенцев, некогда способствовавших образованию американской республики. Немцы-протестанты, бежавшие от жестоких гонений, вызванных Реформацией в Германии и Швейцарии в семнадцатом и восемнадцатом столетиях, переселились в Америку, надеясь основать там мирную колонию, чтобы свободно исповедывать свое религиозное учение.

Этот район, площадью в 20.720 квадратных километров, исключительно немецкий район. Здесь широко расстилаются хлебные поля и табачные плантации, виднеются огромные амбары и опрятные домики, построенные из кирпича или камня. Это край парадоксов. Некоторые жители имеют «форды» и «паккарды», другие, как например, члены секты амишей, упорно придерживаются старины, продолжают ездить в старомодных колясках и отказываются проводить в своих домах электричество или пользоваться другими современными удобствами. Некоторые солидные бюргеры живут и одеваются как большинство американцев, но говорят на странном диалекте, представляющем смешение немецкого и английского языков; другие носят «простое» платье и утверждают, что ни за что не уступят новым веяниям и сохраняют старый, вековой уклад. Однако все пенсильванские немцы руководствуются в жизни одним правилом: усердно работать, бояться Бога и жить в мире со своими соседями.

Отъехав примерно 160 километров от Нью-Йорка, путешественник может отведать настоящие национальные блюда пенсильванских немцев за столом, обильно уставленным мясными кушаньями, дополненными по традиции семью сладкими и семью кислыми блюдами. Продолжая путешествие по менее оживленной дороге, он приезжает к «простым людям», как бы сошедшим с картин художников семнадцатого века. Мужчины с длинными бородами и волосами, ниспадающими до плеч, носят широкополые шляпы, кафтаны с кашубонами и застёжками на крючках вместо пуговиц. Путешественник может случайно попасть на один из тех праздников, какие устраивают собиратели фольклора, чтобы записать диалект, легенды и песни пенсильванских немцев. Отдельные эпизоды такого праздника показаны на приведенных снимках. Старинные платья и сохранившиеся обычаи как бы указывают на нежелание жителей ассимилироваться с американцами, но в действительности это объясняется их приверженностью к своей религии. Им удалось сохранить свои обычаи, потому что дети, становясь взрослыми, не покидают родного края. Когда сыновья других ранних колонистов устремлялись на Запад, пенсильванские немцы, в большинстве, оставались на насиженных местах, бережно храня традиции своих отцов. Став американскими гражданами, они не утратили самобытности, доходящей иногда до анахронизма. Современные пенсильванские немцы требуют широких прав личности и предпочитают возможно меньшее вмешательство правительства в их жизнь. Называя их в насмешку «упрямыми немцами», американцы знают, что лишь благодаря независимому духу этот народ сохранил свои традиции и культуру в нашем быстро меняющемся мире.

НЕМЦЫ

Фредерик Уайз

ОТ РЕДАКЦИИ: американская воинская часть представляет собою, быть может, одну из наиболее разнохарактерных групп в мире. В ней, по воле случая или по приказу, собраны жители городов, местечек, поселков, ферм, разбросанных по всей территории США. Хотя они никогда не встречались раньше и, возможно, не встретятся в дальнейшем, связь между людьми, служившими в одном полку, крепка и постоянна. Она возникает в результате глубоко продуманных убеждений, закаляется в горниле общих невзгод и опасностей, которые не могут быть вполне поняты теми, кто их не испытал. Дружба, связывающая солдат, сильна и нерушима. Отдавая дань этому чувству, два солдата 14-го Эвакогоспиталя совершили прошлым летом двухнедельную поездку на машине, чтобы в короткий срок успеть навестить многих боевых товарищей. В течение двух с лишним лет 14-й Эвакогоспиталь, находившийся в Индии у дороги Лидо, оказывал медицинскую помощь рабочим, строившим эту магистраль, а также американским и китайским солдатам, сражавшимся в Северной Бирме. Хотя госпиталь был рассчитан только на 750 человек, во время напряженных боев он принимал до 2.900 раненых в день, за что каждый из работников госпиталя был награжден медалью. Двое молодых людей, навестивших старых товарищей летом 1950 года, были сержант Фредерик Уайз, заведывавший медицинским снабжением 14-го госпиталя, и Джек Ворринг — фотограф и техник рентгеновского кабинета при госпитале. В настоящее время Уайз работает в редакции журнала «Америка», а Ворринг — в Нью-Йоркском городском банке. Их поездка описана в очерке Уайза «Пять лет спустя».

Джек Ворринг

Пять лет спустя

В течение двух недель мы проехали 3.500 километров, побывали в семи штатах Америки и повидали многих из наших боевых товарищей. По возвращении нам трудно было сразу разобраться в воспоминаниях и ощущениях, оставшихся от поездки. Каждый день приносил массу впечатлений; каждая встреча давала возможность заглянуть в семейную жизнь того или иного из наших друзей. Но теперь все детали объединились во что-то цельное, многообразие индивидуальных впечатлений уложилось в рамки жизни огромного района Америки, расположенного между Нью-Йорком и рекой Миссисипи. В пределах этого края мне особенно запомнились приветливость людей, показывавших нам дорогу, опрятные однокомнатные туристские домики с душем, где мы останавливались по пути; плоские и плодородные равнины Индианы и Иллинойса; холмы Пенсильвании, поднимающиеся над пест-

фронтной службы. Мы знакомились с женами, которых прежде видели на фотокарточках, хранимых в солдатском бумажнике, разглядывали пожелтевшие фотографии, привезенные с фронта. Одни с гордостью показывали нам свои новые дома, другие с неменьшей гордостью обращали наше внимание на улучшения, произведенные в старых домах. Нас принимали как «дорогих гостей». Судя по обильным обедам, можно было бы заключить, что все наши друзья предусмотрительно женились на отличных кулинарках. Мы видели множество детишек, родившихся после войны, и невольно любовались ими.

Можно сказать, что в первые пять лет после войны наши друзья успешно разрешили большинство проблем, которые всегда и всюду возникают перед ветераном, вернувшимся с фронта: перейти от суровой походной жизни к мирной об-

Построенный в джунглях Ассама, 14-й Эвакуационный госпиталь обслуживал рабочих, строивших дорогу Лидо, а также раненых китайских и американских солдат, сражавшихся в Северной Бирме.

рыми, похожими на шахматную доску, полями ферм, виднеющихся в долинах; гигантские сталелитейные заводы Питсбурга и Кливленда; угольные шахты Пенсильвании и Огайо; разнообразные диалекты, которые мы слышали в одном только штате Иллинойс; новые дома, разбросанные в сельских районах, и жилищные комбинаты в городах — наглядное доказательство того, что послевоенное строительство отвечает потребностям населения.

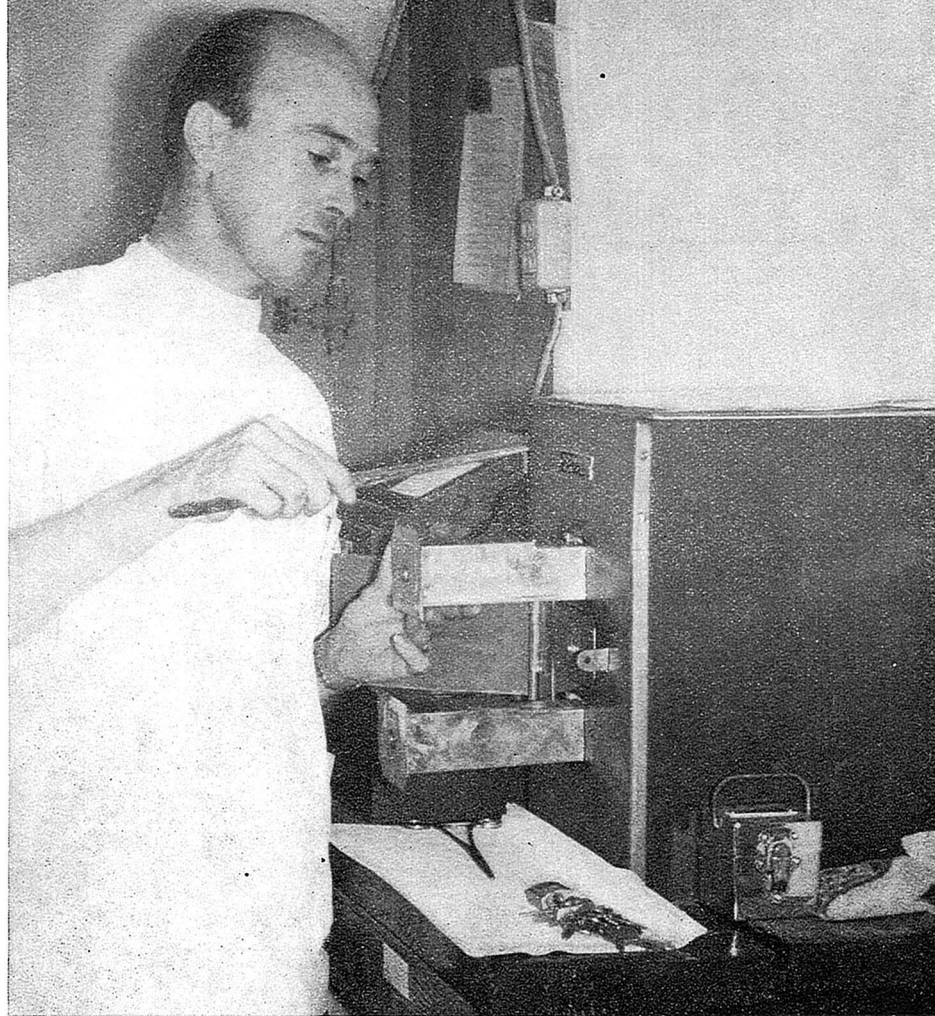
Самые приятные воспоминания нашей поездки связаны с радужным приемом, какой оказывали нам друзья, с вечерами на верандах и в гостиных, где мы вспомнили о минувших днях

становке, почувствовать себя свободным, вернуться к своим обязанностям, переключиться на гражданскую профессию; заняться устройством семейного очага для увеличивающейся семьи. Они должны были глубоко пустить корни в родную почву; строя планы, они надеялись, что война, в которой им пришлось участвовать, была действительно «последней», и что предстоящие годы будут годами мирной и счастливой жизни.

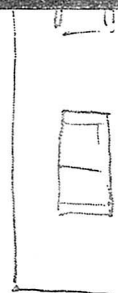
Все это можно было отнести ко всем нашим товарищам. Но мы пережили и незабываемые, неповторимые минуты, придававшие особый характер каждой встрече и каждому из наших друзей, которых мы видели в мирной обстановке.

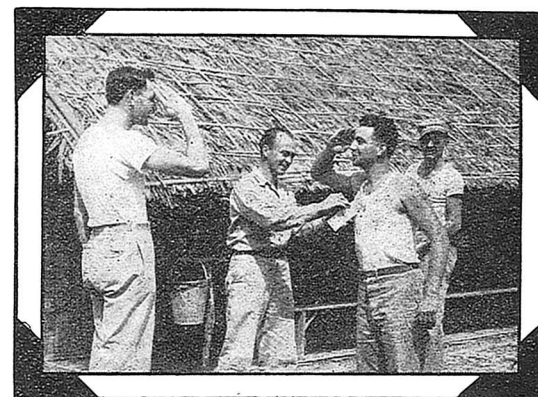
В больнице города Геррин
(штат Иллинойс) главный техник
рентгеновского кабинета
Карл Винсон показал
нам маленькую трубочку
(которую он держит щипцами),
содержащую радий, применяемый при
лечении раковых заболеваний.

Карл Винсон — один из многих американцев-ветеранов, которые, изучив в армии какую-нибудь профессию, применили ее в послевоенные годы. До войны Карл перепробовал много специальностей. Наиболее долгий срок он работал шофером такси, но перед вступлением в армию служил на артиллерийском заводе. После мобилизации его послали в медицинскую школу. Он стал техником рентгеновского кабинета и получил назначение в 14-й Эвакогоспиталь. Когда мы приехали в г. Геррин (штат Иллинойс) и пришли в городскую больницу, то увидели, что Карл работает здесь и выглядит точно так же, как выглядел в армии: в белом халате он хлопотал у рентгеновского аппарата. Он показал нам рентгеновский кабинет с таким гордым видом, будто все это принадлежало ему. Герринская больница, по его словам, имеет вторую по величине онкологическую клинику в Иллинойсе. В рентгеновском кабинете при помощи радия, а также глубокой и поверхностной рентгенотерапии лечат все виды раковых заболеваний. В особенности он гордился гигантским аппаратом, который весит, по крайней мере, тонну и смонтирован на двух тяжелых подставках. С ловкостью, выработанной долгой практикой, он показал нам, как аппарат может быть установлен в любом положении, требующемся для лечения; громоздкая машина была послушна малейшему повороту колесиков и рычагов. В годы военной службы Карл увлекался рентгеноскопией. По возвращении с фронта он не мог устроиться в рентгеновском кабинете и поступил на артиллерийский завод, где работал до войны. В течение нескольких месяцев он ликвидировал склады боеприпасов и взрывчатых веществ, которые, как полагали, более не потребуются. После этого некоторое время он был шофером такси и автобуса. «Однажды, — рассказывает Карл, — меня вызвал в клинику доктор Браун. Когда я пришел, он сказал: «Я слышал, вы были техником рентгеновского кабинета в армии. Когда вы можете начать работать у нас?» Я ответил, что, согласно профсоюзным правилам, я должен за две недели предупредить, что увольняюсь, и только после этого перейду в клинику. — Доктор согласился и с тех пор я работаю в больнице. Теперь я уже старший техник, и более того, — председатель Южноиллинойского общества техников-рентгенологов. Через несколько дней мы получим оборудование для нового отделения клинического фотографирования; это будет для меня дополнительной нагрузкой. Мне надо быть осмотрительней, а то, пожалуй, закружится голова».

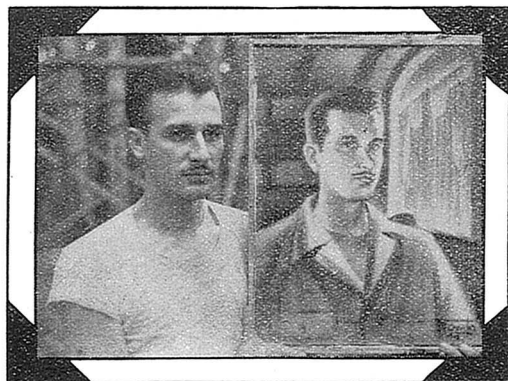

На фронте, в минуту
веселого настроения, капрал
Карл Винсон в шутку награждает
товарища медалью.

*Рядовой Франк
Валензано с портретом,
написанным с него на
фронте одним приятелем.*

Лошади, двухлетний сынишка и звукозаписывающий аппарат заполняют жизнь ветерана войны Франка Валензано. Франк с семьей живет на ферме у родителей жены в нескольких милях от Нью-Фаундленда, небольшого городка в штате Пенсильвания, где Франк работает парикмахером. Лошади и звукозаписывающий аппарат показывают, как разнообразны интересы семьи Валензано. Франк очень увлекается музыкой. В течение многих лет он пел в церковном хоре и выступал даже солистом, но больше всего он любит оперную музыку. Как только в нью-йоркской опере Метрополитен открывается сезон, он с огромным интересом слушает еженедельные радиопередачи. По субботам, после обеда, он настраивает звукозаписывающий аппарат и записывает транслируемые оперы, чтобы слушать их снова. По дороге на ферму Валензано рассказал нам о другом своем увлечении — лошадях. «Вы знаете, по возвращении с фронта я получил в виде премии от штата Пенсильвании 500 долларов (2.000 рублей). Мне хотелось купить на эти деньги новый автомобиль. Я уже дал заказ агенту фирмы Форд, и все было решено, но, знаете, жена моя, Кароль — сходит с ума по верховым лошадям. Поэтому вместо автомобиля мы купили пару лошадей. Теперь прибавился жеребенок, совершенно очаровательный. Вот подождите, вы его увидите... А мой старый автомобиль еще послужит; ему уже десять лет, но мотор на нем новый, недавно поставлен». Другой наш фронтовой товарищ, Себастьян Тровато, приехал в гости к Франку на субботу и воскресенье. Как и Франк, он любит музыку и имеет звукозаписывающий аппарат. Себастьян привез с собой пластинки оперы «Тоска». Впрочем, нам так и не удалось их послушать, настолько мы увлеклись лошадьми. Франк сказал правду: жеребенок был действительно очарователен.

*В настоящее время
Франк Валензано
работает парикмахером
в маленьком городке
Нью-Фаундленд в Пенсильвании.*

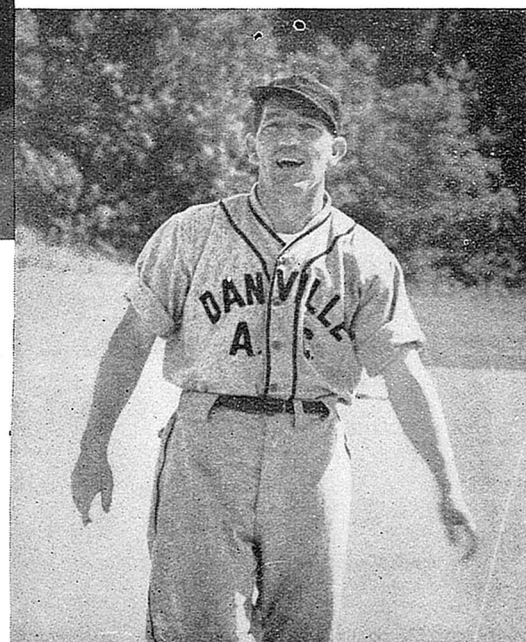
*Маленькому Майку
Валензано всего
два с половиной года,
но он владеет
битой, как настоящий
бейсболист-ветеран.*

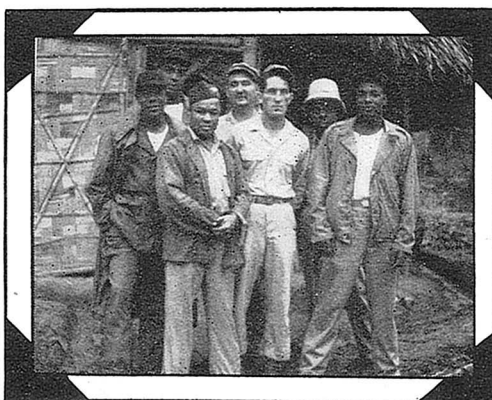

Днем Пат работает
полицменом. После войны он
несколько месяцев
работал на сталелитейном
заводе, а затем,
выдержав установленный
экзамен, был зачислен
в полицейский отряд.

В беседах с друзьями мы часто говорим о бейсболе. Большинство наших приятелей с особенным интересом следит за успехами Всеамериканской лиги или какой-нибудь местной команды, но Пат Бурк, наш старый сержант, который в настоящее время служит полицейским в Дэнвилле (Пенсильвания), интересуется бейсболом больше остальных. Летом, каждую субботу, в послеобеденное время Пата можно видеть в бейсбольном костюме на Дэнвиллском стадионе, где его команда представляет Атлетический клуб Дэнвилла. Года два назад Пат сам играл довольно хорошо, но теперь он только тренер и судья. Во время матча он выкрикивает игрокам своей команды советы, подбадривая их, восхищается каждым верным ударом или пробежкой и глубоко переживает каждый «аут» или промах. После матча, перед тем как Пат надел полицейскую форму, чтобы идти на дежурство, мы поговорили о его бейсбольной команде. «Летом я трачу большую часть свободного времени на тренировку команды, — сказал Пат. — Зимой я помогаю обучать боксу школьников. Но сейчас главное для меня — бейсбол. У нас довольно хорошая маленькая команда, есть даже очень хорошие игроки. Один из них может сравниться с любым игроком главной лиги. Впрочем, в ближайшем будущем он попадет туда. Нередко первоклассные команды посылают своих разведчиков на поиски ребят, из которых могли бы получиться хорошие бейсболисты. Сам не понимаю, в чем тут дело, — продолжал он. — Может быть, это просто-напросто удовлетворение от того, что делаешь приятное другим людям, но работа с этими ребятами мне доставляет огромное удовольствие».

Вверху: теперь в свободное
от работы время Пат Бурк
занимается тренировкой
бейсбольной команды
Атлетического клуба
г. Дэнвилла
(штат Пенсильвания).

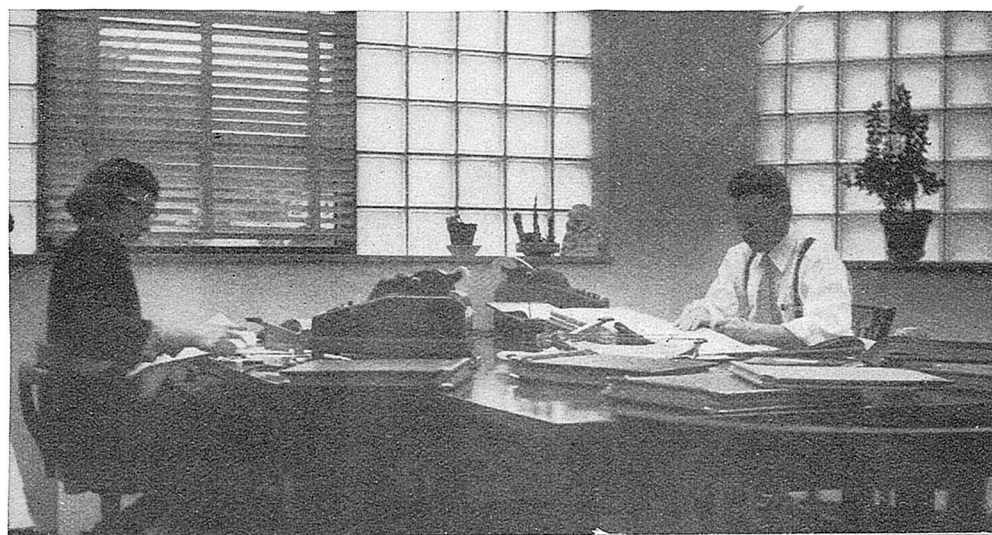
Слева: снимок с фронта.
Первый сержант Пат Бурк,
бывший прежде боксером, стоит
рядом с американским
чемпионом-легковесом
Генри Армстронгом (слева),
приезжавшим на фронт
для показа солдатам бокса.

Верна́н Дэ́вис с дочуркой.

Верна́н Дэ́вис из Кливленда (штат Огайо) наиболее красноречиво выразил то, что многие из нас чувствовали, но лишь немногие это высказывали. «Последние пять лет — исключительные годы, — сказал он. Мы сидели у широкого окна в новом доме Дэвиса, на окраине Кливленда, и смотрели, как его дети — сынишка, и дочь, родившаяся когда он был на фронте, играли на дворе. — Говорю вам, замечательные годы. Правда, пришлось немало поработать, чтобы снова устроиться. Надо было привыкнуть к семейной обстановке, к жене, познакомиться с дочерью. Но это была хорошая жизнь, вполне меня удовлетворяющая. Надеюсь, что все наши ребята, вернувшись на родину, испытали такой же подъем». По окончании войны, Вернон сразу начал работать счетоводом в кливлендском отделе Федерального управления жилищного строительства. Когда кливлендский отдел закрылся, он перешел на службу в чикагский, но в Чикаго он не мог найти квартиры. Ему пришлось оставить службу и вернуться в Кливленд. Он поступил в частную компанию по продаже имущества. Однако Вернон попрежнему интересовался вопросами строительства домов, и в январе 1950 года ему удалось поступить в Управление жилищного строительства г. Кливленда. Эта работа его вполне удовлетворяет. «Мне нравится работа счетовода, — говорит он, — жилищное строительство меня также очень интересует. Я знаю, что здесь никогда не разбогатею, но все же я не нуждаюсь ни в чем».

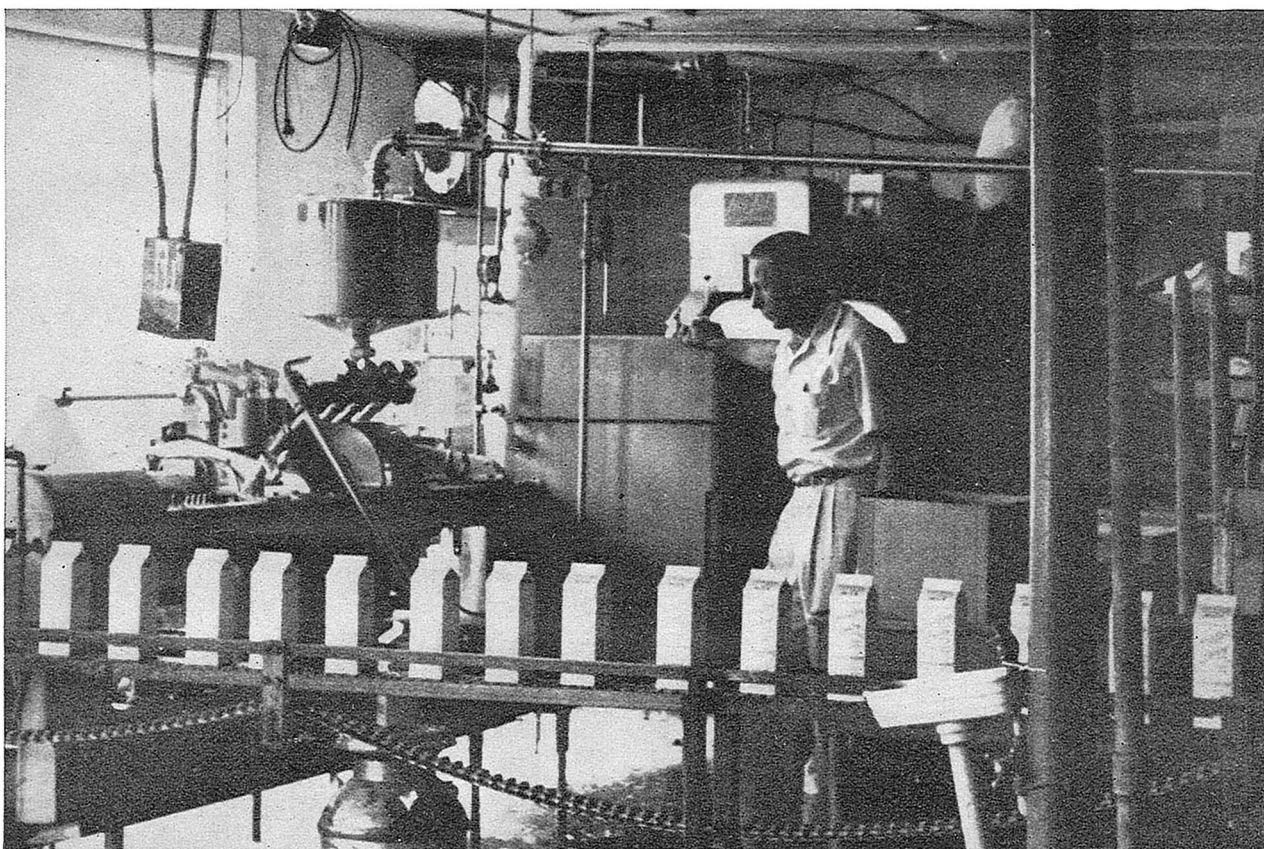
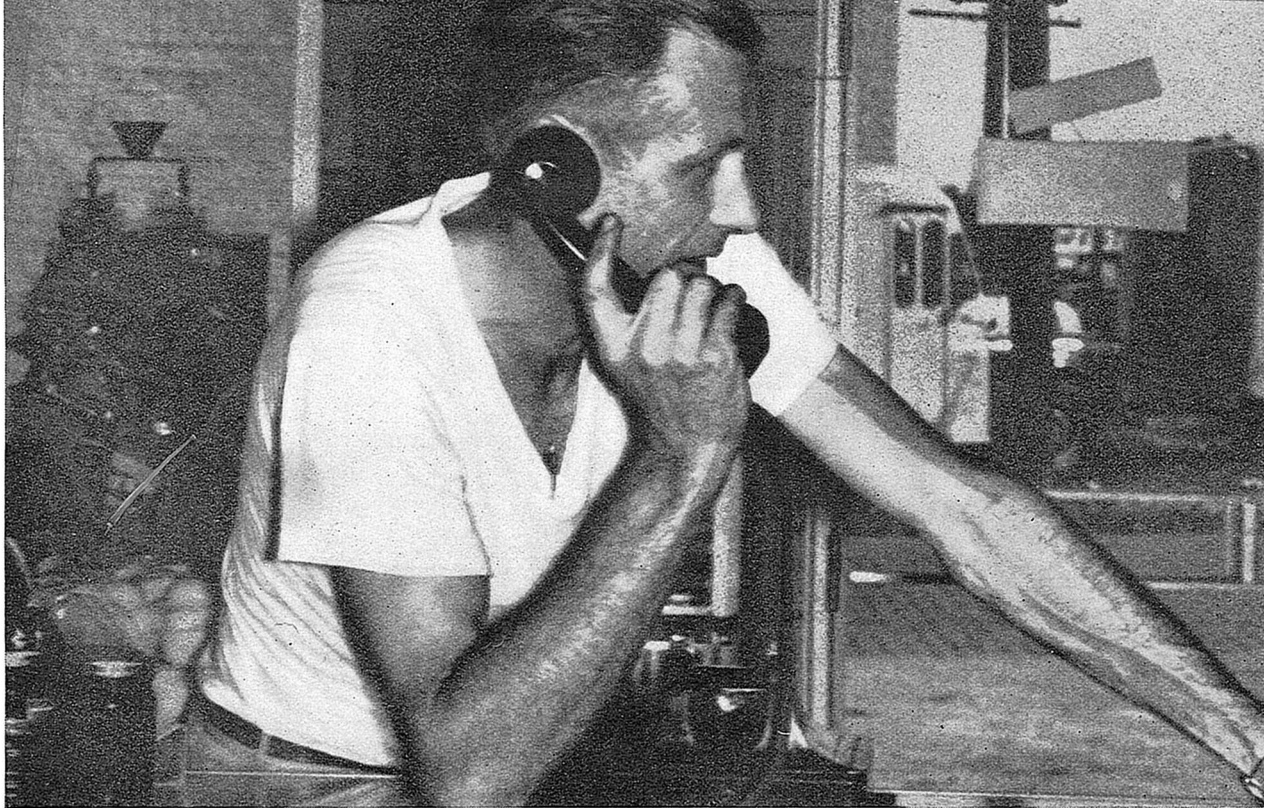

Дэ́вис — старший счетовод
Отдела жилищного строительства
Кливленда (Огайо) ведет учет
сумм, расходуемых на ремонт
и улучшение домов города.

Теперь Карл Мартенс служит управляющим в молочной фирме в г. Карбондейле (Иллинойс). Внизу: на второй день нашего приезда, Карл показал нам завод. Он особенно гордится упаковочным отделением, где картонная посуда автоматически наполняется молоком.

Сержант
Карл Мартенс
на пароходе
по дороге в Ассам.

Карл Мартенс служит управляющим в молочной фирме в Карбондейле (Иллинойс). Он прошел все стадии работы в молочном хозяйстве — от дойки коров до закупоривания бутылок, включая все промежуточные операции. Во время войны, находясь за океаном, Карл тратил часть отпуска на знакомство с молочными фермами Индии — несколько странное развлечение для солдата. Мне до сих пор непонятно, почему человек должен идти в колледж, чтобы изучить детально все, что касается молока, но так поступил Карл Мартенс. Он окончил школу по ведению молочного хозяйства при университете штата Айова и, получив диплом около пятнадцати лет назад, продолжает совершенствовать свои знания путем практики.

«Кроме многих других операций, — говорит нам Карл, — мы ежедневно пастеризуем около 38.000 литров молока. По законам штата Иллинойс в молоке должно быть 3 процента жиров, но я обычно гарантирую 3,5 процента. В настоящее время большую часть молока мы разливаем в посуду из вошеного картона. Кажется, наши покупатели предпочитают ее стеклянным бутылкам. Такая посуда более удобна. Ее не нужно мыть и сдавать в магазин. Отдел здравоохранения штата проверяет каждую неделю — выполняем ли мы санитарные требования. Пока что, за время моей работы, мы «перевыполняем» их».

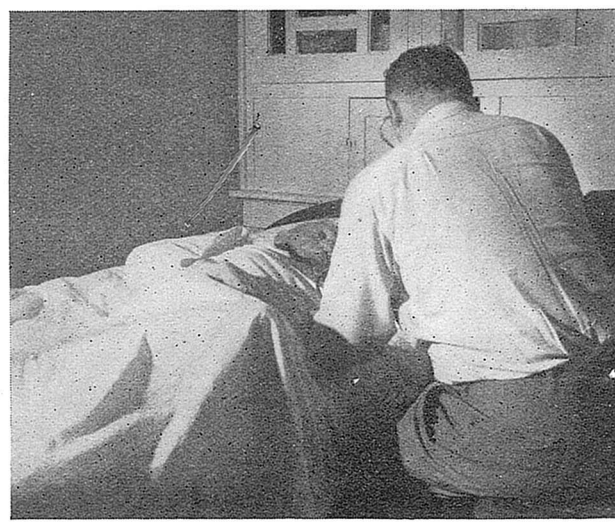

*Вверху и внизу:
доктор Кросс
со своими пациентами.*

*Воспоминания о военных годах
и рассмотрение старых снимков
несколько утомили
жену доктора Кросса.*

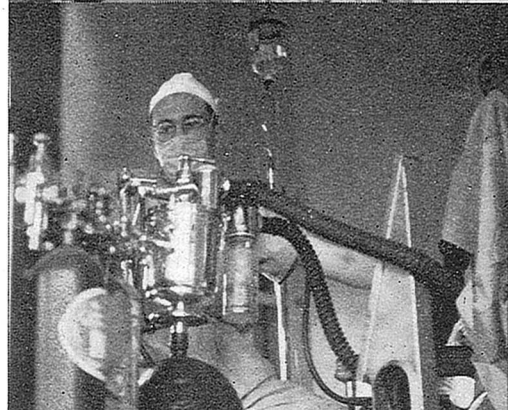
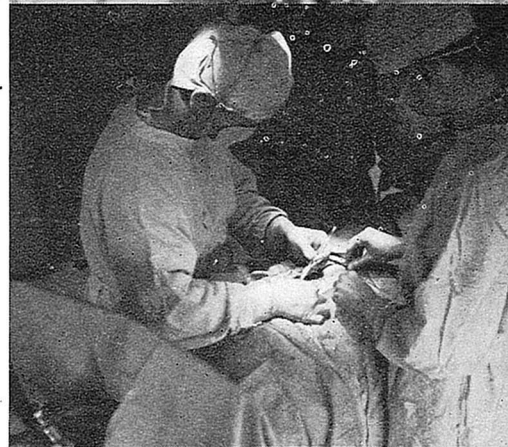
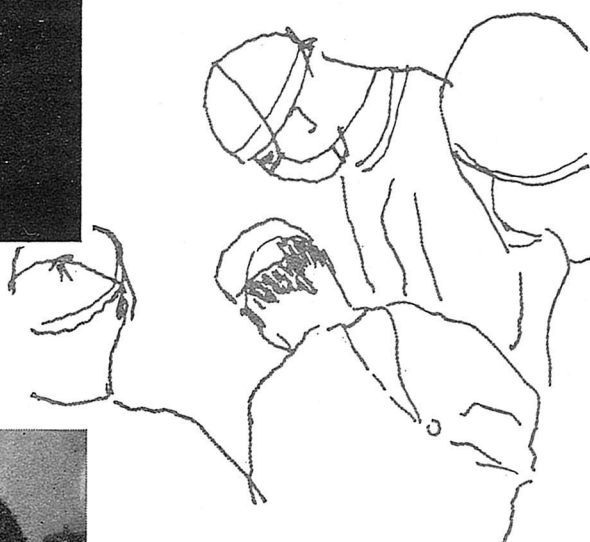

На выцветшем любительском
снимке — д-р Кросс и его
младший брат, приезжавший
в 14-й Эвакогоспиталь.
Вскоре его брат пропал
без вести во время полета
над Бирмой.

Война омрачила жизнь доктора Вирджила Кросса, которого мы тоже навестили. Вирджил, молодой хирург в г. Колумбусе (штат Огайо), имеет хорошую практику. У него был младший брат, который не стал ждать, когда Соединенные Штаты вступят во вторую мировую войну и поступил на службу в Военно-воздушный флот Канады. Его назначили летчиком-разведчиком на Индийско-Бирманском театре военных действий. Во время отпуска, полученного после аварии самолета, он приехал в район наших боевых действий повидаться со старшим братом. Вирджил с гордостью представил его нам. Несколько недель спустя он вернулся в свою эскадрилью и был сбит где-то над джунглями Бирмы. Ни тело, ни самолет не были обнаружены. Мы сидели на веранде и разговаривали с Вирджилом и его женой. Я колебался, упомянуть ли о брате, но Вирджил сам вспомнил о нем. Мы говорили на всевозможные темы. Вдруг Вирджил сказал: «Не знаю, друзья, помните ли вы моего младшего брата? Помните, он приезжал ко мне незадолго перед тем, как пропал без вести. Мать все еще думает, что он жив где-нибудь там, в джунглях, и надеется, что в один прекрасный день он вернется домой. Ну, все матери одинаковы в этом отношении. Когда брат погиб, это было для меня большим горем. Я взял отпуск и отправился на его базу. У меня возникла сумасшедшая идея — принять участие в поисках брата, но это было бесполезно. С большой высоты летчики не могли определить, где упал самолет, и у них не было времени, чтобы продолжать поиски. Война не ждала, надо было делать боевые вылеты».

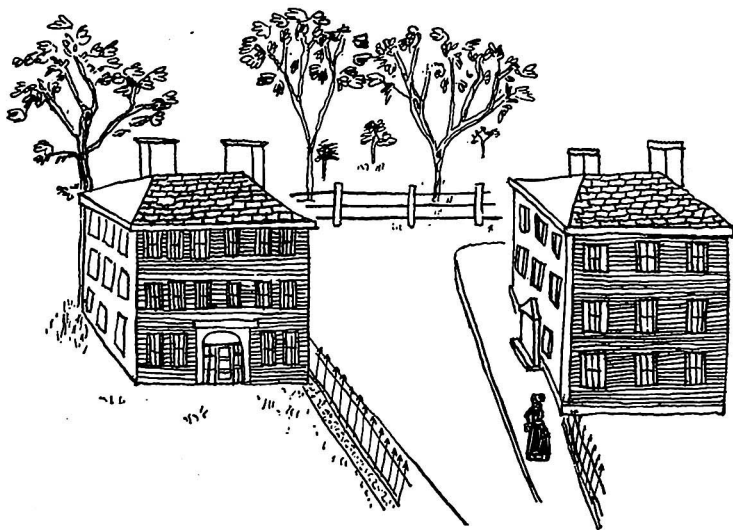

Сестры Пибоди из Салема

Луиза Тарп

От редакции:

Немного более столетия назад, когда результаты промышленного переворота впервые начали ощущаться в Соединенных Штатах, другой, также весьма важный сдвиг произошел не столько в мире машин, сколько в идеях жителей Новой Англии. В городах штата Массачусетс — в Салеме, Конкорде, Кембридже, Бостоне группа лиц проповедывала и защищала идеи, совершенно противоположные общепринятым взглядам современников. Это были «трансценденталисты», философские воззрения которых исходили от предков-пуритан, искавших «высшей правды и реальности». Искания и труды передовых людей Новой Англии поистине были золотыми страницами американской литературы. Очерки философа Ральфа Уолдо Эмерсона представляют собою сокровищницу разума, унаследованную новыми поколениями. Бронсон Олькотт, возможно, был первым из

прогрессивно настроенных педагогов, который, не боясь общественного осуждения, обучал молодежь, наряду с греческим и латинским языками, реальному пониманию жизни.

Овеянные поэзией произведения писателя того времени Натаниеля Готорна — «Дом о семи штилях», «Багровый знак», «Легенды старой усадьбы» и т. д. до сих пор вызывают огромный интерес. Среди таких выдающихся людей как Горас Манн — организатор системы американских общественных школ, Герман Мельвилл — автор «Моби Дика» проходила жизнь сестер Элизабет, Мери и Софии Пибоди из Салема.

Несмотря на то, что над женщинами тяготели ограничения, каждая из сестер, подобно своим знаменитым современникам-мужчинам, содействовала развитию интеллектуальной жизни Америки. Луиза Холл Тарп в своей недавно опубликованной книге «Сестры Пибоди из Салема» рассказывает, как этим женщинам удалось побороть условности и снискать всеобщее уважение. Еще молодыми девушками они устроили у себя в гостиной школу для малышей и тем самым оказывали материальную помощь семье. Из трех сестер — Элизабет была самой развитой и деятельной. Она занималась преподавательской деятельностью, писала статьи против рабства, была первой женщиной — книготорговцем и издателем, организовала детские сады, включив их в систему образования США. Нередко ее постигали неудачи. Но к 1894 году — год ее смерти — Элизабет завоевала уважение общества, среди которого она жила и работала.

Мери, преподававшая в школе, в некотором отношении уступала старшей сестре. По выходе замуж за Гораса Манна, она, как и ее муж, продолжала заниматься педагогической деятельностью. Чрезмерно заботливая мать обращалась с младшей из сестер — Софией, тонкой художественной натурой, как с больным и слабым ребенком. В дальнейшем, после брака с Натаниелем Готорном, София до конца жизни была здоровой и счастливой женщиной. Тщательное изучение материала дало Луизе Тарп возможность поднять завесу над одной из минувших эпох, отмеченной развитием философии, искусства и поэзии, имеющей не только общенациональное, но и мировое значение. Исходя из этого, издатели «Америкы» решили ознакомить читателей с книгой Луизы Тарп, но из-за недостатка места, пришлось ограничиться лишь двумя отрывками: «Лавка на Уэст-стрит», — рассказ о неукротимом духе Элизабет Пибоди и «Замечательный год» — повесть о любви Софии Пибоди и Натаниеля Готорна.

Лавка на Уэст-стрит

Узкая улица, отходящая от сонной, солнечной Тремонт-стрит, ведет к центру Бостонского торгового квартала. Булыжная мостовая усиливает симфонию уличных звуков — гортанные окрики возниц, стук колес и непрерывное цоканье лошадиных копыт...

Там, где кончается улица Тремонт, против общественного парка, берет свое начало Уэст-стрит. Парк придает улице нарядный вид, уступая ей немного солнечного света, тени, бросаемой деревьями, над которыми слышится легкий шелест голубиных крыльев. Элизабет Пибоди, искавшая место для нового, задуманного ею предприятия, остановила свой выбор на доме номер 13 по Уэст-стрит.

Мысль об организации нового дела пришла в голову Элизабет после неудачи, постигшей ее на педагогическом поприще. Солидарность с Олькоттом, вместе с которым она руководила школой «Темпл Скул», была причиной ее вынужденного, хотя и временного отказа от любимого дела. Прогрессивные методы обучения, введенные Олькоттом, вооружили против него общественное мнение, и школа была закрыта. Его верная союзница и помощница Элизабет Пибоди вскоре убедилась, что и она потеряла свой авторитет как педагог.

В то время деловой мир был недоступен для женщины. Элизабет столкнулась с новым препятствием, какое она вряд ли могла преодолеть. Случалось, что в лавках торговали женщины, большей частью вдовы, продававшие иголки и нитки в передней комнате квартиры, выходившей на тихую улицу. Но решение Элизабет обосноваться на Уэст-стрит было продиктовано менее скромными намерениями; она стремилась войти в деловой мир на равных правах с мужчиной и посвятить себя делу, о котором мечтала всю жизнь: Элизабет Пибоди задумала открыть книжную лавку.

Ее представление об идеальной книжной лавке было весьма своеобразно и оригинально. Книжки пишут люди о людях и для людей. Следовательно, книжная лавка должна быть местом, где люди могут встречаться, обмениваться мнениями, беседовать о литературе и, конечно, покупать книги. В передней комнате дома Пибоди, вдоль стен, на полках, напоминающих книжные шкафы, она расставила книги. Таким образом лавка походила на большую частную библиотеку, где каждого посетителя приветствовали, как дорогого гостя.

В книжной лавке появились иностранные книги и труды иностранных классиков. Нововведения были настолько необычны, что некоторые друзья прозвали лавку «Магазином международной литературы Э. Пибоди». Элизабет выписывала английские периодические издания и, оставаясь верной старому принципу, выдавала их для чтения на дом за весьма умеренную плату. Одно нововведение следовало за другим и вскоре Элизабет решила подписаться на журналы, издающиеся на иностранных языках.

Однажды ее бывшие ученицы, теперь уже взрослые дамы, просмотрев французский журнал «Revue des Deux Mondes», заявили, что они легко понимают прочитанное; позабыв о скучных учебниках и упражнениях, они с радостью погрузились в новый мир живого языка.

Еще до открытия магазина, но уже после того, как в ее уме созрело твердое решение начать дело, Элизабет обратилась за советом к доктору Вильяму Эллери Чаннингу, энергичному и образованному бостонскому священнику, бывшему в течение многих лет ее наставником.

«В вашем деле нет ничего несоместимого с достоинством женщины, — писал доктор Чаннинг. — Мне хотелось, чтобы

многие виды занятий стали доступными представительницам вашего пола. Если им не возбраняется торговать разными товарами, то почему же не продавать книги? Это дело имеет отношение к литературе».

Доктор Чаннинг не очень верил в коммерческие способности Элизабет. «Она слишком доверчива и беспорядочна, — говорил он. — Ведь наша страна — край золотых грез». Возможно, он советовал ей перестать «быть собой» и смотреть трезво на вещи, так как лавка в доме № 13 на Уэст-стрите, по его мнению, была плодом фантазии. Тем не менее лавка широко распахнула двери перед посетителями, вернее гостями, в последних числах июля 1840 года. Как радостно было миссис Пибоди, матери Элизабет, с присущим ей благородным и гордым видом, сидеть в книжной лавке и чутко прислушиваться к разговорам. Она знала, что читал каждый из ее посетителей, и что следовало бы ему прочесть. Действительно трудно было уйти из магазина без какой-нибудь новой книги. Семья решила освободить Софию от работы в магазине. Девушка занималась в своей небольшой художественной мастерской наверху; мать всегда оберегала и жала дочь, страдавшую вечными мигренями. Болела или не болела у Софии голова — это не мешало ей упорно работать. Ее картины, выставленные в книжной лавке, быстро раскупались. Друзья вешали полотна Софии в своих гостиных и гордились ее работой. Материальная заинтересованность заставила девушку перейти от дилетантизма к творчеству художника-профессионала, что всегда было ее мечтой.

Книжная лавка, где по средам встречались наиболее передовые люди, привлекала преимущественно женщин. Вскоре она сделалась центром «брожения умов». Здесь произошло бы «смешение языков», по выражению Натаниеля Готорна, если бы среди постоянных посетителей не появилась Маргарет Фуллер, высокообразованная женщина, блестящая лингвистка и интересная собеседница. Женщины всех возрастов — жительницы Кембриджа, пригородных районов Бруклайна и соседней Бикон-стрит — собирались в книжную лавку, чтобы послушать Маргарет Фуллер. Посетительницы занимали места, и Фуллер в сопровождении взволнованной, но сияющей Элизабет Пибоди, входила в комнату и направлялась к трибуне.

Вскоре после того, как Элизабет, первая женщина-книготорговец, завоевала всеобщее признание в Бостоне, она задумала новое дело, в которое собиралась вложить неисчерпаемый запас своей кипучей энергии. Вест об этом вызвала сенсацию среди ее сограждан.

В Бостоне появилась первая женщина-издатель. Имя ее было Э. П. Пибоди. В заднем помещении книжной лавки не слышно было стука печатных станков, хотя Элизабет несомненно мечтала печатать сама.

Элизабет Пибоди. 1887 год.

Пока надо было ограничиться издательской работой, быть агентом, сговариваться с авторами, отдавать материал в печать, а затем зарабатывать деньги продажей печатных изданий. Элизабет снова обратилась за советом к доктору Чаннингу, хотя вопрос был ею решен заранее, и он это понимал. «Я думаю выпустить брошюру, — сказал доктор, — и просить вас заняться ее изданием, при условии, что весь доход пойдет в вашу пользу, если вообще эта работа может принести какой-либо доход». Такое великодушное предложение послужило началом издательской карьеры Элизабет. Ничего лучшего нельзя было придумать. Появления брошюры об отмене рабства давно ждали не только единомышленники, но и противники Чаннинга. Усиленный спрос принес мисс Пибоди первый скромный успех на новом для нее поприще.

Общество борьбы за освобождение негров решило широко распространить брошюру Чаннинга. Автор согласился при условии, что издателю — мисс Пибоди — будет выплачена значительная сумма. Он радовался при мысли, что друзья на Уэст-стрите получают такой солидный заказ. Однако abolitionистам удалось уговорить Элизабет потрудиться во имя идеи. Она предложила обществу или взять на себя все расходы, связанные с опубликованием брошюры, или обратиться к другому издателю по их усмотрению. Чаннинг пришел в отчаяние; ему осталось утешать себя мыслью о той награде, какая ожидает Элизабет на небесах, так как вряд ли она когда-либо воспользуется благами земной жизни. Элизабет — книготорговец и издатель — никогда не чувствовала себя более счастливой. Казалось, она следует велениям судьбы, указавшей ей путь еще тогда, когда

она беседовала с Ральфом Уолдо Эмерсоном, делившимся с ней своими идеями о новой философии — мировоззрении, которое разбило оковы пуританизма, — чтобы вера в бесконечное милосердие создателя восторжествовала над страхом божьим.

В 1836 году Эмерсон и несколько близких ему друзей образовали кружок, где обсуждались идеи немецких, французских и английских философов. Доказательством действительно прогрессивного духа кружка или «симпозиума», как его принято было называть, послужило включение в состав членов двух женщин — Маргарет Фуллер и Элизабет Пибоди. Обе были вполне достойны оказанной чести, ибо обе верили в силу критики и протестовали против условного мышления. «Природа» Эмерсона стала подлинным руководством членов кружка и, когда Боуэн, преподаватель философии в Гарвардском университете, раскритиковал этот труд и назвал его «трансцендентальным», группе очень понравилось такое определение и в дальнейшем она воспользовалась им для своих целей. Философские идеи, зародившиеся в кружке, озарили им путь. Итак, они были «трансценденталистами» и гордились этим.

Трансцендентализм увлекал преимущественно молодежь. В то время Эмерсон не был тем стариком с впалыми щеками, которого мы привыкли видеть на портретах, а молодым пылким человеком лет тридцати с небольшим — т. е. на год старше Элизабет. В 1840 году, когда епископу Джорджу Риплею было тридцать восемь лет (он был на два года старше Элизабет), он впервые выдвинул идею «Брук Фарм» (коммуны, образованной членами кружка), а священникам Джемсу Фримену Кларку и Теодору Паркеру едва минуло тридцать лет. Они называли кружок «Клубом инакомыслящих», потому что по словам Кларка, там нельзя было встретить и двух членов, придерживающихся одних и тех же взглядов. Натаниель Готорн часто бывал в семье Пибоди на Уэст-стрит. Он был женихом Софии. А так как это событие хранилось втайне, посторонние думали, что писатель исключительно заинтересован переговорами со своим издателем.

Когда обе сестры вышли замуж и уехали из дому, заботы о книжной лавке легли всецело на плечи Элизабет. Она могла с головой уйти в свое предприятие, около нее не было Мери, чтобы напоминать ей о необходимости быть практичной.

В 1843 году Элизабет было около сорока лет. Ее громадная энергия не убывала. Элизабет отличалась необыкновенной щедростью и отзывчивостью, но ей некому было отдавать эти чувства. Гордость мешала Элизабет признаться в своем одиночестве. С отъездом сестер, чтобы поправить финансовые дела, она решила сдавать в наем их опустевшие комнаты. Следует отметить, что Элизабет должна была испытывать благодарность к жильцам, которые помогли ей удержать еще на некоторое время любимую книжную лавку. Она могла бы предотвратить крах и продолжать безмятежное существование, если бы меньше обращала внимания на достоинства своих жильцов и больше на материальную сторону дела. Часто лица, поселявшиеся в доме № 13 на Уэст-стрит, забывали платить ей за помещение. Вскоре, находясь в безвыходном положении, Элизабет решила вернуться к педагогической деятельности.

Элизабет беззаветно отдалась новой идее. Кроме того, она решила, что в Бостоне должен выходить журнал. Это желание осуществилось, и в 1849 году вышел первый номер периодического издания под названием «Литературно-философский журнал». В предисловии редактор Э. П. Пибоди писала: «Если читатель одобрит журнал и пожелает приобрести следующий номер, его просят обратиться непосредственно к редактору (он же и издатель) по адресу: дом № 13 Уэст-стрит. Бостон». Многим журнал понравился, но подписчиков не оказалось. Таким образом первый номер «Литературно-философского журнала» оказался и последним. В дальнейшем число ценителей этого весьма содержательного издания непрерывно возрастало, но

достать его было трудно. Уцелевшие экземпляры считались музейной редкостью. Однако запоздалый успех принес мало радости его редактору и издателю. Неунывающая и не признающая поражений Элизабет занялась распространением новых хронологических таблиц в помощь учащимся для запоминания исторических дат. С этой целью Горас Манн познакомил ее с лицами, связанными с педагогическим миром Бостона. Школы для подготовки учителей наперерыв приглашали Гораса Манна. Этот последний рекомендовал вместо себя Элизабет. Она читала лекции по истории и при случае продавала свои хронологические таблицы.

В течение года Элизабет разъезжала по стране. Ее материальное положение настолько улучшилось, что она могла содержать престарелых родителей. Однако она отдавала себе отчет в том, что их силы начали иссякать; настало время отказаться от книжной лавки. Впрочем дом № 13 на Уэст-стрит стал теперь менее привлекателен: хотя попрежнему в конце улицы тенистый парк ласкал взор прохожих, этот район города становился шумным торговым центром. Элизабет вместе со своими престарелыми родителями решила переселиться за город, и жить поблизости от фермы Мери и Гораса Манна. Наступил день отъезда. Элизабет в последний раз обошла пустое помещение; она никогда не сожалела о прошлом. Закрыв за собою дверь и повернув ключ, она удалилась с верой в лучшее будущее и уже видела перед собою зарю новых светлых дней.

Замечательный год

Элизабет долгое время находилась под впечатлением рассказов Готорна, напечатанных в «Нью-Ингленд мэгезин» (Журнал Новой Англии). Многие думали, что «Готорн» — только псевдоним. Но эта фамилия, произносимая в Салеме «Гоуторн», была давно знакома Элизабет по письму, полному остроумия и неуловимого очарования, которое она получила несколько лет назад от сестры Готорна Элизабет. Элизабет Пибоди мечтала о том, чтобы ее родной город Салем дал миру нового гения, и чтобы этим гением была женщина.

Члены семьи Пибоди удивились, когда узнали, что Лизи собралась на Герберт-стрит навестить Готорна. Мать писателя более двадцати лет вела замкнутый образ жизни. Привычка к одиночеству передалась и младшему поколению. Трое ее детей получили вполне нормальное воспитание, ходили в школу и брали даже уроки танцев. Натаниель окончил Бойдвинский колледж в шт. Мэн, где приобрел нескольких друзей, с которыми в течение долгих лет поддерживал тесные отношения. Но по мере того, как дети подрастали, атмосфера, царившая в доме, постепенно стала оказывать влияние и на младших членов семьи. Готорны, подобно Пибоди, гордились своим благородным, но обедневшим родом и предпочитали такое уединенное существование жизни, полной борьбы и тревог. Четыре члена семьи Готорнов жили

настолько уединенно, что чуждались даже друг друга.

Однажды Элизабет приняла решение посетить старшую, самую застенчивую и скромную из сестер Готорн — Элизабет (Бетси). Тщетно Мери убеждала сестру не быть в чужом доме непрошеной гостьей. Но Лизи ничего не хотела слушать. Надев капор и шаль, она отправилась на Герберт-стрит, дом № 12. Это было высокое и узкое здание, обращенное задней стеной к улице, словно обитатели не хотели, чтобы прохожие заглядывали в окна фасада. Дорожка вела к парадной двери, которая, казалось, только и существовала для того, чтобы быть всегда запертой на замок. Она постучала. Прежде чем ей открыли, Элизабет успела подготовиться к встрече с Бетси. Она напугала ее, как они вместе учились в подготовительной школе, когда Лизи было всего четыре года.

Дверь открыла Луиза Готорн и нельзя сказать, чтобы встреча носила сердечный характер. Элизабет сказала Луизе, что ее сестра Бетси гениальная девушка, судя по тем рассказам, которые она печатает в «Нью-Ингленд мэгезин».

— Вы хотите сказать мой брат, — возразила Луиза.

— Если ваш брат пишет так хорошо, он не имеет права лениться, — продолжала Элизабет, предполагавшая, что Натаниель Готорн написал только те несколько рассказов, какие она читала в журнале (он там подписывался Гоуторн).

— Мой брат никогда не ленился, — возразила Луиза и на этом беседа кончилась. Если бы Натаниель в то время и был дома, его вряд ли позвали, чтобы представить его первому восторженному поклоннику его таланта. Элизабет вернулась домой, разочарованная холодным приемом, но утешая себя открытием, что «Готорн» и «Гоуторн» одно и то же лицо. Но Мери заметила, что от ее визита большего и нельзя было ожидать.

6 марта 1837 года из печати вышла книга Готорна «Дважды рассказанные истории». Писатель преподнес экземпляр этой книги Элизабет Пибоди. Элизабет была в восторге. Хотя она часто рассылала знакомым экземпляры собственных произведений, редко кто оказывал ей подобное внимание. «Ну вот, что я говорила тебе?» — торжествующе сказала она Мери. С этого дня Элизабет решила повлиять на Готорна и уговорить его сотрудничать в газете «Демократик Кроникл». Это казалось мало вероятным, так как писатель совершенно не интересовался журналистикой, однако, в виде любезности, он начал посылать в редакцию свои статьи. Готорн еще не знал, что бесполезно бороться против чрезмерной опеки Элизабет. Впрочем, вскоре они встретились. В письме к брату Джорджу в Новый Орлеан от 16 ноября 1837 года Мери описывала первую встречу Натаниеля Готорна с семьей Пибоди. «Он зашел к нам в прошлую субботу вечером. Нам он очень понравился. Еще до недавнего времени Готорн вел весьма замкнутую жизнь и был настолько застенчив, что даже страдал, когда приходилось общаться с простыми смертными. У него необычайно ясная голова, лучистые глаза, в которых светится ум. Он обещал прийти к нам еще раз. Более близкое знакомство для нас весьма желательно».

Элизабет бросилась наверх сообщить Софии, что к ним пришел Натаниель Готорн с сестрой Бетси. «Он красив, как лорд Байрон», — сказала Лизи, зная, чем заинтересовать романтично настроенную Софию. Девушка, страдавшая очередной мигренью, лежала в постели. Она всегда относилась с некоторым недоверием к излишним своим экспансивной сестры и категорически отказалась выйти к гостям. На столе лежал прекрасно изданный томик Флаксмана «Греческие поэты». Молодая художница срисовывала каждую из изящных неоклассических гравюр и нередко утомлялась, упорно работая над отдельными деталями. София попросила сестру показать книгу гостям и сказала: «Если Готорн пришел, то несомненно придет и в другой раз».

Элизабет спустилась в гостиную, села между братом и сестрой Готорн и, медленно перелистывая книгу, начала рассказывать о Софии. Она обрисовала сестру-художницу страдальцей, эфирным созданием, изящной, как героиня Флакмена.

Когда Готорны вышли на улицу, Натаниель бросил прощальный взгляд на дом и, заметив квадрат светящегося на верхнем этаже окна, подумал — может быть, это комната Софии. Незнакомый образ девушки овладел воображением писателя. Конечно, он вернется сюда. Дату второго визита — никто точно не запомнил. Писатель не заставил себя долго ждать. На этот раз София спустилась в гостиную. Она была в белом пеньюаре. Девушка, казалось, вышла из мира грез, созданного Флакменом. Готорн встал и замер, боясь проронить слово. Они обменялись долгим взглядом и София первая отвела глаза. Она протянула писателю руку и начала говорить с изумительным самообладанием и достоинством.

«На этот раз Элизабет не преувеличила», — подумала София. Натаниель Готорн был действительно красив. Густые брови, легкие тени вокруг глаз — доминирующие черты в каждом его портрете. Темносиние глаза казались черными. Высокий, белый лоб, оттененный слегка зачесанными назад темными волосами, энергичный подбородок, точеный нос и рот были так же прекрасны, как и линии его профиля. Подобные профили София часто срисовывала с гравюр, изображавших древних греков. Затаив дыхание, с бьющимся сердцем, она изучала изгибы рта Готорна. Губы были немного пухлые, чувственные, красивые, почти женственные. Чуть выдающаяся нижняя губа выражала не только твердую волю, но и сильный темперамент. С таким человеком, нежным и пылким, нельзя было шутить. Щеки у Софии порозовели, когда она мысленно стала уверять себя, что смотрит на Готорна исключительно глазами художника.

Его темнокаштановые волосы, вероятно, красиво отливают при ярком освещении сверху. Месяцы, проведенные дома без воздуха, придали его лицу интересную бледность.

Готорн все чаще и чаще стал появляться в доме на Чартер-стрит, что конечно служило поводом для разговоров. «Он ходит к мисс Элизабет», — говорили кумушки. Элизабет продолжала уверять, что платоническая дружба — ее идеал. Нет ничего удивительного, что некоторые девушки, как и некоторые мужчины, не чувствуют склонности к семейной жизни, говорила Элизабет. В то же время она не могла не чувствовать себя польщенной — ведь Готорн был так красив. Писатель, казалось, не способен был понять, что Элизабет лучше чем он устраивала его дела, и ее приводило в отчаяние, что Натаниель никогда не делал того, что ему говорили.

На самой аристократической улице Салема — Честнут-стрит — жила Сюзан Берлей, известная своими литературными вечерами, на которых ее друзья встречались с приезжающими в город знамени-

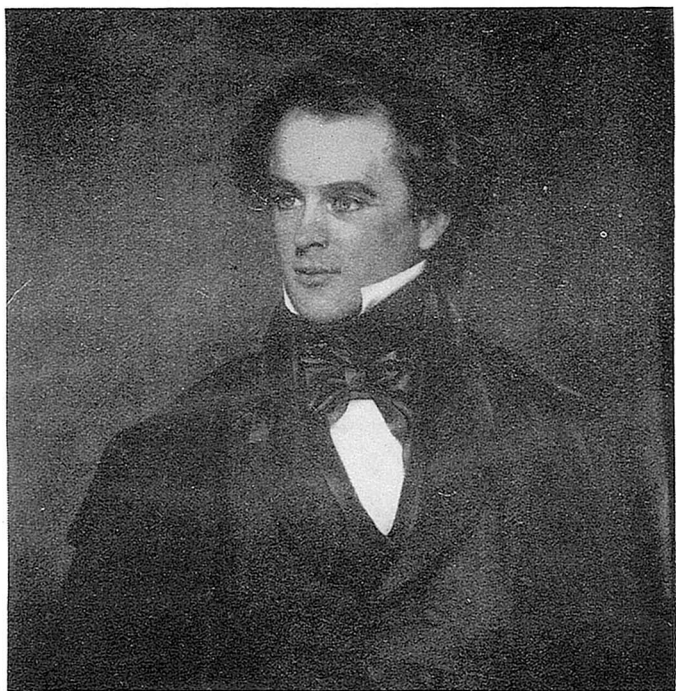
Портрет Софии Пибоди, написанный в 1830 году.

тостями. Под покровительством этой женщины более или менее способный человек мог значительно выдвинуться. Она относилась с большой симпатией к сестрам Пибоди. Когда Элизабет попросила у Сюзан разрешения привести с собою на ближайший литературный вечер Натаниеля Готорна, мисс Берлей почувствовала себя польщенной.

Когда Готорн, всегда уклонявшийся от визитов, по настоянию Элизабет приехал на Чартер-стрит, чтобы сопровождать сестер, Элизабет несколько не удивилась своей победе, но зато изумился Готорн, узнав слишком поздно, что София осталась дома, а его спутниками оказались Мери и Элизабет. Девушка никогда не выходила по вечерам, опасаясь сырого воздуха, вредного для здоровья.

Возникла несколько сложная проблема. Дома Готорн настолько привык к замкнутому образу жизни и одиночеству, что выходил на прогулку только в ночные часы. При лунном свете он бродил по морскому берегу, напевая самому себе рассказы, которые он

Натаниэль Готорн. 1840 год.

надеялся со временем записать. Однако вскоре ему суждено было отказаться от этой привычки. София объявила Натаниелю, что она гуляет только днем, когда не дуют холодные восточные ветры. Они решили в ближайший солнечный безветренный день вместе выйти на прогулку. Готорн сказал, что Софии нужна сильная рука, на которую можно было бы опереться.

София выбрала лучший и наиболее верный путь для сближения с автором и внимательно читала его произведения. Однажды она нарисовала иллюстрации в стиле Флаксмана к его новелле «Кроткий мальчик». «Мне хотелось бы знать, похоже ли это на вашего Ибраима?» — спросила она. Готорн посмотрел на рисунок и с исключительным, свойственным ему тактом сказал: «Для меня он всегда будет таким». Когда «Кроткий мальчик» вышел из печати с иллюстрациями Софии Пибоди, на третьей странице была сделана следующая надпись: «Мисс Софии Пибоди, искусство которой украсило этот небольшой труд. От признательного автора».

София преобразилась. Натаниеля встречала другая веселая, шутливо настроенная София. Куда девалась бледная девушка в белом пеньюаре, часто проводившая дни в постели. Она пополнела и ее щеки покрылись румянцем: «Здоровье мое поправилось на свежем воздухе, благодаря долгим прогулкам с Готорном», — чистосердечно объясняла она родным причину происшедших с ней перемен. Влияние Готорна на Софию было удивительно благотворным. Ранней весной 1839 года он записал многое из душевных разговоров, какие они вели во время долгих зимних прогулок.

«Развивайтесь физически. Я не хочу, чтобы вы стремились к еще большему интеллектуальному развитию до тех пор, пока не догоню вас и не пойду с вами в ногу. Будьте же сильны и полны жизни — земной реальной жизни — и пусть на ваших щеках играет румянец. Ночью спите спокойно, а утром настройте себя так, словно вы вновь родились. Прошу вас каждый день накапливайте запас энергии и храните его до нашей встречи. Поверьте, вы будете бодро шагать со мной рядом и пройдете милю за милей, не опираясь на мою руку. Это отнюдь не значит, что мы не должны идти рука об руку. Пожалуйста, опирайтесь как можно сильнее, но не потому, что слабы, а для того, чтобы облегчить мне шаг и пойти со мною в ногу. Я умоляю вас проявите чудо. Не думаю, что кто-либо, пользующийся большим авторитетом будет отрицать, что внутренняя сила человека порождается верой в себя и поддержкой извне».

Точная дата их помолвки неизвестна. Они хранили ее втайне, хотя об этом можно было догадаться по письму Готорна из Нью-Йорка от 1 января 1840 года. «Какой это был год! Дорогая, я знаю, что у вас на устах такое же восклицание. Сердце мое вновь переживает его. Это был самый замечательный год из всех лет — год, когда распустился цветок нашей жизни, цветок нашей

жизни и любви, вечной в наших сердцах».

Два года спустя, в конце июля 1842 года, София вышла замуж за Готорна. Их свадебное путешествие ограничилось поездкой в Конкорд. Куда девалась болезненная девушка! В карету вошла София Готорн, здоровая, сияющая от счастья женщина. Они ехали вдоль старой дороги, через Лексингтон, затем по пыльной, окаймленной деревьями Конкорд-стрит. У Северного моста, позади тенистого авеню, стоял старый мрачный дом, некогда принадлежащий деду Ральфа Уолдо Эмерсона. Готорн прозвал его «Олд Мэнз» (мэнз — дом шотландского пастора). Он первый вошел в их новое жилище. Сверкающие окна, состоящие из пятнадцати отдельных стекол, вставленных в раму, своим блеском приветствовали Софию и Натаниеля. Унылая коричневатая-серая окраска дома напоминала ствол старого дерева. Вокруг него зеленели лужайки, где июльская трава доходила до колен. Река Конкорд, протекавшая внизу, чуть ниже расположенного за домом сада, поблескивала задумчивой голубизной среди

островков водяных лилий. Эти белые лилии росли почти у самого входа в сад.

Дом был сдан Готорнам вместе с обстановкой. Супруги могли пользоваться всеми вещами по своему усмотрению, отнести тот или иной предмет на чердак, заменить его собственной вещью.

Во время ожидания первого обеда в новом доме, Готорн обошел комнаты, планируя куда можно будет разместить свое имущество. Столовая непосредственно сообщалась с гостиной и, казалось, что переступив порог, входишь в совершенно иной мир. София сразу решила устроить свою мастерскую в гостиной. Она предпочитала работать по утрам, когда сквозь окна, выходящие на Конкордский мост, в комнату проникал холодный северный свет. К вечеру через два больших окна, обращенных на запад, врываются косые лучи заходящего солнца. Софии очень нравилась ее мастерская, главное потому, что над ней находился кабинет Готорна.

Шли дни. София чувствовала себя счастливой и свободной от привычного напряженного состояния. Ничего подобного она не испытывала прежде. Вместе с Натаниелем она совершала долгие прогулки. Рано утром она брала дневник Готорна и делала в нем свои записи. Их первая ссора, закончившаяся трогательным примирением, навсегда осталась у них в памяти. София, прожившая всю жизнь в городе, не знала, что нельзя ходить по нескошенному лугу и хотя Готорн убеждал ее вернуться и не мять высокую траву, она продолжала свой путь через поле. Натаниель, взобравшись на холм, спустился на другую обходную тропинку и встретил Софию в лесу.

После прогулок по полям и лесам София не ложилась отдыхать. Мать молодой женщины несказанно удивилась бы, если бы узнала, что дочь по вечерам танцует под звуки маленького музыкального ящика. После замужества София уничтожила свою любовную переписку; сохранились лишь письма к матери, в которых она говорила о своей любви:

«С тех пор, как мир вышел из состояния хаоса, на земле никогда не было такого мужа. Мы часто сидим, беседуя молча, изумляясь существованию на свете такого огромного счастья и тому, что оно выпало на долю именно нам».

В старом доме, обогреваемом двумя герметическими печами, Готорны встретили наступающую зиму с новыми надеждами. Впервые после замужества София вернулась к своей живописи.

В силу договора, заключенного с издательствами, Готорн обязался ежемесячно писать определенное число статей для трех журналов. Он много и усердно работал, чтобы своевременно выполнить заказ. Этого заработка хватало на простую и спокойную жизнь, какая их вполне удовлетворяла. Если бы не любимое дело, отнимавшее у Софии много времени, то в долгие часы досуга она поддалась бы соблазну постоянно забегать в рабочий кабинет мужа, чтобы «только

взглянуть» чем он занят; это несомненно вызвало бы неудовольствие с его стороны, или, в худшем случае, дом общительной молодой женщины был бы всегда полон гостей, которые то и дело отрывали бы писателя от работы.

Когда пришла весна, Софии показалось, что вновь прилетела та самая птичка, которая пела ей в первое прекрасное утро после свадьбы. Она чувствовала себя на вершине счастья. Молодой женщине никогда не приходилось встречать весну среди природы. В первый раз в жизни она занялась посадкой цветочных семян. София вдыхала запах освободившейся от снега свежей земли и любовалась разлившейся рекой Конкорд.

В дневнике, который совместно вели супруги, она написала: «Моя душа подобно могучей реке, освободившейся от оков мороза и льда. — Нет, не от мороза и льда, ибо я всегда была свободной и в холодные зимние дни меня согревало горячее сердце моего мужа».

София стояла, погруженная в глубокое раздумье у одного из окон кабинета Готорна, выходящего на запад. Бриллиантовым перстнем она написала на стекле: «Человек предполагает, а Бог располагает. София Готорн. 1843 г.». Муж подошел и, взяв ее кольцо, написал: «Нат Готорн. Здесь был его кабинет. 1843 г.»

«Слова моей жены подобны маленькой ветке,
Тянущейся к небу.

Она написала их

Бриллиантовым перстнем».

София закончила:

«Надпись сделана

Моим мужем

На закате солнца

30 апреля 1843 г.

При золотом свете заката

Воскресенье С. А. Г.»

В августе 1843 г. после года безмятежного счастья, София написала сестре Натаниеля, Луизе Готорн: «Хотя я еще не совсем уверена, но вот уже два месяца, как мы находимся в счастливом ожидании новой жизни».

3 марта 1844 года родилась Юна, старшая из трех детей Готорнов. В мастерской Софии на стекле окна, обращенного на север, Натаниель написал:

«На этом окне

22 января 1845 года

Стояла Юна Готорн.

Деревья, напоминающие

Хрустальные люстры,

Привлекали взор

Десятимесячной малютки».

McIntosh & Otis, Inc., for excerpts from book published by Little, Brown & Co., Boston

Арбитраж — Путь к разрешению конфликтов: Dan Weiner—Henrietta Brackman. Наука для непосвященных: Black Star. Лососи реки Колумбии: Tom Parker—OII—INP, Photographic Branch. Общественные работники США за границей: Elmira Lucke; National Board of Young Women's Christian Association. Ветераны войны: United Artists Corporation. Фермер в пустыне: Wynn Stephansen. Как работает Эндрю Уайер: Arnold Newman, Paintings reproduced courtesy of Paul Geier, Macbeth Galley, Mrs. Charles Mayer, Pepsi Cola Company, Mrs. John D. Rockefeller, Jr. Жизнь в университетском городе: Alfred Eisenstaedt; Joe Monroe—OII—INP, Photographic Branch. Механическая стирка на дому: Owen-Black Star; Charlotte Brooks; Martin Harris; Standard Oil Company of New Jersey. Два с половиной миллиона платяев в год: Milton Greene—Avondale Mills; Charlotte Brooks; Jane Engel; Good Housekeeping Magazine; Ben Somoroff. Пенсильванские немцы: Cy LaTour. Пять лет спустя: Jack Warring. Сестры Пибоди из Салема: Essex Institute; Little, Brown and Company; Louise Hall Tharp. На первой странице обложки: Jerry Cooke. На второй странице обложки: Shostal. На третьей странице обложки: Charlotte Brooks. На четвертой странице обложки: LIFE Magazine.

Фото с разрешения:

Иллюстрации с разрешения:

Горы бумаги, Сестры Пибоди из Салема, Пять лет спустя: Emma Landau—OII—INP, Publications Branch. Лососи реки Колумбии: William D. Hayes—OII—INP, Publications Branch.

